

ISSN 0130-3800

საქართველოს
ლიტერატურის
აქადემია

1994
1-2

10335
1994

3

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

1994

1-2

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

1994

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Журнал выходит с июня 1957 года

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

- КАМИЛЛА КОРИНТЭЛИ.** «Санта Лючия». Стихи 3
- ВЛАДИМИР САРИШВИЛИ.** Капля меду. Поэма. 5
- НАИРА ГЕЛАШВИЛИ.** «Амбры, умбры и арабы...». Повесть. Перевод Людмилы Кравченко. Окончание. 10
- ФРИДОН ХАЛВАШИ.** Стихи. Перевод Г. Орагвелидзе 86
- РАБИ ДАВИД ИЛЪЯН.** Пилигрим и роза. Новелла. Перевод Камиллы Коринтэли. **Смотри зорче.** Стихи. Перевод Владимира Саришвили 87
- ВЛАДИМИР ОСИНСКИЙ.** Модельеры. Оптимистическая антиутопия 97
- ТАТО НИНУА.** Стихи. Перевод Владимира Саришвили 161

1-2

Учредители: Союз писателей Грузии
Редакция журнала «Литературная Грузия»

164
318-1110133

ГЕННАДИЙ СТОЙКОВ. Стихи

ТРИБУНА ПИСАТЕЛЯ

РЕВАЗ ДЖАПАРИДЗЕ. Не к лицу! Перевод
Камиллы Коринтэли 166

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ТАТЬЯНА ШАРΟЕВА. Художник микрокли-
мата личности 177

РЕЦЕНЗИИ

Ст. АНАНЬЕВ. По следам неоконченной сим-
фонии (О «Записных книжках» А. С. Цы-
булевского) 188

ГИВИ ОРАГВЕЛИДЗЕ. Спешите купить 196

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ

ДВЕ ПОЗИЦИИ 198

АБХАЗСКИЙ КОНФЛИКТ В ГРУЗИИ

ИРИНА ЗУРАБАШВИЛИ. «Мое место там...» 214

ПУБЛИЦИСТИКА

НОДАР КОМАХИДЗЕ. Грузия и перспекти-
вы черноморской интеграции 218

ИСКУССТВО

ИРИНА БЕГИЗОВА. Искусство современного
мышления 226

ГАРРИ КУНЦЕВ. Два фильма на тему аб-
сурда 242

ХРОНИКА 241, 254, 255

Испанская миссия в Грузии 256

Санта Лючия

Когда глаза устают и горят

От нечеткого петита

газетных страниц,

Я смотрю вдаль, чтоб они отдохнули.

Я смотрю вдаль — в кусочек неба

над нашим двором,

Где верхушки лип и великолепных кипарисов.

Я смотрю вдаль — и вижу море,

Мое родное лазурное море

С серебряными полосами отсветов

раннего утра,

Когда горизонт теряется, тает

в розовой дымке.

Я смотрю вдаль — и вижу

Длинные песчаные пляжи,

Буйство сочных зеленых кустов

И сосны, сосны, сосны —

Самшит и сосны...

И надо всем этим чудом — прозрачная тишина.

Но вот — пришло, ворвалось, нагрянуло!..

Огонь и кровь и смерть!

Но если б только смерть!

Насилие и пытки... изощренный ад!

Война, в которой люди уж и не звери, —

Нет, зверю

такое не приснится.

Зверь убивает ради живота.

Зверь убивает просто и легко —

Ударом метким мощной лапы

Перебит хребет.

Я вдаль смотрю...

Все сожжено... Земля

Впитала столько крови!

Дым черный небо застит.

Волна морская

Качает трупы изувеченные

женщин,

Смывая надругательство, как может...
Море их оплачет
И даст забвение навек.
Но нам, живущим,

это не забыть!

Наемника кощунственной рукой
Осквернены святыни,
Все заповеди попраны...
Господь, Ты тоже

это не простишь!

... ..

Порой во сне, а часто — наяву
Теперь мне снится-видится:
Сухуми... белый пеликан.
Простор с горы,
С того прелестного балкона,
Где я жила не однажды.
Над тихой бухтой
Луна сияет.
На рейде корабли...
Огни приветны их в ночи.
И звезды
Горячи над головою
И огромны..
Старинный белый особняк напротив
Изящный купол врезал в звезды.
А на море — дорожка серебра.
И где-то рядом
Поют: «Санта Лючи-ия, Санта Лючи-ия...»
И это

там же

было...

Рушится,

рушится,

рушится дом...

Кровь обагрят

небо и дол,

В тесных ущельях — рыданье и стон.

Якорь надежды, спасательный круг,

Где ты маячишь?

К тебе — столько рук!..

04193679290

Владимир САРИШВИЛИ

Капля меду

I

Мне смерть явилась молнией в окне,
Совсем чуть-чуть до цели не добравшись,
Она меня отбросила к стене
И оглушила, во дворе взорвавшись.
В кромешной тьме, казалось, десять лет
Я пролежал, себя щипая вяло.
«Быть может, так на тот уходят свет?» —
Сознание бесстрастно вопрошало.
Меж тем вернулся слух. Толпа ползла
По лестницам в штабной подвал, спастись.
Теперь я знаю — как зовут посла,
Адепта смерти — довелось дознаться.
Кровавый «Град». Он бьет не виноград,
Не в сад фруктовый этим «градом» целят.
Он увлажняет хищной смерти сад,
И мертвый колос холит и лелеет.
Огонь и сталь — всеядной смерти клюв
Крушил бетон как бы скорлупок известь.
Свет зажигалок яростно задув,
Волны воздушной прокатился присвист.
Забившись в нишу, ждали мы конца
Под магнийные вспышки фотокора.
«Во имя милосердного Отца,
И Сына, и Святаго Духа... Скоро?» —
Я спрашивал себя. Гвардейца стон
Мне подсказал, что в нем еще боролась,
Но гасла жизнь. «Да где же телефон?!» —
До нас донесся вдруг знакомый голос. —
«Пошли звонить! Чего мы тут сидим,
Есть шанс на связь. Передадим в Тбилиси,
Что нас бомбят... Хоть это огласим...
Все лучше, чем торчать, как в яме лисы!».
Мы бросились на поиски. Шагах
В пятнадцати увесистый осколок

С кишками нишу вывернул. И в прах
Солдатика растер. Протяжно-долго
Был крик его, оставшийся в аду
Земном секундой дольше, чем летела
Его душа к Спасителю. В бреду,
Откинувшись, с лицом белее мела
Посудомойка из столовой дочь
Звала на помощь. Манной каши с кровью
Котел кипел. Давилась дымом ночь,
Нерасположенная к суесловью.

II

Смерть загнала нас в свой укромный дом —
В подвал, под землю. Отдохнув немножко
И наспех осенив себя крестом,
Мы в Красный Крест помчались под бомбежкой.
Ни зги не видя впереди, внизу,
Бежал я, глядя в россыпи созвездий,
И ноги были ватными, и зуд
Грыз изнутри. Двадцатое столетье
Круг замыкало. Вереницы звезд
Столпились, будто в очередь за хлебом,
И что мне Пруст, когда разбитый мост
Не прямо путь указывал, а в небо.
Я почему-то вспомнил Эрмитаж,
Катящиеся слезы Магдалины,
Античный зал, роскошный антураж,
И пышные фламандские картины...
На этой же планете, на холсте
(Теперь им плоти месиво прикрыто)
Писался лик блудницы, в простоте
И прелести раскаянья облитый
Слезами... Что ж понял человек
С тех самых пор, когда копьем разящим
Добычу защищая и ночлег,
Колол врага — тем радостней, чем чаще?
Он стал хитрей — он порох изобрел,
Мушкетеры, пистолеты и ракеты,
И бомбовый придумал волейбол —
Он стал хитрей, но не умней при этом.
И как далекий пращур за хвощи
Сто тысяч лет назад, ликуя бурно,

Из первой камень выпустив пращи,
Пустился в пляс под гулкий рокот бубна,
Ученый, виртуоза слыша альт,
О бомбе размышляет неизвестной.
Выходит, как ни жутко, прав Уайльд,
Что всякое искусство бесполезно?
Еще я вспомнил: кажется вчера
В залитых нежным светом ресторанах
Поэты коротали вечера
И мило развлекались в кегельбанах.
Неужто вы не поняли никак
(Иль, может, слишком крепки наши вина?) —
Чем край щедрей, тем множественней враг —
Никто ж не лезет на скалу к пингвинам.
Друзья, друзья! Где ваши голоса?..
Под стружкой рукомойника Пилата?
Но я отвлекся. Было два часа.
Мы добежали — все четыре брата.

III

— Вы журналисты? — строго спросил
Дежурный, белобрысенький подросток.
— Входите. Щас бомбили. Нету сил.
— У вас бомбят? Как так?
— А очень просто.
— Но здесь же санаторий. Здесь ООН.
И русские военные... И этот...
Всемирный Красный Крест.
— А им закон
Не писан. Мясо кушают по средам.
— Ну, ты шутить мастак.
— Я не шучу.
Вон посмотри, как «джип» разворотило.
Слегка подбило голову врачу.
И пусть поставит толстую свечу,
Когда к себе отправится на виллу. —
Подумал я: «А может это сон?
А может быть, в истории описка?
У «джи́па» санитарка из ООН
На полурусском и полуанглийском
Сказала: „Look, it's our doctor's blood...»

Здесь было много blood. Я вытирала...
It's very bad and terrible — the „Grad“ —
И села, завернувшись в одеяло.

* * *

Уже светало. Море, как атлет,
Слегка сжимая мышцы, расслабляя,
Казалось бы, не предвещало бед.
Вдруг, фейерверком воздух рассекая,
Пошел десант на берег. Катера,
Его ответным фейерверком встретя,
Как бы узор бухарского ковра
Расшили на разостланном рассвете.
Тут подошел ко мне лет сорока
Мужчина с красной розою в петлице.
Помятый, явно тронутый слегка, —
Кругом война, чему уж тут дивиться! —
И говорит: «Вы помните рассказ
Из «Шахразады» — третьего визиря?
Лишь пять минут внимания. Как раз
У нас есть время. В городе Измире
Жил некогда охотник. И нашел
Однажды он дупло с пчелиным медом.
Бурдюк наполнил. Свистнул пса. Побрел
В соседнее село неспешным ходом.
В какой-то лавке мед решил продать.
Хозяин был доволен этой сделкой,
Вдруг капнул мед. Давай вокруг жужжать
Веселым роем мухи. Птахе мелкой
Обед из мух понравился. Но вот
Ее схватила лавочника кошка.
Собака — раз — и кошечку в расход,
Торговец тут собаку — хлоп, как мошку.
Охотник разъярился. Верный друг
Убит каким-то тюфяком-менялой!
Рванул из-за плеча тугой свой лук,
И лавочника в тот же миг не стало.
Сельчане в гневе за стрелком вдогон,
Но тот явил такую прыть и вскоре
Его село полезло на рожон,
И полегло ж людей в медовом споре!
Хотите чаю? Я вам принесу»...

Подпрыгнув по-балетному в поклоне,
Ушел, очки поправил на носу...
Серьезный, как на кафедре в Сорбонне.
Его убьют спустя четыре дня.
И всех, кого найдут, перестреляют.
На торжище железа и огня
Цветы в петличках только раздражают.
А мы успеем прыгнуть в самолет,
Бездомными загруженный чрезмерно —
Так, что стирая пот, один пилот
Процедит: «С морем чмокнемся, наверно».

IV

Пожарный шланг, как бешеный питон,
Залил шасси дымящуюся пеной.
Был день как день. Но мне казался он
Счастливейшего праздника ареной.
Шутили мы, бия друг друга в грудь,
Шампанского друг другу обещали,
Ну, а под вечер я не мог уснуть —
В мозгу сигналы радио пищали.
Пошел куда-то, пил и горевал
И, заплутав, впотьмах искал ночлега,
Но город ощетинившийся стал
Совсем чужим, как западный коллега.
Минует ночь. Рассеется туман,
За все свою получит каждый цену, —
За доблесть, и зазнайство, и обман,
Страдания, геройство и измену.
И беглецов Сухуми встретит вновь,
Морским зефиром ласковым овеяв
Причудливые булочки кофеен...
НО НЕ ЗАБУДЕТ ПРОЛИТУЮ КРОВЬ!

27.09 — 2.10.93 г.

«АМБРЫ, УМБРЫ II АРАБЫ...»

ПОВЕСТЬ

II.

Поднялись в башню. Я не стал задерживаться в первой «комнате», провел ее во вторую. Здесь слева и справа у стен стояли длинные лавки, у средней стены — деревянная тахта с наваленными на нее постелями. В четвертой стене было прорезано окно.

Мной овладело радостное возбуждение, видимо, передавшееся от нее. Я обернулся к ней и ладонями сжал ей щеки:

— Как тебя зовут, маленькая медведица?

— Я маленькая медведица?

— Да, ты, ну-ка, иди сюда, — я подвел ее к окну, откуда все окрестности видны были как на ладони. Указал ей на небо. Давеча, стоя у этого окна в одиночестве, я заметил на небе Малую Медведицу. Она и сейчас была на том же месте, мигала себе спокойно. — Вон, смотри, видишь? — Она кивнула.

— А вот это что? — я коснулся ее шеи там, где заметил днем созвездие бледных родинок. Она опустила глаза. Я почувствовал, как по телу ее пробежала дрожь.

— Что? — тихо, изменившимся голосом спросила она.

— Как что? Малая Медведица. Ты что, не знаешь, что у тебя здесь родинки?

— Знаю, в зеркале видела, — еще тише отвечала она. — А ты откуда знаешь?

Окончание. Начало см. в № 6 за 1993 г.

— Это моя тайна. Жаль, что ты их не видишь. Это очень красиво. Точная копия. Подумать только! — я быстро нагнулся и поцеловал ее в шею. — Всю жизнь мечтал поцеловать Малую Медведицу. И вот где наконец пришлось.

— Не мечтал, — как-то подчеркнуто, хотя и очень тихо сказала она (видно, очень много всего вложила в эти слова) и глянула мне прямо в глаза. Лицо у нее стало удивительно мягким, на нем читалась какая-то покорность, что после ее упрямых «Нет!», прямо скажу, удивило меня. Она волновалась, я чувствовал, как колотилось ее сердце, лицо же у нее было такое, словно она молилась.

— А как тебя зовут?

— Мерция...

— Мерция... В детстве так звали дочку врача в нашей деревне. Ей не позволяли играть с нами. Она все время сидела у себя во дворе. Кажется, она была больна...

— Больна? Чем?

— Не помню... С тех пор я больше не встречал это имя... — я смотрел на нее. — Мерция, это наша пещера, мы с тобой дикари... нашли пещеру и собираемся в ней вместе... жить... хорошо, правда? — я говорил все, что приходило на ум, лишь бы не молчать, так как тоже волновался.

— Хорошо, — засмеялась она и снова развеселилась.

— Но это игра, нет, это жизнь требует, чтобы мы все забыли... — сказал я и погладил ее по волосам...

— Что все?

— Город, прошлое, знакомых... все...

— Ах! — она махнула рукой. — А я и не помню.

— Вот и хорошо... А что ты помнишь? — Я почувствовал, что этим вопросом касаюсь чего-то очень конкретного; я только сейчас вспомнил, что даже не знаю, замужем она или нет, и вообще кто она. и кто у нее был...

— Что помню? Не знаю... — Она пожала плечами. — Помню, что... время бежит...

— И когда же ты это установила? Уж не тогда ли, когда сидела такая грустная на берегу этой речки?

— Не знаю, — тихо засмеялась она.

Я снял со стены меч в ножнах, потом положил на подоконник «берданку» тестя Агато, обнажил меч, обнял Мерцию за плечи и сказал:

— Мой кров, мой дом, моя земля, моя женщина.

— Грозный шатилец, — засмеялась она и отодвинулась. Я не подавал виду, что замечаю, как она трепещет от каждого моего прикосновения. А про себя подумал: видно, очень чувственная.

Положил меч на тахту. Что-то мешало мне, и я не понимал, что именно. С детства не испытывал такой неловкости и ничем не мог ее объяснить. Виной всему была та ее радость... То, как она за мной пошла... Словно ей даже в голову не приходило... А почему, спрашивается, на каком основании? Если бы на ее месте была Меги, мы бы уже давно были вместе, — подумалось мне... Я не понимал, что со мной происходит. Выходя из башни я испытывал вполне определенное и довольно сильное желание. Теперь же просто был в радостном настроении (какого давненько за собой не замечал), однако прежнего влечения не было... И когда она подошла к окну и выглянула наружу, я приблизился к ней со спины, обнял обеими руками и поцеловал в одну, потом в другую щеку. Из этого следовало, что дела мои из рук вон плохи. У поцелуев этих был какой-то совсем иной привкус. Я целовал ее без страсти, нежно, как целуют детей. Она обернулась, уперлась руками мне в грудь и отодвинула меня. Я снова прижал ладони к ее щекам и слегка коснулся губами ее перекошенных губ. Потом скользнул ладонями по ее шее и сцепил пальцы у нее на затылке. Она задрожала.

— Хочешь, порадую тебя? — внезапно спросил я.

-- Хочу.

Я расстелил на полу бурку. У изголовья положил меч, рядом — ружье и улегся на спину.

— Ну вот, и умер, можешь меня хоронить, ты ведь любишь хоронить и делать могилы, — я сложил на груди руки и закрыл глаза.

Лежал в высокой башне витязь непобедимый, льву подобный,

Рыл конь его у изголовья копытом твердь земли
Копье его по леву руку — рвет острием шатер
По праву — меч в сраженьях верный с алмазным
Седая рядом мать сидела и таяла в слезах над сыном,
А в головах рыдала дева — стремились к морю слез
потокИ,

— тихо проговорила она. Я не открывал глаз. Она умолкла. Я почувствовал, как она подошла ко мне... Опустилась рядом со мной на колени. Почти касаясь меня коленями. Нагнулась и легко коснулась моих губ. Потом поцеловала в закрытые глаза... Словно бабочка опустилась мне на веки. Потом провела рукой по лбу, по вискам. Я затаил дыхание. Скользнула рукой по щеке и задержалась на плече... Слегка сжала руку.

— Открой глаза, — тихо произнесла она.

Я не шевелился.

— Открой глаза, — она ухватила пальцами за мои ресницы и попыталась приподнять мне веки.

Я еще сильнее зажмурился.

— Проснись, слышишь, проснись! — Голос у нее стал тревожным. Нагнулась и прижалась щекой к моей щеке.

— А-а-а! Вот ты и попалась! — воскликнул я, обнимая ее.

Она вся дрожала. Я заглянул ей в глаза, и мне показалось, что в них блестели слезы.

— Э-э! Как быстро поверила! Сразу же вошла в роль скорбящей!

Она засмеялась.

— Как ты мне сказала? «Проснись, слышишь, проснись». Знаешь это стихотворение?

— Нет, — опять загрустила она.

— Стихотворение Габриэла Джабушанури. Хевсурца. Важа на нем помешан. Кажется, он даже доводится ему дальним родственником. Все мозги нам проел на работе. Походит, походит взад-вперед — и выдает очередную строфу. Весь отдел его уже наизусть знает. Поэт этот любил одну женщину, очень красивую,

которая рано умерла. Ей посвящены замечательные стихи. Я как-то наткнулся на Вазу, изрядно подвыпившего, он останавливает и выдает: «Проснись, слышишь, проснись!», а сам глазами так и вращает, как бык. Хочешь до конца послушать?

— Хочу.

Проснись, слышишь, проснись. Иду уже,
Встречай, раскрой глаза.
Как долго я искал, как звал тебя,
В каких я муках шел
К тебе, отзовись!
Нет больше сил блуждать, искать и звать
И оставаться без тебя.
Так много накопело слов,
Что бесконечна будет речи моей
Радость. Встречай,
Проснись, зови меня, зови,
Украшь свой гроб, как свежестью цветов
Ты убрала бы дом наш светлый.
Твоим уходом мир опустошен.
Мучения любви, сиротства и разлуки
К тебе влекут, и близок уж
Конец страданиям,
Проснись, проснись, проснись, глаза раскрой
И протяни к свиданью руки.

— Вот так и протараторил мне его целиком. Да пропади ты пропадом, сгинь с глаз долой, говорю я ему. Не люблю я все эти разговоры и песни о смерти, вообще терпеть не могу, когда говорят о мертвых и о смерти. Эй! Что с тобой! Ты что, и вправду расстроилась? Ну, перестань. Видишь, не зря я не выношу подобных вещей. Ты что, плачешь?

— Какое ужасное стихотворение, — сказала она и встала. Глаза ее неподвижно уставились в одну точку.

— Конечно, ужасное!

— Чудесное стихотворение... Какой прекрасный человек был, — и добавила: — А я люблю мертвых.

— Перестань. С таким трудом настроил тебя на хорошую волну, а это стихотворение все испортило.

— Нет, — сказала она и снова опустилась на колени. Обняла меня за плечи и поцеловала. И получи-

лось это у нее как-то так самозабвенно, с какой-то особенной, граничащей с плачем радостью — так, словно у нас оставалось совсем мало времени и мы непременно должны были все успеть. Я опять удивился. Видно, Шатели во всем виновата, решил про себя.

Голова ее покоилась у меня на руке... Другой рукой я держал ее за подбородок и медленно целовал. И по этому тоже можно было догадаться, что я влип в какую-то странную историю: я совсем не спешил. Хотелось, чтобы так продолжалось до бесконечности.

Она села... Я снял рубашку и отбросил в сторону. Она обняла меня руками и прижалась щекой к груди. Я нагнулся и снял с нее туфли. В платье ее от плеч до локтей были продернуты коричневые тесемки. Если выдернуть эти тесемки, платье само сползет вниз. Я подумал об этом, еще когда мы шли от реки к башне. Хотя снимать такое же платье со своей жены мне не доводилось: в нашем возрасте жен не раздевают.

Я осторожно выдернул тесемки. Она послушно сидела. Руки ее лежали у меня на плечах. Обнажилось одно плечо, потом другое, платье сползло вниз и складками собралось на талии. Я обнял ее. Выше пояса на ней ничего не было. Я, кажется, подумал об этом еще в автобусе. Да ей ничего и не требовалось. Она была красиво худощавой. С идеально ровными плечами. С четко выделяющимися ключицами и красивой грудью. С раздвинутыми в стороны и слегка приподнятыми сосками. Когда я заглянул в лицо, мне показалось, что она вот-вот потеряет сознание. У меня тоже что-то творилось с головой, я почему-то излишне волновался, а сердце готово было выскочить из груди, так что я даже испугался... Мы лежали рядом. Я крепко прижимал ее к груди. Осторожно провел рукой у нее под грудью: сердце у нее бешено колотилось. Она схватила мою руку и не отпускала ее.

— Что такое?

— Этого не касайся, — нервно проговорила она.

— Почему?

— Потому.

— С ума меня сведет эта женщина!

Я высвободил руку и попытался снова прикоснуть-

ся к ней. Она перевернулась на живот, повернув ко мне лицо.

— Не буду трогать, только скажи, почему.

— ...У меня там... кожа шершавая... После беременности... — проговорила она, словно извиняясь.

При упоминании о беременности сердце у меня неприятно сжалось. Мне это почему-то не приходило в голову... Я даже весь похолодел.

— У тебя есть ребенок?

Она кивнула.

— Один?

Снова молчаливый кивок.

— Сколько ему лет?

Поднесла к лицу пять растопыренных пальцев.

— А муж?.. Мужа... любишь?

Отрицательно помотала головой. Потом сказала:

— Мужа нет.

— Как это?

— Так, — пожала плечами.

— Умер?

— Не-а.

— Разошлись?

— Не-а.

Я помолчал. По телу снова пробежал неприятный холодок. Раскурил сигарету. Лег на спину и подложил под голову вторую руку. Почувствовал, как она пару раз глянула на меня. Протянул руку и погладил ее по голове.

— А с кем сейчас ребенок?

— С мамой и сестрой. Она в основном с ними живет. Мне не доверяют, — она улыбнулась.

— А чем ты занимаешься?

— Рисую.

— А его... любила?

Пожала плечами:

— Нравился... Он меня любил.

— Почему вы расстались? Перестань пожимать плечами.

— Я не могла с ним быть... Поняла, что не люблю никогда...

— Зачем же родила?

— А что, не имела права? — спросила дрогнувшим, раздраженным голосом. Потом успокоилась и

добавила: — Не могла пойти на это... Это ужасно...
Наверно, никогда не смогу... Ужасно...

— Что же, так всех и будешь рожать?

Засмеялась. Снова пожала плечами.

— Не знаю, ничего не знаю... Не думаю об этом.
Но чего не могу, того не могу. Просто не думаю... Я
многого не могу...

— Как зовут дочку?

— Эленэ.

— Похожа на тебя?

— Кажется, да...

Помолчали. На меня нахлынула тоска.

— Не могу представить тебя беременной.

— Я тоже не могла, — она грустно засмеялась и
как-то печально поцеловала меня в плечо. Потом вдруг
сказала:

— А знаешь, когда я увидела тебя впервые?

— Когда?

— Прошлой осенью. В конце ноября. Я была у вас
в институте. Нужно было достать для подруги одну
книгу, и я подумала, что, может, у Иды она есть...

— Ида твоя подруга?

— Нет, подруга моей сестры. Сестра мне сказала,
что у Иды может быть. А Ида сказала, что у нее нет,
а у этого есть, но она у него просить не станет, —
и указала на тебя. Ты сидел на столе, прислонившись
спиной к стене, курил и смотрел в окно... Не знаю, по-
чему она не могла у тебя попросить. «Какие у него
горестные глаза», — сказала я Иде. «Горестные?» —
переспросила она и проворчала: «Ну да, как же, горе-
стные...» «У него жена есть?» — я сама удивилась
своему вопросу. Она пристально взглянула на меня и
ответила: «Все у него есть: и жена, и дети... И вообще
ни в чем не испытывает недостатка». С тех пор я ча-
сто думала о тебе.

— А какая тебе нужна была книга? — зачем-то
поинтересовался я, повторяя при этом про себя слова
Иды: «Ни в чем не испытывает недостатка».

— Какого-то немецкого автора, кажется, о подзем-
ных запасах воды, если не ошибаюсь... У него там из-
ложены какие-то интересные соображения о подземных
реках. Не помню названия. Подруга мне рассказывала.

438541

საქართველოს
ბიბლიოთეკის
განყოფილება

— Да-да, знаю. Она есть у меня. А что это за по-
друга?

— Фамилия ее Булеишвили, и мы зовем ее «Булей». Интересуется всем на свете. Да еще так обо всем рассказывает — кого хочешь увлечет. Говорит, что между водой и звездами существует тайная, неразгаданная связь. И все, что было кем-либо когда-либо сказано о воде, у нее собрано или переписано. Я одно время тоже постоянно рисовала воду, она уверяла, что получалось превосходно...

— Да, — сказал я, как бы про себя, — вода — это все, начало всех начал.

— Талесий тоже так считает. — Она засмеялась. Я тоже засмеялся. Вдруг лицо у нее застыло и даже рот приоткрылся. Она села.

— Ой!

— Что?

— Ведь, говорят, именно Талесий открыл созвездие Малой Медведицы!

— Откуда ты знаешь?

— Помню. Читала где-то... Как странно.

— Что странно?

— Не знаю... — она опять легла животом вниз, лицом ко мне.

— Маленькую Медведицу открыл я. — Я обнял ее. Приподнял волосы и поцеловал в шею. — Что же касается воды, то ей уже ничем не поможешь, поверь мне. И звездами забивать себе мозги тоже не следует, сейчас не то время...

— Да? — шепотом спросила она. — А какое сейчас время?

— А вот такое, — я поцеловал ее. — Сейчас время минут. Надо копить минуты, сколько сможем, чтобы потом унести их с собой, как сувениры... когда начнем собирать пожитки, отправляясь с этого света. Сколько тебе лет?

— Двадцать семь. А тебе сорок два, да?

— Откуда ты знаешь?

— У Иды спросила.

— А где ты была прошлым летом? — вспомнил я в связи с Идой.

— На море. Только я там заболела... Потом целый месяц лежала в больнице...

— Что с тобой было?

— Не знаю... Температура держалась, слабость... Потом прошло. Когда я приходила к вам в институт, я как раз только выписалась из больницы...

Нет, конечно, я уже любил ее. Возможно, даже любил уже в дороге — понятия не имею, ничего не понимаю. Кажется, впервые взглянув на нее, сразу же сердцем почувствовал что-то... Потому и избегал ее.

Мы были вместе, но мне было неясно, со мной она или нет. Очень хотелось, чтобы она была со мной до конца. И вдруг, когда все уже кончалось... у меня потемнело в глазах... совсем как в тот самый первый раз... Вот уж чего я точно не ожидал. Я ведь был убежден, что ничто не повторяется. Со мной случился даже легкий обморок, продлившийся секунды две, которые показались мне вечностью. Я обнял ее за плечи и спрятал лицо у нее на шее. Ладони у нее стали прохладными. На лице высыхал пот. Но я все же не был уверен...

Голова ее лежала у меня на плече, мы лежали молча, тесно прижавшись друг к другу. Я вдыхал ее дыхание. Оно было душистым. Легонько шлепнул ее по пояснице и сказал:

— А ты, кажется, нуждаешься в настройке?

Она засмеялась.

Я понял, что не ошибся. Одновременно и огорчился, и обрадовался. Когда незнакомая женщина так послушно следует за тобой ночью, чего не подумаешь. Но если я что-либо смыслил в этих делах, она была не очень опытной. Вот это меня и обрадовало. Я сказал ей об этом. Она засмеялась и ничего не ответила. Вскоре она заснула.

Я лежал на спине. Курил. В углу окна застыла огромная полная луна. А в самой середине его сияла большая звезда. Я перевел взгляд на ее тело. У нее были какие-то детские, незавершенные формы. Не столько совершенные, сколько трогательные. Я потянулся за ее платьем и прикрыл ее. Она, почувствовав это, сонная, благодарно поцеловала меня в плечо, на котором лежала ее голова.

Я тоже заснул.

Внезапно я проснулся. Она стояла на коленях и смотрела мне в лицо. Комната была освещена лунным

светом. Слегка выющиеся волосы были рассыпаны у нее по плечам. Я погладил ее по плечу — она задрожала. Обняла мою руку обеими руками и выдохнула:

— Какой ты красивый...

— Я красивый? Ты с ума сошла?

Она утвердительно кивнула головой.

Снаружи доносились голоса. Играла гармонь. Мужчины пели. Слышался также шум ссоры. Обвязав бедра моей рубашкой, подошла к окну.

Я смотрел на нее, обтекаемую лунным светом. Она обернулась ко мне со словами:

— Хати, наверно, сердится на нас.

— За что? В чем мы провинились?

— Наверно, в такую ночь нельзя... — Одной рукой она упиралась в стену, на уровне виска, и мне опять бросилась в глаза ее грациозность.

— Тогда она должна была как-то нас предупредить. Мы ведь не знали...

Она засмеялась:

— Наверно, кое о чем и самим надо иногда догадываться.

— Ну вот еще... Как красиво ты стоишь... Сними эту рубашку.

— Нет! — решительно отозвалась она.

— Нет! — передразнил я ее. — Не хватало нам еще немилости хати. И так все против нас!.. Сними, ну пожалуйста! — Я обращался к ней каким-то неведомым мне самому голосом, о существовании которого я до сих пор даже не подозревал.

— Не сниму.

— Прошу тебя.

— Нет.

— Вот я сейчас встану.

— Вставай, — она пожала плечами и прижалась виском к стене.

Я сел. Она отвернулась к окну. Я оделся и тоже подошел к окну.

— Я выйду на минутку. Это проклятое пиво... Ты смотри тут без меня, будь молодцом, если кто ворвется — вон кинжал, без борьбы не сдавайся... — поцеловал ее в затылок и вышел.

Звезды на небе сияли так ярко, словно готовы были полопаться. И Малая Медведица была на месте.

Праздник продолжался. Воздух был такой прозрачный, что хотелось его пить. Я стоял с обнаженной грудью, словно пытаюсь вобрать в себя весь мир. Стояли и думал, кажется, впервые в жизни думал о том, что, наверно, не такой уж я плохой человек, если способен так радоваться. Было уже далеко за полночь.

Вернувшись, застал комнату пустой. Тронул рукой свернутую и прислоненную к стулу бурку, осмотрел ее. Решил, что она спряталась под тахту, и громко сказал:

— Заходи, Меги, сколько я тебя искал! Заходи! У меня тут сидит на привязи одна маленькая медведица, вон там, под тахтой, а больше никого нет... Нет! Нет! Что ты! Она совсем не кусается... Наконец-то я тебя нашел... Где ты была? Не бойся... Я же тебе сказал, что она не кусается. Это просто глупый маленький медвежонок...

Ни звука. Заглянул под тахту и — о чудо! — там тоже никого не обнаружил. Извлек лишь засохшую овечью шкуру. Открыл стенной шкаф. Никого. Я совершенно ошалел... От башни я не отходил... Она из башни не выходила... Да и платье и туфли были на месте... В изумлении опустился на бурку. Не знал, что и думать... Вдруг от окна донесся какой-то странный звук... Словно сова прокричала, только очень тихо, издали... Подошел, выглянул — никого. Снова уселся на бурку.

И тут в окне показалась сначала одна нога, потом откуда-то сбоку скользнула и вторая. На мгновение луна застыла меж обнаженными женскими икрами. Бедра по-прежнему обвязаны рубашкой. В проеме окна фигура ее умещалась до плеч. Присела, просунула в комнату голову и застыла, как прожектором, освещенная сзади луной.

— Ты что, с ума сошла?! Где тебя носит! Ты что, лунатик?! — почти прорычал я.

Она весело рассмеялась и спрыгнула на пол.

— Меня стесняется, а сама выставилась напоказ всему Шатили! Атенгенский аттракцион! А если бы тебя кто увидел! Приняли бы за ведьму да и подстрелили за милую душу...

Я подошел, отодвинул ее в сторону и выглянул в окно. По стене проходил карниз шириной с ладонь... Если отсюда сорваться — костей не соберешь...

— Ненормальная, — пробормотал я. Я был не на шутку рассержен. Только до конца еще не понимал причины. Злился я, во-первых, потому что всякие бессмысленные и опасные выходки считал в эти минуты недопустимыми, а во-вторых, что же во-вторых?.. Ее безрассудная смелость почему-то буквально вывела меня из себя.

— Я чуть не свалилась, когда ты стал приглашать Мегги... Хорошо еще, что вовремя сообразила... — словно извиняясь, тихо проговорила она.

— Надо было мне и в самом деле ее привести. Уж она-то спокойно лежала бы на месте.

— Разумеется. — Она откинула волосы назад и с ненавистью выпятила нижнюю губу.

Я засмеялся. Отошел от окна и уселся на бурку. Хотелось полюбоваться ею со стороны.

— Между прочим, ту пчелу с надорванным крылом я к вам послала. Она ко мне прилетела, а я попросила ее слетать к вам и так вас искусать, чтоб вы запрыгали, как козы. Вот она и полетела! А как твоя пассия чуть не огрела тебя сабо по голове!

Самым смешным было то, что она вовсе не шутила. Я не выдержал и расхохотался.

— Ты что, хотела обратить ее в бегство, как обезумевшую Ио? — Потом сказал: — А теперь иди сюда. Некогда мне тут с тобой время терять. Мы здесь не затем, чтоб заниматься акробатикой...

— А зачем, чтоб заниматься профилактикой? — спокойно спросила она. Сердце у меня словно оборвалось. Нет, не могла она говорить и думать так всерьез после всего, что было, после того, как нам было вместе... Но мне все же стало ужасно обидно.

— А для чего же, по-твоему? Ты оказалась тут, под рукой, зачем же мне было идти куда-то на поиски Мегги? — самым интересным было то, что я фактически говорил правду. Почувствовал, как она вся напряглась.

— Знаю, — проговорила тихо.

— Знаешь, да? И, между прочим, такую безнравственную, испорченную девчонку, как ты, встречаю впервые, — встал, подошел к ней — она сразу прижалась ко мне.

— Мне тоже надо выйти...

— Одевайся. — Я подал ей платье. Она надела его. Сунула ноги в мои башмаки.

— И попробуй только опять что-нибудь выкинуть, я не знаю, что я с тобой сделаю.

Она вышла. Я взял с тахты матрац и расстелил его поверх бурки. Положил подушки, одеяло. У изголовья поставил треногий стульчик, достал из шкафа кады. Пиво было в ведре. Я придвинул и его, достал стаканчики. Перочинным ножом нарезал кады.

Улегся и закурил. Я уже скучал по ней. Она вошла. Приоткрыв дверь, быстро взглянула на меня и тут же опустила глаза. Через голову стянула платье и нырнула ко мне под одеяло. Я загасил сигарету и обнял ее, стал гладить по спине. Она совсем зачоченела, но постепенно отогревалась.

— Есть хочешь?

Кивнула.

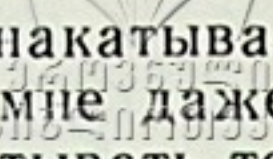
Я приподнялся, подал ей каду. И мы стали есть, запивая каду пивом, темным, тяжелым, расслабляющим. Ели и пили не торопясь. Потом опять грели друг друга. Она лежала, спрятав лицо у меня на шее, и вдруг спросила:

— Как зовут твою жену?

Мне показалось, что голос у нее дрогнул. Я за подбородок приподнял ей лицо и сказал: — Не беспокойся, у тебя нет никаких оснований для ревности. — и поцеловал ее.

Как хотелось мне, чтоб и она сказала то же самое. Я, может, и не поверил бы ей, но все равно стало бы легче. Мне терзало душу ее прошлое, ее жизнь, все, что было с ней до меня и без меня. Несмотря на все, несмотря на то, что мы были так счастливы. А может, как раз именно поэтому, кто знает.

Хотелось почувствовать ее всю целиком... Хотелось выпить ее до дна, словом, я был не в своем уме, и я пил и пил ее. И она тоже. И стоило мне представить себе в это время, что кто-то другой или другие были с ней прежде так, как я бывал с другими, — мне становилось дурно. Но стоило подумать, что те, другие, возможно, были с ней так, как я сейчас, — и становилось еще хуже. Со мной творилось что-то неладное. Хорошо еще, что это длилось какие-то секунды, не то я пару раз готов был вскочить и выбежать вон из комнаты —

такая слепая и нестерпимая ярость на меня накатывала. Короче говоря, дела мои были плохи. И мне даже не приходило в голову, что и она могла испытывать то же самое или что-либо подобное. Я был уверен, что такие чувства свойственны одним лишь мужчинам и что вообще страдают и мучаются только мужчины. Несмотря на то, что она отдавалась мне так горячо и самоотверженно, вся целиком, что от нее, казалось, ничего не оставалось, — мне все равно казалось, что я принадлежал ей больше, чем она мне.

— О чем ты думаешь? — спросила она вдруг.

— О тебе.

— И что же ты думаешь?

— Не знаю. Так... Думаю, что это на меня нашло совсем с ума сошел... Наверно, ты и в самом деле меня приворожила, не зря же посылала ко мне ту пчелу... Не то с какой это стати я, в моем возрасте, вместо того, чтоб кутить да гулять со всеми, лежу здесь с какой-то легкомысленной девчонкой и несу всякую чушь. — Я поцеловал ее в глаза.

— Наверно, во всем виновата хати... Это она нас околдовала... Наверно, нельзя было в такую ночь... И кто знает, может, она совсем сведет нас с ума... — печально проговорила она.

— Вот и прекрасно, пускай сводит...

Она крепко обняла меня. Я по-прежнему держал в руках ее голову и целовал ее, и говорил ей... говорил такое, чего никогда никому не говорил, я даже не подозревал, что способен на такое, а оказалось, что я всю жизнь носил это в себе, — накопившееся, глубоко запрятанное... Услышь я все это от кого-то другого — меня бы стошнило от отвращения, я бы умер со смеху. Среди моих знакомых не было ни одного, кто мог бы поверить в мою способность серьезно полюбить женщину, исходи это утверждение даже из уст Всевышнего. И я бы никогда не поверил.

...Я заметил, что острее всего она реагировала на прикосновение к шее и груди. Лицо у нее при этом становилось такое, словно она умирает. Я опять подумал о том, что она «нуждается в настройке».

Спросил ее.

— Ни разу, — отвечала она.

Я удивился.

- Ни с кем? — уточнил я.
— Нет.
— Как же так?
— Не знаю. — Она пожала плечами.
— А желание у тебя бывает?
— Да. Но потом... ничего...
— Да так ведь свихнуться недолго...

На этот раз я чувствовал, что она по-настоящему была со мной, следовала за мной.

— Мерци, — шепнул я ей, испугавшись, как бы ей не стало дурно... Она содрогнулась всем телом и сникла. Через минуту обеими руками обхватила меня за плечи, прижалась лицом к моей груди и расплакалась. Мне вспомнилось, как сам я плакал навзрыд в ту первую ночь. Провел пальцем по ее щеке. Поднес мокрый палец к губам. Вспомнил давно позабытый вкус слез — солоноватый, такой знакомый в детстве, когда слизываешь с губ собственные слезы.

Мы заснули. И приснился мне странный сон. Была Хатоба¹ или какой-то другой праздник. Священная гора была сплошь покрыта бычьими головами. Огромные открытые глаза их блестели на солнце. Среди этих голов безмолвно бродили одетые в длинные черные одежды люди. Они вешали на рога какие-то красные лоскуты, но головы качались и сбрасывали эти лоскуты наземь. Местами виднелись лужи крови. Под горой бегали босоногие девчонки и мальчишки. Вдруг на вершине горы появился высокий мужчина в белом. «Афиноген! Афиноген!» — возопили люди и рухнули на колени. Он приближался. Я всмотрелся в его лицо и увидел, что у него глаза брата моего деда, со старчески обвисшими веками, но совершенно серебряные. Зрачки и глазные яблоки были одного цвета — казалось, в веках его застыла вода. Он приближался, неодобрительно качая головой. Взмахнул рукой — и с вершины хлынул белый поток, растекся по всей горе, смыл кровь, до блеска промыл облепленные мухами бычьи глаза, стек вниз и скопился у подножия горы; дети оказались

¹ Хатоба — традиционный религиозный праздник горцев Восточной Грузии.

в этом кровавом омуте. Рядом со мной стоял какой-то узкоглазый мужчина и смеялся, просто заходился от смеха. Женщины заголосили и стали прыгать в омут...

Я проснулся с пересохшим горлом, открыл глаза и какое-то время бессмысленно смотрел в потолок. Не мог вспомнить, где нахожусь. И что за дьявол наслал на меня этот сон! Я вообще, как уже говорил, почти не вижу снов. А если и вижу когда, то, за исключением того сна со столом, тут же забываю их. Почему же сейчас мне, такому счастливому, приснился этот кошмар? Я был потрясен. Взглянул на Мерцию: волосы прилипли ко лбу, рот слегка приоткрыт, на лице застыла улыбка.

Я вдруг вспомнил об Агато. Она ведь могла заглянуть сюда. «Наверно, спит в другой комнате».

Рассвело. Мы оделись, и она сказала:

— Сначала я выйду, потом ты спускайся... Что мне сказать, если спросят, где я ночевала?

— Кто мог это заметить? Они все перепились. Сами небось не помнят, где ночевали.

— Ида.

— Скажи, что ночевала в башне. Ты что, боишься?

— Я? Нет. Мне все равно. Я из-за тебя.

— Обо мне не беспокойся. Это никого не касается. Подожди меня на берегу, возле моста.

Она обняла меня и вышла.

Я курил, стоя у окна, и наблюдал за ней. Смотрел, как она спускалась по тропинке к реке. Шла медленно. Вот остановилась, оглянулась назад и снова продолжила путь.

Я тоже спустился вниз. На том берегу Шатилуры роился хмельной люд. В большом котле варились хинкали. К пропировавшим всю ночь присоединялись вновь прибывающие. С грохотом подкатил грузовик, потом автобус. Кто-то прискакал верхом на коне. Ставилась еще одна палатка. Кто-то растянул гармонь и запел. Ко мне подошел Важа, обнял меня за плечи и протянул стакан с пивом. Я выпил.

— Выглядишь очень свежим. Спал? И настроение, видно, хорошее, да?.. Ты здесь какой-то совсем другой, знаешь... Не такой кислый, как на работе. Это все оно, наше Шатили — оно такое... Выпьем за него!

— Выпьем! — Мы выпили.

— А где наши?

— Только что поехали к Анаторийским склепам, — сказал Важа.

Ко мне подошла Агато.

— Ну, как спалось? — улыбаясь, спросила она.

— Прекрасно... А ты что, не поднималась? — обнял я ее за плечи.

— Нет, у невестки осталась.

— Ладно, Агато. Я тебя найду потом, поговорим.

— Я поцеловал ее в щеку.

Стал искать глазами Мерцию. Наконец увидел: какой-то молодой хевсур в бурке протягивал ей мак.

Направился к ним.

Она увидела меня, просияла и побежала мне навстречу. Чуть не бросилась мне на шею.

— А где наши?

— Поехали к Анаторийским склепам.

— Правда? Мне тоже так хотелось посмотреть...

— Хочешь, отвезу?

— Хочу. А на чем?

— Подожди минутку.

Я нашел Важу.

— Важа, будь другом, раздобудь мне коня.

— Пошли, видишь вон — конь моего двоюродного брата. Бери.

На берегу паслись три лошади.

— Который?

— Вон тот, черный, самый красивый.

Я подошел к Мерции:

— Иди через мост и ступай прямо по дороге. Я тебя догоню.

Приладил коню седло и перевел его через мост.

— На нем? — глаза у нее заблестели.

— Да. Не боишься?

— Не-е-ет...

Какое-то время шли пешком. Когда скрылись от людских глаз, я поднял ее и боком посадил на коня.

Потом и сам вскочил в седло.

Она крепко обхватила меня руками.

Конь сорвался с места. Он оказался очень горячим, и мне даже стало немного не по себе.

Давненько уж не доводилось мне ездить верхом.

Конь мчался как ветер. Руки Мерции крепко опоясывали меня. Видно, ей было страшновато. Так мы домчались до Анаторийских склепов. С большим трудом удалось осадить коня возле нашего автобуса.

Наше появление было встречено громкими возгласами.

— Где вы пропадаете?! Какое пиво, какой воздух — блеск! — бросился ко мне Элгуджа.

— Ну ты и мчался, прямо, как рыцарь смерти! — крикнул Гурам.

Ида смотрела на нас насмешливо. Потом усмехнулась и отвернулась. Перехватил я и любопытствующий взгляд Меги. Потом она взяла за руку Гурама и стала ему что-то говорить, указывая куда-то вдаль. «Да ну вас всех», — ругнулся я про себя. Обнял Мерцию за плечи и подвел ко входу в склеп.

— Смотри. Сюда входили умирающие, заразные больные. Видишь каменные скамьи у стен? На них они ложились и здесь умирали. Вновь пришедший сбрасывал мертвеца вниз и занимал его место... — тут я разглядел в полумраке кучу скелетов и отдельных костей, и мне стало не по себе. — Да на что здесь смотреть, ужас! Пошли отсюда.

Но Мерция как зачарованная продолжала смотреть внутрь, у нее даже рот слегка приоткрылся. Я ладонью приподнял ей подбородок и заставил закрыть рот.

— Ну чего рот раскрыла?

Она продолжала стоять и смотреть. Я присел на камень под росшим поблизости деревом. Прислонился спиной к стволу и закурил. Сидел, курил и смотрел на Мерцию. Вдруг она показалась мне совсем чужой, и мне не верилось, что эта женщина в розовом прошлой ночью лежала рядом со мной и целиком принадлежала мне.

Она оглянулась.

— Что ты на меня смотришь?

— Разве не лучше смотреть на тебя, чем на эти скелеты?

— Один вон умер сидя...

Я подошел и тоже заглянул внутрь. Потом взял ее за руку и насильно отвел от склепа. Рука у нее была ледяной.

— Пойдем, я покажу тебе одну очень красивую скалу... Забыл тебе сказать...

— Нет. Я хочу побыть здесь! — упрямо сказала она.

— Не зря у тебя такие прямые ресницы — верный признак жуткого упрямства.

Провела пальцем по ресницам, подошла ко второму склепу.

Я снова уселся на камень. Она опустилась на колени и почти просунула голову в проем.

— Куда ты лезешь?! С ума меня сведет эта женщина!

— Ты знаешь, тут стоит люлька.

— Да, знаю, помню.

— Какой ужас! Мать оставила здесь живого ребенка, или они вместе умерли?

— Не знаю.

— А как ты думаешь, где лучше, здесь или в земле?

— Пока не знаю.

Подошла. Опустилась на землю и положила голову мне на колени.

— Ты боишься смерти?

— Я о ней не думаю, — погладил ее по голове. — А ты? Только не пожимай плечами.

— Раньше не боялась. А в последнее время почему-то боюсь... по ночам... Если бы тебе осталось жить один день, что бы ты стал делать?

— То, что делал прошлой ночью.

— С любой женщиной?

— Нет. С единственной. С любимой. А если бы у меня не было такой женщины, выпил бы снотворного и проспал бы и этот последний день.

Сказал — и вдруг ощутил прилив сильнейшего желания. Крепко взял ее руками за плечи и поднял на ноги.

— А ты что стала бы делать? — привлек ее к себе.

— То же, что и ты.

— Иди ко мне.

— А как же они?

— Они ушли вниз, в ущелье.

— Нет... не могу. — Она высвободилась и снова подошла к склепу. Я последовал за ней и обнял ее.

— Прошу тебя, поцелуй меня разок ^{покрепче,} и отпущу.

— Пусти, — прошептала она побелевшими губами и с силой оттолкнула меня.

Колени у меня и без того дрожали, я поскользнулся на траве, не удержался на ногах и упал спиной на стену склепа. Раздался отвратительный, зловещий стук. Звук шел изнутри. Видимо, окончательно рассыпался какой-то скелет. Мерция вскрикнула. Я громко выругался. Сначала в адрес этого скелета, потом, кажется, вообще, в неизвестном направлении.

— Пошли, — сказал я, взял ее за руку и вывел на дорогу.

Наш черный как ночь лоснящийся конь щипал траву у дороги. Мы пустились в обратный путь.

Небо нахмурилось, заморосил мелкий дождик.

— Вот, смотри, те скалы, о которых я тебе говорил. — Я указал направо, где виднелись темные, дымчато-серебристые, словно пистонами расчерченные скалы. Ударил гром. Еще раз. Она повернула ко мне голову и громко произнесла:

Амиран, скорей, скорей,
От погони скрыться нам бы.
Кликнут огненных коней
Амбры, Умбры и Арабы,
Жаркий ждет тебя, герой,
Бой за первой же горой.
Быстро нас они настигнут,
Все погибнете вы днесь,
Вы, дерзнувшие похитить
Золотую дочь небес.
Не спасись, не будет мочи,
Вражья конница жестоко
Нас изрубит, изувечит
И огнями выжжет очи.

«Эр-ы» так и раскатились. И вдруг громко заговорила: — В детстве меня ужасно смешили эти «Амбры, Умбры и Арабы», теперь, когда читаю эти стихи Эленэ, она тоже смеется, а мне страшно, — говорила она очень громко, почти кричала, чтобы я мог слышать ее сквозь конский топот.

Знала ли она тогда? Нет, наверно, не знала. У моста я остановил коня, и мы спешили. Перешли мост и смешались с толпой. Со мной заговорил знакомый пшав. Потом я снова бестолково слонялся в толпе, душа была не на месте. Подошел к Мерции.

— Хочешь, вон туда поднимемся? — указал на гору на том берегу.

— Хочу.

— Тогда ты ступай туда, а я найду Вазу, мне нужно ему кое-что сказать, и догоню тебя.

— Это ведь священная гора. Можно мне на нее подниматься?

— Ступай, ступай. Не видишь — ослы по ней разгуливают, ты-то чем хуже.

Три осла, развалившись, лежали на склоне горы. Она взглянула на них и рассмеялась.

— И ничего нечистого в тебе ведь сегодня нет, чтобы нельзя было на эту гору подниматься. Могу быть твоим свидетелем.

Она зарделась и отошла от меня. А через некоторое время, когда я стал подниматься по тропинке, она уже сидела на склоне и поджидала меня. Я медленно приближался к ней. Небо уже снова прояснилось, сияло солнце.

— Вот, смотри! — Она протягивала ко мне обе ладони, показывая что-то.

Солнце светило мне прямо в глаза, и я не сразу разглядел, что это было.

— Что это?

— Ребенок.

На ладони у нее лежал человечек с расставленными в стороны ручками-ножками. Волосами ему служили зеленые травинки, веками — кусочки лепестков мака, тельце покрывали мелкие желтые листочки.

Я тронул его пальцами.

— Из чего ты его сделала?

— Там женщины тесто обронили, а я подобрала.

— Удивляешь ты меня, ты что, не знаешь, что с тестом играть нельзя? — назидательно спросил я, словно пастырь разводя руки в стороны.

— Знаю, но мне очень захотелось. Если делать только то, что можно, со скуки можно помереть...

— Пусть это будет наш ребенок, — сказал я, — пальцем погладил человечка по головке.

Она молча поправила листики у него на тельце.

— Как его зовут?

— Лазарем.

— Пойдем.

Она встала, и мы начали подниматься по склону. Оглянулись назад, на Аргуни — мы уже находились на уровне башен — и вошли в лес. Сквозь ветви сочился солнечный свет. Было очень тепло. Она села. Я лег и положил голову ей на колени. Она сверху смотрела мне в лицо. Сейчас, на солнечном свету, еще заметнее стали тоненькие голубые жилки на ее лице, впервые замеченные мной еще на берегу Арагви. Нежной сетью покрывали они ее виски. Самой же удивительной была одна, крохотным родничком вытекающая из розового грота, косо сбегавшая от уголка рта по подбородку на шею и терявшаяся среди бесчисленных других бледно-голубых ниточек в области ключицы. Она водила пальцами по моему лбу. Потом погладила веки. Меня охватило желание. Я сжал ей руку.

— Уложи ребенка спать и иди ко мне.

Она легла рядом со мной. Волосы у нее были теплыми от солнца, и лоб тоже... Я одновременно вдыхал запах земли, травы и ее волос. Было очень тепло. Солнце нежно ласкало нас. Шелестела листва...

Не знаю, сколько прошло времени. Кажется, мы даже немного вздремнули. Я скользнул рукой по траве и коснулся чего-то твердого... Это был «Лазарь».

— Э! Смотри! Да он уже совсем пропекся на солнце. Если проголодаемся, можно будет его съесть.

— Фу-у! Какой ужас! Ты ведь сам сказал, что он будет нашим ребенком.

Небо снова нахмурилось. Мы встали. Я отряхнул ей платье, вытащил из волос застрявшие в них листья и шепнул на ухо: — Как нам хорошо вместе, правда?

Она молча кивнула головой и пошла вперед, высоко подняв руки. Будто потягивалась. И в то же время словно готовилась взлететь: широкие рукава платья крыльями повисли у нее на руках, и я подумал, что она похожа на ласточку. Внезапно она обернулась и спросила:

— А ласточки здесь что, не водятся? Что-то я ни одной не видела...

— Не знаю. Любишь ласточек?

— Безумно. Больше всех птиц люблю. А ты знаешь, что ласточки иногда кончают жизнь самоубийством?

— Нет.

— Мне бабушка рассказывала. Сама я не видела. А бабушка видела. Рассказать?

— Давай.

— Она это дважды видела. Первый раз, когда была еще совсем маленькой девочкой.

Одна ласточка повредила лапку и не смогла улететь со всеми в теплые края. Моя бабушка со своим братом и сестренкой перевязали ей лапку и всю зиму продержали в доме. А весной, когда вернулись ласточки, бабушка стала свидетелем такой сцены. У них от столба веранды к яблоне были протянуты две проволоки, для сушки белья. И вот на одну из проволок уселась та, зимовавшая у них дома ласточка (на лапке у нее все еще был красный лоскуток), на другой выстроились в ряд вернувшиеся из теплых краев. И принялись наперебой щебетать. Щебечут, чирикают без умолку, перебивая друг друга. «Как трещат, бывает, женщины, принесшие какую-то важную новость», — говорила бабушка. А та ласточка сидела и молча слушала. «Уж не знаю, какую такую новость принесли ей эти трещотки, что они ей рассказывали, но только ласточка наша вдруг как вонзит себе в шею коготь — и свалилась замертво». Дети такой рев подняли — ужас! Второй такой случай произошел, когда бабушка моя была уже старенькой. На стене нашего дома в деревне было ласточкино гнездо. Жили в нем самец и самочка, птенцов у них пока не было. И вот сельские мальчишки нечаянно (ласточек ведь обычно не трогают) попали в гнездо камнем и убили одну из ласточек. Бабушка в это время сидела на веранде, чесала шерсть и ничего этого не видела. Прилетела тут вторая ласточка. Подняла страшный крик, потом влетела на веранду и стала метаться взад-вперед и биться то о перила, то о стены. Бабушка так и застыла от изумления: что это с ней, думает. Наконец ласточка разогналась да так и наделась шеей на зубья бабушкиной чесалки.

Потрясенная бабушка выскочила во двор, увидела на земле вторую мертвую ласточку — и все поняла. — Вот эта ласточка-самоубийца наверняка была самцом, — сказал я. — Почему ты вспомнила о ласточках?

— Не знаю... Кажется, в связи с теплом. Было так тепло, что я подумала: хоть бы всегда так было — ужасно не люблю зиму... Потом вспомнила о теплых странах... и о ласточках, постоянно живущих в тепле...

— Видишь, как здесь быстро меняется погода. Уже похолодало. Пошли.

Мы стали спускаться, и вдруг она остановилась:

— Ой! Лазаря забыли!

— Ничего, в хорошем месте остался, в лесу, зачем он тебе.

Она поколебалась, потом продолжила путь. На берегу Аргуни собралось множество людей. Кажется, здесь затевались импровизированные скачки или что-то в этом роде. С места сорвалось с десятков всадников. И наш вороной был среди них, на нем сидел Важа.

— Наш всех обгонит, — сказала Мерция.

— Я тоже так думаю. Отсюда будем смотреть?

Мы сели. На том берегу народ обступил двух хевсуров. Те поигрывали кинжалами, готовясь к поединку. Дети взобрались на крышу автобуса и оттуда наблюдали за происходящим, уплетая что-то за обе щеки. Кто-то играл на гармонии, пожилые женщины танцевали. Вскоре раздался топот, и в воздухе закружилась пыль. Показались верховые. Впереди всех мчался «наш» вороной, его нагонял гнедой конь с наездником в огромной папахе. Не смог догнать «нашего», и народ с радостными криками приветствовал пришедшего первым Вазу. Рассерженный обладатель папахи замахнулся на него кнутом. Он был явно пьян. Вазу кнут не задел, но попал в голову вороному. Конь взвился на дыбы. Мерция вскрикнула и вскочила на ноги. Важа спрыгнул с седла, подскочил к обладателю папахи и схватил его обеими руками, намереваясь стащить с седла. Тот снова поднял свой кнут. К ним со всех сторон бросились люди...

Мы бегом спустились вниз. В суматохе на наше появление никто не обратил внимания. Я только заметил, как какая-то черная как смоль старуха проводи-

ла Мерцию недобрым взглядом и что-то проворчала себе под нос. Впрочем, возможно, мне это просто показалось. Мы подошли к коню. У него были рассечены ноздри и губа, и из них текла кровь. «Он плачет», — тихо проговорила Мерция. Мне тоже показалось, что глаза у коня полны слез. Я взглянул на Мерцию. По щекам ее ручьями текли слезы. Она достала платочек и стала вытирать коню кровь.

— Очень ему нужна эта твоя надушенная шелковая тряпочка! — почему-то рассердился я.

— Оставь меня в покое, — тихо сказала она. Конь стоял смиренно, Мерция погладила его по голове и прижалась к нему щекой.

В это время (не пойму, как это случилось) я на секунду отвернулся: мне почудилось, что меня кто-то зовет, — и вдруг слышу голос Мерции: «Изверг!» Поворачиваюсь и, прежде чем я успеваю что-либо предпринять, Мерция с размаху изо всех сил бьет ладонью по лицу того самого наездника в папахе, неизвестно когда и как оказавшегося возле нас. Тот явно уже успел забыть и о коне, и о Важе, и теперь так и застыл от неожиданности с перекошенным лицом. Видно, никак не мог понять, чего от него хотят. А Мерция, как ни в чем ни бывало, уже повернулась к нему спиной и снова обеими руками обняла коня. Я на всякий случай стал между ними. «Не будь ты женщиной...» — прорычал он и удалился. Я схватил Мерцию за руку и рванул к себе:

— Ты что, с ума сошла? Чего лезешь в мужские дела?

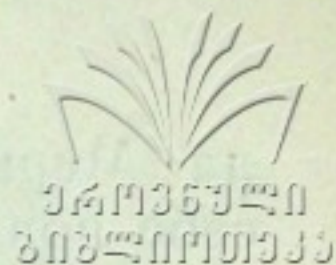
Она сердито глянула на меня, молча вырвала руку и пошла от меня прочь.

Я побродил, побродил в толпе и наткнулся на Вaju. Он обнял меня за плечи и повел в одну из палаток. Там сидели его многочисленные дяди и двоюродные братья, понаехавшие кто из Пшави, кто из Кахети, кто из Тбилиси. Когда мы вошли, один из них как раз произносил тост, и я услышал следующее:

— Быть грузином трудно. Очень трудно. И только грузин может понять, почему. Но быть хевсуром еще труднее. И хевсура не поймет никто, кроме хевсура. Да никто и не станет себя утруждать.

Они выпили и запели:

В Верхнем Бацалиго, снег идет —
В Нижнем Бацалиго со-ох-нет...

Я вдруг вспомнил, что она тоже голодна. Вышел из палатки и сразу увидел ее. Она сидела на камне и наблюдала за хлопотавшими поблизости хевсурками. У меня сжалось сердце. И в автобусе она была для всех чужой, и здесь у нее тоже никого, кроме меня, не было. А я еще и накричал на нее. Подошел к ней и взял за руку.

— Есть хочешь?

Она молчала.

— Знаешь что, давай мы сейчас помиримся, а потом ты можешь опять на меня надуться, ладно?

Поднял ее на ноги.

— Ведь хочешь есть?

Она кивнула.

Мы вошли в палатку... «Это... наш товарищ...», — ни к кому не обращаясь, сказал я. Ее радушно приветствовали, и мы сели. Принялись за хинкали. Один из Важиных дядей снова запел. У него был кристально чистый голос и очень печальные глаза. Остальные ему подпевали. Мерция смотрела на всех широко раскрытыми глазами. Иногда так и застывала с раскрытым ртом и недонесенным до рта хинкали.

— Ешь, — сказал я и налил ей пива. Один молодой парень, видимо, никак не связавший Мерцию со мной, не сводил с нее горящих глаз и улыбался ей, потом взял у дяди пандури и запел:

Через ширакское поле
Я к любимой иду,
Ветра злобные стоны
Предвещают беду.
И в той ярости ветра
Мне навстречу летит
Бабочка — как виденье,
Красным плечиком нежным
Так похожа на то
Платье красное девы...
Не дай, Боже, беде
Быть с любимой моею!

— Тебе посвящается, — шепнул я Мерции. Она тоже сидела с сияющим лицом. Ее попросили: выпей-

те, дескать, пива, благословите нас. Она глянула в лицо всем по очереди и сказала:

— Всех вас люблю, — и осушила стакан.

У мужчин, видимо, дрогнули сердца, и Важин дядя снова потянулся к пандури. Хорошо еще, что теперь были уже не те времена, когда такое безадресное признание могло заставить мужчин схватиться за оружие.

Когда мы вышли из палатки, как раз подъехал наш автобус. Прикатил также какой-то виллис и остановился на берегу Аргуни. Как оказалось, это приехали кинооператоры. Один из них, усатый, длинноволосый парень в джинсах, оказался знакомым Мерции. Он издали заметил ее, махнул рукой и крикнул: «Ты что здесь делаешь?»

Мерция не отвечала. Стояла и смотрела на него с какой-то небрежной улыбкой. Ждала. Парень подошел, пожал ей руку.

— Ты с кем здесь?

— С подругой сестры...

— Пошли к нам. Мы в Муцо едем.

— Нет...

— Почему?

— Не хочется...

— Ладно. Знаешь что... Постой так минутку. Ты здесь очень хорошо смотришься.

Он снял с плеча киноаппарат, попятился назад и стал водить им из стороны в сторону.

— Ну ладно, я пошел! — помахал рукой.

Наши разбрелись кто куда. Мерция снова осталась одна.

— Немного погодя ступай в башню, я тоже приду.

— А если там Агато?

— Ну и что! Скажешь ей, что я тебя прислал, что ты хочешь отдохнуть.

Она кивнула. Я отошел от нее, осмотрелся и слева от себя заметил Иду. А справа — Меги. Тогда я взял и пошел прямо. Меня нагнали Элгуджа с Бондо: пошли, говорят, выпьем. Пошли.

Все время, пока мы с Мерцией находились в толпе, она меня ужасно беспокоила. Я и одну не мог ее оставить, и за собой таскать все время тоже не мог.

Стоило потерять ее из виду, как я начинал опасаться, как бы она еще чего-нибудь не выкинула.

И дело было не только в этом...

Немного погодя я снова стал искать ее глазами и увидел стоящей на большом камне, а перед ней — двух хевсуров в чохах с красными крестами. Один из них был тем самым, что преподнес ей утром мак. Когда мы мчались на коне, лепестки с этого мака облетели. Парень смеялся, заглядывая ей в лицо, сверкая бело-снежными зубами и рукой указывая в сторону, видимо, приглашая куда-то.

Мерция тоже смеялась и отрицательно качала головой. Потом и второй парень выступил вперед и принялся так энергично размахивать руками, что стало ясно, что он читает стихи. Я к этому времени уже успел изрядно выпить, и зрелище это вызвало меня из себя. «Почему она до сих пор не ушла в башню», — сердито подумал я. Я уже готов был подойти к ним и как следует всыпать обоим парням. В ту минуту я с удовольствием всыпал бы и самой Мерции. Но вдруг какое-то странное чувство овладело мной и заставило бессильно опуститься на камень. Я сидел, смотрел на нее и думал: «Многих еще вот таких, молодых встретит она в жизни». Одному из парней было лет двадцать пять — почти ее ровесник, глаза и зубы у него так и сверкали, так и металы искры.

Вообще я заметил, что легко сердился на Мерцию. Может, потому, что мне казалось, будто все преимущества были на ее стороне. Вот и сейчас я смотрел на нее издали и думал... сам толком не зная, о чем. Я стыдился самого себя: зачем я ей нужен, изрядно потрепанный сорокадвухлетний старик, у которого то почка ноет, то сердце колет, обремененный семьей, связанный по рукам и ногам, неспособный и шагу ступить по своей воле, у которого строго распределены каждая копейка и каждая минута. Я почувствовал себя очень несчастным, мне стало ужасно жаль себя. Но это состояние продлилось недолго. Снова нахлынула ярость. Я подошел, молча взял ее за руку и отвел в сторону. Парни так и застыли от изумления. Один рванулся было к нам, но другой удержал его. Я заметил еще несколько устремленных на нас взглядов.

— Они что, хотят, чтоб я им носы порасквасил? Ты почему не пошла в башню?

Она взглянула на меня и засмеялась.

— Чего смеешься? Чего ты со всеми смеешься?

Она засмеялась еще громче. Совсем не обижалась на меня. Напротив, даже казалась довольной.

— Эй, — легонько, шутя стукнула меня кулаком в грудь и побежала. Глядя, как она бежит через мост, я мысленно ласкал ее.

На берегу реки Агато мыла котлы. Я подсел к ней.

— Агато, дорогая, как поживаешь?

Она с улыбкой обернулась ко мне и затянула свою медлительную, монотонную речь.

Начинался дождь. Стало быстро темнеть. Я немного поболтал с Агато и ушел. Я так спешил, что сердце, казалось, готово было выскочить у меня из груди.

Тихо вошел в первую комнату. Из «нашей» комнаты струился слабый свет. Дверь была приоткрыта. Я на цыпочках прокрался в комнату и затаился в углу, в темноте. У изголовья «нашей» постели, на треногом стульчике горела вставленная в стакан свеча. Мерция сидела на постели спиной ко мне, обхватив руками колени. Вот она тихо вздохнула. Пламя свечи затрепетало, на стене заметались какие-то тени. Я затаил дыхание. Теперь я уже не мог подать голоса. Она могла испугаться. Вдруг она поднялась, взяла из рюкзака мою рубашку, долго смотрела на нее, потом зарылась в нее лицом. Я на цыпочках вышел из комнаты и остановился у двери. Она что-то сказала, словно разговаривала сама с собой, потом послышался какой-то шепот, и все стихло. Я уже собрался было окликнуть ее и сделать вид, что только что вошел, как она вдруг сама громко позвала меня.

Я вошел.

Она удивленно смотрела на меня.

Я тоже был удивлен.

— Ты слышала мои шаги?

— Нет... я вдруг почувствовала, что ты стоишь в той комнате...

— Иди ко мне, — тихо проговорил я, направляясь к ней. Обнял ее. Поцеловал в лоб.

Всю ночь крепко прижимал ее к груди... Она заснула. Стоило же мне прикрыть глаза, как передо мной возникали какие-то кошмарные видения. «Эта бабья, видно, и в самом деле заколдована», — решил я про себя. Луна снова проделала в нашем окне тот же путь, что и вчера. На какое-то время застыла в его углу.

Что-то меня беспокоило... Потом я понял, что мне ненавистна была мысль о рассвете... Малейшая попытка заглянуть в будущее причиняла нестерпимую боль... Совершенно невозможно было себе представить, что будет завтра, послезавтра, что будет в Тбилиси... При одной мысли о Тбилиси на душе становилось ужасно скверно.

— Когда ты плакал в последний раз? — неожиданно спросила она.

— Не знаю... Кажется, с детства не доводилось. Иногда хочется, а не могу, даже во хмелю ни слезинки не могу из себя выжать.

— Говорят, слезы — милость Богоматери.

— Осерчала, видно, на меня Мать Божья. А ты? Плачешь?

— Да. По ночам. Женщины все плачут... Говорят, те, что не плачут, быстро стареют.

— Может быть... А о чем ты плачешь?

— Не знаю... Обо всем.

Я попытался представить себе это «все»: такое вот появление на свет ребенка, да еще в Тбилиси, родственники, семья, соседи... И дочь, наверно, об отце спрашивает. Интересно, что она ей отвечает? А этот «отец», интересно, видится с девочкой? Спросил ее об этом.

— Никто не знает, кто отец. И сам отец не знает. Зачем?

— Хорошо, если хоть ты сама знаешь.

Она засмеялась. Прижалась щекой к моему боку. Она вообще ни во что не ставила подобные мои «выступления»: считала, что я шучу. Опять закопошились в голове те, давешние, отравляющие душу мысли: интересно, сколько мужчин у нее было... и каким по счету был я... Опять представил себе, как другие ласкали и целовали ее... И жизнь показалась мне омерзитель-

ной... Я ласкал ее, и у этих ласк был горько-сладкий привкус, но это лишь еще сильнее обостряло мою страсть...

Я заснул. И приснилось мне, что мы с Мерцией сидим верхом на коне, а вокруг нас толпится и шумит народ и осыпает нас цветами и листьями. Это была наша свадьба. На коленях у Мерции стояла детская люлька. Кто-то крикнул из толпы: «А что невеста с собой принесла? Где ее приданое?» Я оглянулся — это оказалась моя жена, только старая. «Не торопитесь, всему свое время!» — ответил ей кто-то. «Нет, у нас такой обычай!» «Приданое! Приданое!» — слышалось со всех сторон. «Вот оно!» — говорит Мерция и высоко поднимает люльку... В люльке лежит серебряный кувшин, привязанный к люльке тесемками от платья Мерции.

— Что там? Вода? Воду принесла в приданое, несчастная! — слышится со всех сторон. Мерция трясет кувшин. Люлька падает наземь. Слышится звон. Мерция наклоняется: кувшин оказывается до краев наполненным золотом и серебром. «Откуда у нее столько золота?!» Мерция протягивает руку и указывает на реку: «Вон там нашла, на дне. Это мое приданое!» «С ума сошла, несчастная! — кричит какая-то старая женщина. — Ведь золото и серебро — это слезы!» Гости хохочут, заливаются: «Это — во сне, глупая! Во сне! А тут свадьба! Свадьба!» Конь бьет копытом... Мы мчимся... Свадьба наша — в Муцо. Дорога проходит мимо Анаторийских склепов... Слышится звон. «Мое приданое», — смеется Мерция. Звон продолжается. «Что это, золото в кувшине Мерции или кости в Анаторийском склепе?» — думаю я во сне. И просыпаюсь весь в холодном поту. Что это за сны ко мне привязались, будь они неладны... Надо же, сколько глупостей у человека в голове умещается. Я решил, что сон этот — всего лишь следствие неприятных впечатлений последних дней... Люлька в склепе, конь, «Золото Рейна»... Но почему же я проснулся таким встревоженным? Ведь в самом сне не было ничего пугающего. Скорее наоборот.

Тут я услышал тихий стон и понял, что проснулся от этого же стога... Мерция лежала спиной ко мне, сжавшись в клубок. Я тронул ее за плечо.

— Что с тобой? У тебя что-то болит?

— Болит, — отвечала она сквозь сон.

— Где болит?

Она провела рукой по пояснице.

Ноги у нее были совсем ледяные. «Одевайся». Она стала одеваться. Я дотянулся до своего джемпера и укутал ей ноги. Поясницу обмотал своей рубашкой. Потом прижался губами и стал энергично дышать ей в спину. Она засмеялась.

— Когда у Эленэ болит животик, я тоже вот так ее согреваю, и помогает.

Я укрыл ее одеялом до самого подбородка. Обнял ее сзади и крепко прижал к себе. Через некоторое время она сказала: «Прошло», — и заснула.

Я лежал и из страха перед кошмарами не смыкал глаз. Она вдруг повернулась ко мне:

— Как же я буду теперь без тебя? — И обняла меня...

Я сел, закурил сигарету. Пламя спички осветило ей лицо. Она смотрела на меня широко раскрытыми глазами...

Я был счастлив, что ее чувство было связано только со мной. Это давало мне удовлетворение и спокойствие; теперь я действительно верил, что без меня она уже не сможет. И не сможет быть ни с кем другим. Рано или поздно, где бы я ни был, она найдет меня...

— Ты знаешь свой знак зодиака?

— Не имею представления.

— В каком месяце ты родился?

— 29 сентября.

— «Весы».

— А ты?

— «Рыба».

— Любишь воду?

— До безумия... А жена твоя когда родилась?

— 6 июня.

— «Близнецы».

— И что же?

— Ничего. Астрологически вы несовместимая пара.

— И без астрологии это ясно! А вообще существуют пары, созданные друг для друга?

— Не знаю, — пожалала она плечами. — Наверно, существуют.

— А как сочетаются «Рыба» с «Весами»?

— Не помню. Вот мои бабушка с дедушкой так любили друг друга — ни дня друг без друга не могли. Бабушка, бывало, как невеста краснела и смущалась в присутствии дедушки. Умерли почти одновременно... Сначала дедушка, а через две недели — бабушка.

— Счастливые.

— Да. А мой амулет знаешь что? Майский жук.

— Правда? Поэтому ты воздавала ему вчера такие почести? А мой не помнишь?

— погоди, сейчас вспомню. Твой амулет — сердце.

— И что же это значит?

— Я и сама толком не знаю... Вернее, объяснить не могу, просто чувствую...

— И что же ты чувствуешь?

— Потом скажу...

— С ума меня сведет этот народ.

— Какой народ?

— Женщины. Вам бы только и заниматься всякими гаданиями да ворожбой. У нас на работе тоже целыми днями носы из кофейных чашек не вынимают.

— А что нагадали тебе там, на берегу?

— Ничего особенного, глупости всякие.

— Какие хорошие у Важи дяди, правда?

— Очень. А знаешь, как погиб один Важин дядя?

— Как?

— Пошел в горы, к родственникам-чабанам. По какому-то делу. Пока добрался — стемнело, и он подошел к их хижинам уже в темноте. Его со всех сторон окружили псы. Он сел наземь. Те обсели его. Ночью был мороз, и он замерз. А чабаны в это время были совсем рядом, в своих хижинах. Напились с вечера, рано заснули... и ничего не слышали. Когда Важа расска-

зал мне об этом, у меня сразу возникла мысль, как они могли не почувствовать, что рядом с ними умирал человек? Неужели человек совсем не способен слышать беззвучные крики? Чувствовать то, чего ни видеть, ни слышать не может?

— Иногда люди чувствуют... Чаще женщины... Особенно матери. Я, например, всегда чувствую, когда Эленэ болеет. Закрою глаза и вдруг — наяву, не во сне — вижу ее лицо, какое-то необычное, стремительно приближающееся ко мне из темноты... И я уже знаю, что она заболела... А мама наша так просто с ума нас сводила... Ее сны — это прямая трансляция моей жизни: все, что со мной случилось, она обязательно видела во сне. Рассказывает мне, бывало, свой сон, а в нем почти все — правда. Но я ее, конечно, уверяю, что все это пустяки. Вот сейчас я приеду, и она наверняка расскажет мне с незначительными изменениями все, что со мной случилось. И это при том, что внутренней близости между нами нет...

— Вот и надо было ей транслировать твою жизнь, когда это было нужно.

— Она и транслировала, а что толку? Хочешь, расскажу тебе две истории, только поклянись, что никогда никому этого не расскажешь...

— Чем же мне поклясться?

— Чем обычно клянешься.

— Да ничем я не клянусь.

— Ну, не знаю, придумай что-нибудь.

— Ну, давай тогда, раз сегодня день Афиногена и я так или иначе связан с водой, я поклянусь водой Стикса.

— А при чем тут праздник?

— Не знаешь? Не может быть! Ведь, говорят, Афиноген был греческим святым.

— Как же он попал в Шатили?

— Представления не имею. Но ты же знаешь, что все дороги в конце концов ведут в Грузию.

— Ладно, клянись.

— Клянусь подземным Стиксом, что никогда не повторю того, что сейчас услышу...

— Первая история — про собаку, вторая — про мертвых.

— Опять!..

— Если ты не веришь, не буду рассказывать.

— Верю, верю...

— Никто другой тебе не поверит, поэтому никому и не нужно этого рассказывать.

— Давай.

— В детстве я часто ездила в деревню, к дедушке и бабушке. А лето вообще всегда проводила у них. Была у нас в деревне собака по имени Акбара. Я ее очень любила, и она от меня не отходила. И вот как-то ночью лежим мы и спим. Мы с бабушкой в комнате, а дедушка — на веранде. А до этого собака весь вечер вела себя как ненормальная: без конца лизала меня, скулила. Уходя спать, я еле от нее избавилась. Ночью входит она в комнату, стаскивает на пол мое одеяло, хватает меня зубами за ночную рубашку и тянет. Я проснулась и с испугу начала реветь. Поднялась бабушка и с проклятиями выгнала Акбару вон. Через какое-то время она опять входит, снова стаскивает с меня одеяло и хватает зубами за ногу. И при этом жалобно скулит, словно просит о чем-то. Я рассердилась, стала пинать ее ногами: дескать, спать хочу, нашла время играть. Вскочила с постели бабушка, схватила свою палку и хотела было огреть ею Акбару, но та как зарычит, как вздыбит на спине шерсть — у бабушки даже палка из рук выпала. Позвала бабушка деда: ты что это, дескать, спишь и не слышишь, как этот пес нас тут чуть не загрыз. Входит дедушка и видит: Акбара уже опять ухватила меня зубами за рубашку и тянет. «Ступай за ней, детка, что-то ей от тебя нужно», — говорит дедушка. Я слезла с кровати и с ревом последовала за собакой. И только мы все вышли из комнаты, как за спиной у нас раздался грохот. Заглядываем в комнату и видим: моя кровать завалена штукатуркой и щебнем. Прямо над моей кроватью обвалился потолок. Слух об этом распространился по всей деревне. Многие поверили, тоже стали вспоминать похожие случаи. Одни одно расскажет, другой другое. Но были и такие, что не поверили, подняли нас на смех: надо ж, дескать, такую небылицу сочинить. Долго еще шутили в деревне по этому поводу и, помнится, шутки эти каждый раз больно ранили меня в самое сердце. Тогда и дала я себе слово никому ни о чем таком не рассказывать. Когда Акбара состарилась и умерла,

дедушка с бабушкой с почестями похоронили ее во дворе, под грушей. Бабушка даже зажгла ей свечку и оплакала ее по-христиански. Прослышал про это наш сельский священник и ужасно рассердился: дескать, где это видано — собаке свечку ставить.

Мы оба засмеялись.

— А вторая история?

— Вторая пострашнее... Только очень тебя прошу, верь мне, честное слово, я не выдумываю.

— Да верю я, я же сказал.

— В детстве я, глядя на фотографии, сразу же определяла, кого из изображенных на ней людей уже нет в живых...

— Что, что? Не понял.

— Стоило мне взглянуть на фотографию человека, который уже умер, причем я не знала ни этого человека, ни того, что он умер, — я сразу же понимала, что его нет в живых.

— А теперь?

— Теперь нет. Я даже помню, с какого дня это исчезло. А до того дня мне это казалось вполне естественным, и я была уверена, что все люди умеют это определять. Поэтому я никому об этом и не рассказывала, мне даже в голову не приходило... Ну вот приведу тебе один пример. Однажды бабушка взяла меня с собой к жене своего брата. Она помогала ей лущить фасоль. Мне дали пачку старых фотографий, чтоб я не скучала. Сажу, разглядываю фотографии. Вдруг беру в руки одну: в центре сидит молодая круглолицая женщина в чепце, рядом с ней стоят по одну сторону — большая девочка, по другую — мальчик, а впереди еще двое детей — мальчик и девочка трех-пяти лет. Короче, сидит эта женщина в окружении детей. И вдруг я тычу пальцем в маленькую девочку в белом платье, с сережками в ушах и громко спрашиваю: «Баба Аня, а от чего умерла эта девочка?» Они обе ко мне обернулись, посмотрели, потом баба Аня вздохнула и говорит: «Ох, детка, детка, коклюш забрал у меня мою Тамрико», — и продолжает лущить фасоль. Они, видно, обе решили, что я знаю об этом от них. Я же слышала об этом впервые. И даже если бы и слышала, эту-то фотографию я видела впервые — откуда же мне было знать, которая из них умерла. И так случалось довольно часто...

Но вот как-то гостила я у родственников в Сигнахи. Однажды идем мы по улице с одной девочкой, моей родственницей. Жарко. По лицу стекает пот, и все вокруг кажется желтого цвета. Проходим мимо какого-то захудалого фотоателье, в витрине которого на фоне пожелтевшей газеты выставлены выцветшие фотографии. С приторными, фальшивыми улыбками взирают на прохожих неестественно склоненные лица. Среди них я замечаю мальчика лет десяти, и меня тут же охватывает знакомое чувство...

«Ну ну, — окликаю я свою родственницу (саму ее совершенно не помню, а имя вот запомнила), — когда умер этот мальчик?»

Она удивленно уставилась на меня: «А ты откуда знаешь?»

В этом городе я была впервые. Никого здесь не знала, поэтому она и удивилась.

«Откуда ты знаешь?» — повторила она свой вопрос. Вот тогда я и поняла впервые, что знаю нечто такое, чего знать не должна.. Поняла и очень удивилась... И с этого дня стала уже нарочно разглядывать фотографии, чтобы выяснить, смогу ли определить... Но у меня уже ничего не получалось... Один-единственный раз еще повторилось.. Рассказать? !Я была тогда на втором курсе, зашла как-то к своей однокурснице, снимавшей в Тбилиси квартиру. Хозяйка у нее была ужасно вредная. Сама жила в другой квартире, а подруге моей наказала, чтоб она не смела снимать висевшие здесь на стенах фотографии: не то, тут же, мол, выгону. Осмотрела я эти фотографии (на всех были изображены одни и те же лица: двое мальчиков, только в разных возрастах) да вдруг и говорю: «Чего ж она у себя не повесит фотографии своего мертвого сына?» «А который из них мертв?» — спрашивает подруга. «Вот этот». — И тычу пальцем в одного из мальчиков, светловолосого, в очках, с длинным носом и несчастным выражением лица. Подруга решила, что я шучу. В это время пришла хозяйка. В жизни не встречала таких длинноносых женщин. Мы спросили ее о мальчике, и она подтвердила, что он мертв. Тогда я ей сказала, что нельзя вешать фотографии, где живые сняты вместе с мертвыми — плохая примета. Не знаю, так ли это, но тогда почти не задумываясь выпалила, и,

представь, подействовало: она тут же поснимала со стены фотографии, сложила их в сумочку и ушла. Веришь?

— Верю. Но если ты сумасшедшая, зачем и меня с ума сводишь? Еще что-нибудь расскажешь?

— Нет.

— Слава Богу. И хорошо, что эти заскоки у тебя прошли...

— Почему? — грустно спросила она.

— Так тебя легче любить.

Она молчала.

Я протянул руку и пошарил по тахте в поисках спичек. На лицо мне упала какая-то ткань. Это было платье Мерции. Я поднял его и снова положил на тахту.

— Тебе очень идет это платье.

— Оно не мое, подружкино.

— Давай и мы такое купим. Только точно такое.

Она быстро взглянула на меня и тут же опустила глаза.

Лицо у нее стало счастливое. Конечно, обрадовало ее не обещанное платье, а нечто совсем другое: сказанное мной подразумевало какое-то будущее, какое-то наше общее будущее, о котором мы до сих пор еще не говорили.

Вдруг она вскрикнула и села. Сунула в рот палец, из которого текла кровь. Я вспомнил, что оставил на треногом стульчике раскрытый перочинный нож. Видно, он упал на пол. Нож был очень острый. Я взял ее руку и поднес к губам. Кровь текла не переставая. Тогда я своей рубашкой крепко обмотал руку Мерции.

Близился рассвет. Окно наше заполнилось темно-серым небом. Кажется, на дворе моросило. Я ждал утра со страхом, с до предела натянутыми нервами. И в то же время чувствовал себя счастливым. Она проснулась, крепко обхватила меня руками и расплакалась. Я ни о чем не спрашивал. И так ведь все было ясно. Губами осушил с ее глаз слезы и еще раз крепко прижал к себе ее тело, ставшее таким бесконечно родным за эти две ночи, что казалось продолжением моего собственного. Невозможно было представить, что она не будет отныне постоянно рядом со мной.

Рассвело. Я лежал с закрытыми глазами, но не

спал. Слышал, как она встала, оделась. Чувствовал, как вглядывалась она в мое лицо. Потом нагнулась и слегка коснулась губами моего виска. Остановилась у двери. Я немного приподнял веки. Она в последний раз обвела комнату взглядом и вышла.

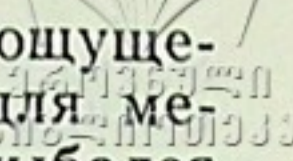
Когда я час спустя сошел вниз, Мерции не было видно. Я попрощался с Агато. Все уже сидели в автобусе. Я тоже поднялся в автобус и, не найдя Мерции и там, очень удивился. При этом, кроме меня, отсутствия ее, казалось, никто не замечал.

— А где же Мерция? — громко спросил я.

— Мерция уехала в Тбилиси со своими знакомыми. Тут были кинооператоры на виллисе. С час как уехали, — сказал Элгуджа, протягивая мне бутылку боржоми.

По моему лицу скользнуло несколько любопытных, равнодушных либо иронических взглядов. Были среди них и сочувственные — Бондо и Элгуджи. Остальные, видимо, ни о чем не подозревали. Я так опешил, что это, наверняка, отразилось и на моем лице, так что любопытные получили прекрасную пищу для домыслов.

Я сел у окна на длинную скамью в конце автобуса. Рядом со мной уселся Важа. Автобус тронулся. И вдруг меня как обухом по голове ударило: я ведь не знал ни адреса, ни места работы, ни телефона, ни даже фамилии Мерции — вообще ничего. Знал только, в какой детский сад она водила дочку (она упоминала о нем в разговоре). Но сейчас, в июле, детские сады были, наверно, закрыты. Как же мне ее найти в Тбилиси? Единственным связующим звеном была Ида, но обратиться к ней, да еще с подобным вопросом, я не мог — это было исключено... И что странно... Как ни огорчил меня внезапный отъезд Мерции, как ни вывел из себя, но в то же время я испытал и явное облегчение, так как всю последнюю ночь меня беспокоило именно предстоящее совместное возвращение. Я, кажется, даже желал в душе, чтобы все решилось именно так. Может, потому и не открыл глаза, когда она уходила? Не знаю. Ничего не знаю. К тому же стоило мне взглянуть на нас с Мерцией со стороны, как все обесценивалось, и мне даже становилось стыдно... И в то же время, мои ладони не переставали чувствовать тело Мерции, а мое тело не покидало ощущение ее кожи... Я был весь как

облаком окутан оставленными ею чувствами и ощущениями, и всякие посторонние разговоры были для меня совершенно невыносимыми. Я то невольно улыбался собственным мыслям, то хмурился. Короче говоря, я был не в себе. Оглушенный и взволнованный, я все еще был там, в нашей башне, снова и снова переживая минуты нашей близости. Рассеянно взглянул в окно и вдруг вспомнил слова Мерции: «В автобусе ты за всю дорогу ни разу не посмотрел в окно. Ты не любишь природу?». Что я мог иметь против природы, но утверждать, что она меня к себе влекла и доставляла какие-то сильные и важные для меня переживания, было бы ложью. Я прекрасно мог обходиться и без нее. А если уж быть совсем точным, то она вызывала во мне вроде даже неприязнь, так как я чувствовал, что она во мне совсем не нуждается и ей нет до меня никакого дела. Но для меня она шумела, не для меня молчала, не для меня цвета и зеленела... У нас с ней не было ничего общего. Однако странным и необъяснимым было то, что с тех пор, как у меня «появилась» Мерция, с первых же минут я так весь распахнулся навстречу небу и земле, словно увидел их впервые. Помню, как пронзительно чувствовал я ночью там, у башни, и воздух, и звезды. Сердце мое вдруг заискрилось, как зеркало, с которого стерли годами копившуюся пыль. Вот и теперь я сидел у окна и не мог оторвать глаз от гор, от скал и оврагов, белыми жилами испещривших горные склоны ручьев и родников. «Горы Шатили — это курганы над могилами богов, — вспомнились мне слова Важи. — Словно мать-земля горестно вздохнула и застыла». Да. И вообще Шатили — как гигантский склеп умерших богов.

Я взглянул на Вaju. Он по-прежнему грустно смотрел на горы. Я вдруг задумался о друге, кажется, впервые в жизни. Поездка в Шатили — это ведь была его идея. Может, надеялся, что вблизи и мы тоже почувствуем наконец его боль и его гордость, которыми он постоянно пытался с нами поделиться с помощью стихов. Тяжело, должно быть, чувствовать себя неудачливым наследником и беспомощным хозяином этих вознесенных до небес гор и, словно сжатых в кулак, насупленных башен. Его предки зубами держались за эти места, за эту землю, непоколебимой верой пытаюсь

удержаться на ее гребнях и скалах. Загоняли вглубь слезы, повелевали сердцу молчать, не оплакивали мертвых и не ласкали детей, дабы не проникала в души излишняя мягкость и не растопляла изнутри каменную броню их сердец. И вот теперь эти башни и скалы, словно брошенные дети, взывают отсюда к разбредшимся в разные стороны шатильцам. И тех гложет черная тоска, как людей, отрекшихся от собственного креста. «Трудно быть грузином, но еще труднее быть хевсуром... Никто не сможет понять хевсура, кроме другого хевсура. Да никто и не станет себя утруждать...» — вспомнились застольные слова Важиного дяди, его невыразимо-скорбное: «В Верхнем Бацалиго снег идет, — в Нижнем Бацалиго — со-ох-нет...».

Лицо у Важи было огорченное. Да это и понятно. Совсем другого он, видимо, ждал от этого праздника. Помогли ли мы ему чем-либо? Сумели ли мы увидеть хоть что-нибудь? Немного встряхнулись и развеялись — вот и все... Я хлопнул его по плечу:

— Давай еще как-нибудь приедем сюда. Не в праздник, а просто так, — сказал я неожиданно для самого себя.

Он удивленно взглянул на меня. А через некоторое время я заметил, что настроение у него немного улучшилось.

Далеко на склоне горы виднелась небольшая отара овец. Вспомнился брат моего деда, о котором я рассказывал Мерцини, закончив рассказ такими словами: «Ума не приложу, чего он ждал, когда собирался меня обучать...». Она тогда приподнялась и удивленно заглянула мне в глаза: «Ты что, и правда не понимаешь? Правда?! Он ждал, когда ты сам его об этом попросишь, иначе не было никакого смысла». Это было для меня как гром среди ясного неба. А ведь в самом деле, что тут было непонятного. И в ту минуту дедушкин брат словно ожил и снова умер во мне, его образ обрел какую-то странную весомость... Настроение у пассажиров нашего автобуса падало по мере того, как мы спускались вниз, в долину. Лица обретали обычное скучающе-безразличное выражение. Зевали, спали, безвольно развалившись в креслах. Не было никаких желаний. Вернее, желание у всех было одно: поскорее очутиться дома, в собственных постелях. Вообще, чтобы

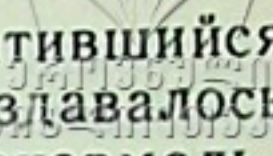
узнать человека, нужно хотя бы раз увидеть его за городом. Иначе многого ~~с~~ нем так никогда и не узнаешь. Вырвавшись из города, люди обретают радость, стряхивают с плеч несколько лет, раскрепощаются, избавляясь от привычной скованности... Вообще, по-моему, всякие выяснения отношений и переговоры людям следовало бы устраивать на лоне природы. Там они проходили бы намного успешнее...

Но сейчас впереди у нас был Тбилиси. Город, который, если уж быть до конца откровенным, всю жизнь меня пугал... Все возвращались к своей обычной жизни... Один я не знал, что меня ждет... Что мне было делать с этой как снег на голову свалившейся на меня любовью? Какое место должен был отвести ей в собственной жизни? Где мы могли встречаться? Где могли бывать вместе? Брать у приятелей ключи от холостяцких квартир и водить ее туда? Как водил других женщин? Даже думать об этом противно было. Снять комнату? Но на это потребовалось бы по меньшей мере рублей сто в месяц, а где мне было их взять... Ездить на машине за город? До каких пор? В конце концов неизбежно пошли бы сплетни, а это означало бы падение оттуда, с той высоты, вниз, с высоты тех башен, где сияли наши два ночи и один день, — и прямо в грязь. Все бы сразу опошлилось. Не помню, по каким еще путям-дорогам металась мои мысли, однако соединились они в конце концов в одном решении: не видеться больше с Мерцией. Оставить сон сном, не разменивать его на явь.

Мы въехали в Тбилиси.

III.

На работу я пришел с опозданием, и первым, кого увидел, был метеором промчавшийся по коридору, воинственно размахивая неразлучной линейкой, Ращенко. В молодости он занимался фехтованием, и спортивные привычки нередко проявлялись у него во время споров и конфликтов (которые, надо сказать, случались с ним не так уж редко), тогда он вдруг принимал совершенно неожиданную позу и начинал угрожающе размахивать правой рукой. За ним бежал наш молодой сотрудник Маглаперидзе с зажатой под

мышкой папкой для бумаг, так крепко ухватившийся другой рукой за собственную бороду, что создавалось впечатление, будто он сам себя тащит. «Ненормальные», — проворчал кто-то за моей спиной. Минуты через три я снова вышел в коридор на поиски секретарши, и та же пара снова пронеслась у меня перед носом, на сей раз в противоположном направлении. Наша секретарша бежала за ними с какими-то бумагами в одной руке и с ручкой в другой, тщетно взывая к Маглаперидзе: дескать, требуется ваша подпись. Так как секретарша на мой зов даже не обернулась, я тоже устремился за бегущими. В конце коридора все они свернули налево и взлетели вверх по лестнице. Я всячески старался от них не отстать. Кто-то окликнул меня. Это был Бондо. Я на бегу знаками показал ему: дескать, погоди, некогда мне, и он тоже побежал за нами. Так, пытая и отдуваясь, мчались мы по коридору третьего этажа. Ращенко сунул голову в какую-то комнату, выкрикнул что-то и ринулся по лестнице на четвертый этаж. Мы всей компанией последовали за ним и снова промчались по коридору, пока, наконец, не влетели все в комнату заместителя директора, с вытаращенными от испуга глазами вскочившего из-за стола при нашем появлении.

— Что случилось, война, что ли, началась! — изумленно вскрикнул он.

— Началась! Но другая война! — крикнул Ращенко. Я понял, что неугомонный Ращенко перешел в новое наступление, и хотел было покинуть кабинет, пытаясь увести и нашу секретаршу. Однако она наотрез отказалась уходить без подписи Маглаперидзе, за которым, по ее словам, она гонялась с самого утра. Наконец взъерошенный Маглаперидзе проставил в бумагах требуемую подпись, мы выбрались из кабинета и мне удалось уладить и свое дело — оформить командировку. Бондо звал меня куда-то после работы, но я отказался.

В отделе мне поведали историю Ращенко и Маглаперидзе. Вечно немного чудаковатый, но очень способный Маглаперидзе представил отчет, в котором в пух и прах раскритиковал проект искусственного орошения земель в одном из восточных районов Грузии. В этом отчете были приведены результаты глубокого

изучения особенностей местного грунта и убедительно доказано, что планируемые мелиоративные мероприятия в силу специфичности грунта и атмосферы через несколько лет неизбежно приведут к плачевным последствиям: земля окажется заболоченной, нарушится экологический баланс и т. д. Расчеты были вполне обоснованными, и его очень поддержал Ращенко. После долгих колебаний с ними вроде согласились; однако летом проект все же вступил в силу, причем никого из нас даже не поставили об этом в известность. Впрочем, я предупреждал Ращенко, что их затея бесполезна, но он меня не слушал.

Вчера он вернулся из отпуска, узнал об этом и поднял страшный шум. И вот сегодня они с самого утра вот так носятся вверх-вниз, — пояснили мне.

В перерыве меня вызвал заместитель директора и попросил написать пояснение-опровержение на отчет Маглаперидзе, так как, по его словам, самого большого доверия в этой сфере заслуживаю именно я.

— Ничего не выйдет, — сразу же сказал я.

— Конечно, не выйдет, проект уже осуществлен! Какая чушь!

— Ничего не выйдет, — повторил я. — Я не могу этого написать. Отчет должен быть обсужден по всем правилам, как положено. Почему на него не был дан своевременный ответ? Придется обсудить его теперь и обоснованно опровергнуть. Тем более, что это, как вы сказали, чушь. А опровергнуть чушь должно быть совсем не трудно. Я с этим делом не знаком. И вы же знаете, что Ращенко ни перед чем не остановится. Маглаперидзе, наверняка, тоже нервы не подведут. Во время нужно было во всем разобраться.

Зам ужасно удивился. Даже побледнел. Мы еще немного поговорили, и я вышел. Я был взбешен тем обстоятельством, что он так уверенно поручал это дело мне и еще был удивлен моим отказом.

В конце рабочего дня к нам в отдел зашел Ращенко и протянул мне руку. Видимо, прослышал о моем разговоре с замом.

— Здравствуй, как поживаешь? — спросил он, крепко пожимая мне руку, словно это не мы с ним вместе бегали утром по коридорам как сумасшедшие.

На другой день я уехал из Тбилиси. По вечерам я

так спешил вернуться в гостиницу, в свой номер, словно меня там ждала любимая книга. Ложился на кровать и думал о нас с Мерцией. Мысленно восстанавливал все по минутам: ее слова, смех... Особенно любил воскрешать в памяти ту минуту, когда впервые увидел ее лицо. В автобусе. Как она на меня тогда взглянула исподлобья... Этот ее взгляд сразу же смутил меня. Как она вдруг взглядывала... не подберу слова... как-то быстро и внезапно. И всегда очень неожиданно, будто на тебя внезапно налетела птичка. И тут же опускала глаза или отводила их в сторону... Я очень скучал по ней, очень. В то же время одно направление мыслей мне вроде помогало: она молода, — рассуждал я, — кто знает, сколько парней вьется вокруг нее... я лет через пять стану уже совсем стариком, а она как раз вступит в лучшую пору... к тому же у нас нет никакой возможности быть вместе... Перебирал в памяти квартиры приятелей-холостяков: где какой замок, как открывается, до которого часа где можно оставаться... где какие кровати или диваны... Нет! Это было невозможно. Ничего не получится. И я снова принимался размышлять о том, как она полюбит какого-нибудь молодого парня, вспоминал того усатого кинооператора, потом белозубого хевсура... Так я рассуждал, но рассуждения эти мне самому казались надуманными, поскольку где-то на самом дне моей души таилось непоколебимое убеждение, что она любит меня и, кроме меня, ей никто не нужен. Я знал это, поэтому и не спешил...

В Тбилиси вернулся через две недели, четвертого августа. Иду на работе не застал. Она взяла отпуск. После работы заехал пообедать к тетке жены. Все это время я у нее не был, и она встретила меня ужасно взволнованная, с кучей неприятных новостей: у соседей взломали дверь и «ни одной ложки не оставили»; ее подружка застряла в лифте и от страха укусила себя за руку; у нее у самой подскочило давление (ощущение было такое, будто в голове у нее сидит курица и клювом долбит ей мозг, непрерывно хлопая при этом крыльями); все ночи она проводила без сна из страха перед грабителями, а возле входной двери, на всякий случай, у нее стояла наготове швабра...

— Эх, — сказал я ей, — выход один — выдать тебя замуж (ей было уже за шестьдесят).

— Да ну тебя, — махнула она белой полной рукой. Накрыла на стол: чахохбили, салат, винегрет. Потом принесла арбуз. В этом доме не следовало оставлять без внимания ни одно блюдо, так как подобная «странность» неизбежно сопровождалась полуторачасовыми расспросами и разъяснениями: чем это блюдо полезно и как и из чего оно готовится. И я послушно ел.

— Когда же, наконец, твои вернутся, представляю, как ты соскучился. Как это ужасно, что ты один. Ну ничего, потерпи еще немного... Я в этом году ничего не смогла закрыть на зиму, цены на фрукты ниже трех рублей не опускались... Просто ужас. Ни компотов, ни варений... Ты что, не слушаешь меня? Что с тобой? Вот, опять моя курица захлопала крыльями! — она приставила палец к виску.

Я взглянул на нее. Она курила сигарету. Пряди коротко остриженных седых волос обрамляли ее когда-то красивое, а теперь опухшее белое лицо. Уговаривала остаться у нее, но я все же решил ехать домой.

Вышел из подъезда, достал ключи от машины и уже собирался открыть ее, как вдруг, подняв глаза, увидел Мерцию! Она стояла на другой стороне улицы, видимо, в ожидании такси. Сердце у меня так и подпрыгнуло в груди, и я почти прорычал:

— Мерци!

Взглянула. Побледнела. Прислонилась к дереву, беззвучно шевеля губами. Я догадался, что она произносит мое имя. Потом улыбнулась.

Я подбежал к ней с намерением крепко прижать ее к груди, но не обнял (вспомнил, что тетушка моей супруги имела привычку провожать меня взглядом из окна).

...Как поживаешь, Мерци?! Как поживаешь?

Хотел сказать, что больше не могу без нее, что хожу совершенно ошалелый, что сердце у меня чуть не разорвалось на части, когда я ее увидел, что вообще мое сердце медленно, но непрерывно разрывается на части с тех пор, как мы расстались, и еще много всего... Но, конечно, ничего этого не сказал.

Глаза у нее радостно блестели, но я заметил, что улыбка у нее грустная.

Я взял ее за руку.

— Ты откуда?

Неопределенно кивнула головой: подруга, дескать, у меня здесь живет, я здесь часто бываю... А ты?

— Я? Я тоже был у друга... Куда ты сейчас?

— Домой...

— Садись.

Сели в машину.

Не могу выжать из себя ни слова.

Несколько раз сбоку взглядывает на меня.

Поворачиваюсь к ней — лицо у нее печальное...

— Чем занимаешься, Мерци?

Пожимает плечами:

— Ничем.

— По мне не окучаешь?

Молча смотрит на меня.

— Как дочка?

— Хорошо.

Она была явно не в духе. Что это с ней? И вообще, она здесь в городе какая-то совсем другая. Я окончательно потерял дар речи. К тому же я сильно сомневался, чтобы мог произнести теперь что-либо вразумительное.

— Где ты живешь?

Назвала отдаленный район.

Машину вел медленно. Не покидало ощущение, что она чего-то ждет от меня. Господи, боже мой, ну что я мог ей сказать, я ведь ничего ей не обещал.

— Что с тобой, Мерци?

Она вздохнула.

— Ничего. А ты как поживаешь?

— Плохо.

Нет, я в самом деле ничего не мог. В ту минуту я ничего не мог. Не мог ничего сказать. Не мог обнять ее. Нервы были напряжены до предела. Единственным желанием было поскорее довезти ее до места.

Она попросила остановиться на углу... Я подумал: не хочет выходить из машины у самого дома...

С минуту сидели молча.

— Я пошла, — тихо сказала она, не двигаясь с места.

— Мерци... наконец выдавил из себя я. Она глубоко вздохнула и не дала мне договорить.

— Я пошла.

И вышла из машины.

С большим трудом удалось мне повернуть ключ зажигания, и машина медленно тронулась с места...

И вдруг слышу свое имя. Это она звала меня, звала очень громко.

Я нажал на тормоз и вышел из машины. Она подбежала и бросилась мне на шею. Из глаз ее текли слезы... Я ужасно растерялся. Прохожие оглядывались на нас, кто-то, отодвинув занавеску, глазел на нас из окна. Я пробормотал что-то невразумительное... Мне было почему-то стыдно. Она повернулась и пошла прочь.

Знала ли она тогда?.. Неужели знала?

Через три дня я снова уехал в командировку. А вернувшись, улегся дома на диван и стал размышлять о том, как мне собрать триста рублей на платье для Мерци. «Куплю и отнесу», — в миллионный раз говорил я сам себе; непонятно было только, как я собирался совместить это со своим решением не видеть ее... Но об этом я не думал. Сто рублей у меня уже было. Я выдвинул нижний ящик письменного стола дочери, где хранились мои папки. Достал оттуда деньги, подержал в руках, посмотрел на них. Еще раз пересчитал. Мне доставляло удовольствие пересчитывать их, держать их в руках. Снова завернул в бумагу и спрятал.

В детстве у меня бывали странные причуды. К примеру, если мне хотелось пить, то вместо того, чтобы пойти и напиться, как все нормальные люди, я терпел и терпел — до тех пор, пока чуть не терял сознание. И только тогда жадно набрасывался на воду. Может, и с Мерцией было то же самое? Не знаю.

Какой все же странной была эта наша случайная встреча на улице... Почему-то это казалось мне доказательством того, что в конце концов мы будем вместе... Не знаю, почему, но я словно чего-то выжидал, тянул время... Может, хотел, чтоб она по мне очень соскучилась... Но за всем этим стоял страх. Что это был за страх — я не знал.

Так я лежал и размышлял, а между тем был уже

вечер двадцать седьмого августа. Я закрыл глаза и отчетливо увидел сцену, когда я затаив дыхание стоял в передней комнате башни, а она вдруг неожиданно окликнула меня. И в тот же миг я и в самом деле явственно услышал свое имя: меня звала Мерция. Я так отчетливо услышал ее голос, что вскочил с дивана и с бешено колотящимся сердцем бросился к окну. Под окном никого не было. Выглянул в подъезд — тоже никого.

Но я ведь явственно слышал! Снова опустился на диван.

Подошло тридцать первое августа. Утром приезжали жена с дочерью. Я встречал их на вокзале. Обнялись. Обе были свежие, загорелые. Обе в открытых сарафанах. Дали была выше своей матери и выглядела намного взрослее Мерции. В машину не просто села, а с размаху плюхнулась на сиденье.

— Давайте заедем на базар. Дома ведь, конечно, ничего нет, — сказала жена.

Заехали. Они пошли за покупками. Я ждал в машине.

— Что это с тобой?! Машем, машем тебе, а ты смотришь прямо на нас — и не видишь!

Уселась. Поехали.

Дома Дали сразу же бросилась к телефону. Жена ушла на кухню. Потом Дали помылась, оделась.

— Я пошла. Последний день кинофестиваля. Хоть один фильм посмотрю.

Я дал ей десятку. Вечером явился и Резо. Вихрем ворвался в квартиру, швырнул сумку на пол, расцеловал нас. Тоже бросился сначала к телефону, потом в ванную. Оделся и что-то сказал мне.

— Ты что, не слушаешь?! Диск! Диск Джени Джоплин продается. Ты же знаешь, как давно я его ищу... Шестьдесят рублей,

Я дал ему деньги. До получки оставалось девяносто рублей и одна неделя. «Выкручивайтесь, как хотите. Из тех денег ни копейки не возьму», — подумал я и включил телевизор.

К одиннадцати часам все были дома. Пили чай. Дети легли. Жена ушла в ванную...

Я тупо смотрел телевизор и молил Бога, чтобы кто-нибудь позвонил и позвал меня куда-нибудь. Хоть

бы кому-нибудь срочно понадобилась в чем-то моя помощь... Хоть бы у жениной тетки опять подскочило давление, что ли. Но никому я не понадобился. Жена вышла из ванной и выключила телевизор. Я встал и поплелся в спальню... Она лежала в ночной рубашке с глубоким вырезом. Лежала и ждала меня.

— Соскучился? — спросила она и положила голову мне на грудь.

— Очень.

Она поцеловала меня. Я обнял ее.

Было четвертое сентября. Воскресный день. За мной заехал приятель, и мы поехали в Цхнети, к нему на дачу. Семья его уже вернулась в Тбилиси. К нам присоединился его сосед. Выпили.

Стало смеркаться.

Я вдруг встал и заявил:

— Я пошел.

— Что с тобой, что на тебя нашло?

— Мне надо ехать.

Меня не отпускали, но я все же уехал.

Минут через двадцать уже был на улице, где жила Мерция. Но я ведь не знал дома. Только сейчас это сообразил. Несколько раз проехал по улице туда и обратно. Трезвым не решился бы, но сейчас... Минут через десять уже звонил Иде.

Дверь открыла Ида. При виде меня побледнела как полотно.

— Ида, — начал я прямо с порога.

— Заходи.

Я вошел. Все в ту же комнату.

— Садись.

Сел. На ту же тахту, на которой мы лежали вместе прошлым летом. Хотел спросить напрямик: «Где живет Мерция?» Но постеснялся и проговорил:

— Ида... как поживаешь?

Она подняла на меня глаза.

— Плохо. Подруга у меня умерла... Не слышал? Ты ведь тоже знал ее...

— ?!

— ...Мерция...

— Что с тобой? Что с тобой? — трясла она меня.

Я рукой отстранил ее, встал и вышел...
Сидел в машине.
В руке у меня были ключи.
Никак не мог вставить ключ.
Рука упала на колени.
Опустил голову на руль.

— Ты все еще здесь?

Поднял голову. У машины стояла Ида. Было уже совсем темно.

— Что ты здесь делаешь столько времени?.. Тебе плохо?

Я кивнул.

— Пойдем ко мне.

Я пошел.

— Когда... это... случилось...

— Двадцать восьмого августа.

— Что... случилось...

— У нее было белокровие. В прошлом году она была на море, и там ей впервые стало плохо... Осенью лежала в больнице... целый месяц... Потом стало лучше... Чувствовала себя хорошо... Решили даже, что диагноз был ошибочный... Ее сестра — врач, моя подруга. А потом вдруг наступило резкое ухудшение...

— Она знала?

— Что?

— Что у нее белокровие...

— Не знаю... Ей не говорили... Кажется, не знала.

— Когда наступило ухудшение?

— Точно не знаю... Она сама легла в больницу... За ней ухаживала подруга... Не хотела волновать мать и сестру... Говорила, лучше пусть за ребенком смотрят. Родные узнали только за три дня до... Сейчас принесу воды... А может, лучше вот это выпьешь, — достала какие-то капли.

— Не надо.

Она подошла к окну и открыла его.

Я встал. Она обернулась ко мне и страдальческим голосом спросила:

— Ты... любил ее?

Я кивнул и подумал: «люблю».

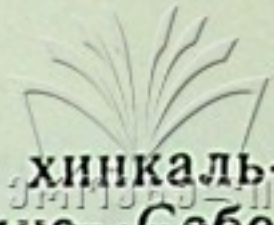
Долго ездил по незнакомым улицам. Наконец остановился в конце какой-то уже почти сельской уло-

чки с низенькими домиками. За ней начиналось поле. Всю ночь лил дождь. Без умолку барабанил по крыше. На рассвете я заснул, съжившись на сиденье.

Утром дома никого не застал. Отыскал свою рубашку. Ту, в которой был в Шатили... Развернул... На ней все еще были пятна крови... Зарылся в нее лицом... Потом завернул во что-то и спрятал подальше. Вышел на улицу и побрел. С непривычки странно было идти по городу пешком.

Очутился на проспекте Плеханова... Кто-то со мной поздоровался... Заходил в магазины... Сидел в сквере... Проехал несколько остановок на автобусе. Невыносима была даже мысль о том, что кто-то сейчас мог подойти и заговорить со мной... При одной мысли об этом у меня чуть не начинались судороги... Я уже заранее смертельно ненавидел этого «кого-то». Я готов был задушить его. Вошел в какую-то столовую. Выпил кружку пива. Вкуса не почувствовал... Продавец что-то крикнул мне вдогонку... Какой-то мальчуган нагнал меня и протянул сдачу. Долго наблюдал за тем, как две женщины с помощью длинных палок мыли витрину гастронома... По стеклам струйками стекала вода. В конце концов одна из них обернулась ко мне. Что-то сказала. Я побрел прочь. Главное было — не думать... Ни секунды... О, если б это было возможно — отключить мозг... Навсегда. На афише какая-то женщина бежала на ветру, обеими руками придерживая ворот пальто... Я остановился у тротуара. Послышался какой-то стук, и моей кисти коснулось что-то металлическое... Я отпрянул в сторону. Это оказался старичок в темных очках с мертвенно-бледным лицом, с помощью палочки прокладывавший себе путь. Маленькая девочка засмеялась. Мама стукнула ее по ручке, и девочка заплакала... Снова ехал в автобусе... Очутился у решетки детского сада. Стоял и смотрел. Детей уже уводили... «Эленэ!». Маленькая девочка с ободранными коленками быстро вскинула глаза. Словно птичка вспорхнула. И также быстро снова опустила их, продолжая ковырять палкою землю. «Ну, что же ты не идешь? Я жду!». Девочка пожалала плечиками и направилась к молодой женщине в черном платье.

Очутился перед Кашветской церковью. Ко мне подошел какой-то длинноволосый человек. Он был пьян.

Что-то сказал мне. Я кивком указал ему на хинкальную, и мы вошли в нее. Он налил водки мне. Себе. Что-то говорил по-русски. Потом почему-то рассердился. Стукнул по столу кулаком. Выпили. Какое-то время он сидел тихо, потом опять рассердился и наконец зарыдал: слезы градом катились по его лицу и капали прямо в стакан с водкой. Я с завистью смотрел на эти слезы. Он о чем-то спросил меня. Я не понял. И тут он, видимо, как-то для себя истолковав мое состояние, принялся меня утешать:

— Не горюй, брат, вся жизнь — одно сплошное мучение...

Помолчал. Из глаз его опять потекли слезы. Снова заговорил:

— У меня, брат, тоже все идет на...

Вышли. Темнело. Он обнял меня за плечи и кивнул на Кашвети:

— Пойдем, брат, помолимся, легче станет... Тяжко нам, брат, тяжело... Сходим к Богородице — на сердце и полегчает... я тебе говорю... Это единственная женщина, которую можно любить....

— Не могу, брат...

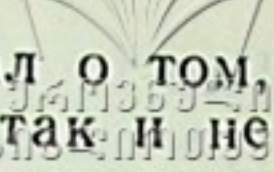
Обнял его на прощание. Хороший был человек.

Голова раскальвалась. Казалось, в мозгу вот-вот лопнет какая-то жила. Мысли так и рвались к каким-то вопросам, но я упорно отгонял их, как свору бешеных псов.

Было темно. В окнах горел свет. Я шел по Руставели. Меня остановил какой-то знакомый. Стал что-то рассказывать. Я усмехнулся, отмахнулся и побрел дальше. Очутился в троллейбусе. Сел. Сидевшая впереди женщина встала и направилась к выходу.

«Ламара!» — заорал я так, что все пассажиры изумленно уставились на меня. Сошел следом за ней. Стал говорить о том, как безумно рад ее видеть, какое неизгладимое впечатление произвела она на меня летом. Шутка ли — встретить в таком огромном городе такую милую знакомую! Как это здорово, что я встретил именно ее, а не какую-нибудь бабу-ягу. Свою соседку, например...

Она слушала молча, изредка внимательно поглядывая на меня. Подошли к ее даму. Она предложила зайти.

Накрыла стол к чаю. Я разглагольствовал о том, как всю жизнь интересовался медициной, но так и не смог ею заняться... А ведь сколько проблем, сколько загадок... Например, до сих пор не выяснена причина возникновения опухолей... Или вот взять хотя бы простатит... или аллергию...

Вдруг я замолчал и после паузы спросил:

— Ламара, можно вылечить человека от белокровия?

— Все возможно, — обычным назидательным тоном отвечала она, — хотя случаев полного исцеления у нас не было. В лучшем случае удастся добиться длительной ремиссии, перевести болезнь из острой формы в хроническую... Но это ничего не значит. Только очень ограниченные люди могут утверждать, что белокровие принципиально неизлечимо. Сегодня это так, а завтра может появиться какое-то средство... Это во-первых. А во-вторых, отдельные случаи исцеления таких «неизлечимых» больных отмечаются и в нашей, и в зарубежной статистике, причем эти пациенты, как правило, ни к каким особым средствам не прибегали. Понимаете, в чем дело? Психические механизмы человека все еще почти не изучены. Приведу один пример. Есть у меня тетя, давно овдовевшая. Долгие годы вела она нескончаемую тяжбу с братом покойного мужа из-за квартиры. Два года назад заболела. Обнаружили опухоль матки. По результатам всех обследований и анализов — злокачественную. Уложили мы ее в больницу, стали готовить к операции. И тут она узнает, что деверю удалось повернуть дело в свою пользу и он, оставшись на поле боя в одиночестве, уже готовится праздновать победу. Тетя добивалась этой квартиры для племянника своего мужа, круглого сироты, которого она вырастила. Собственно, этот парень для ее деверя был более близким родственником, чем для нее. Это-то и бесило тетю больше всего. Короче говоря, услышав, что дела принимают плохой оборот, тетюшка пулей вылетела из больницы и снова ринулась в бой. Через полгода выиграла дело и оформила квартиру на племянника. Повела я ее снова к врачам. И представьте себе наше изумление, когда у нее не смогли обнаружить даже намека на что-либо подозрительное. Опухоль, или что там у нее было, полностью исчезла. Что же произошло? Чем

это, спрашивается, можно объяснить? Ведь не могли же ее излечить непрерывные стрессы и нервозность? Наоборот, скорее всего, все эти неприятные переживания как раз сыграли не последнюю роль в возникновении ее заболевания. А потом, при тех же обстоятельствах, да еще многократно усугубившихся — заболевание вдруг совершенно исчезает? Она и по сей день прекрасно себя чувствует. От настроения, от первоэмоционального фактора вообще очень многое зависит. Выражаясь художественно, весь ее организм — я говорю о тетушке — так собрался в кулак, так весь сосредоточился на одной цели, что ни на что другое у него попросту не осталось сил — он просто «забыл» об опухоли. Все очень индивидуально. Так что в медицине все возможно. Человек может скончаться от простого насморка и излечиться от острой лейкемии. Установка, вера и воля к выздоровлению чрезвычайно важны. Все возможно... Все очень индивидуально...

Она говорила не переставая, как всегда, и чувствовалось, что еще долго может так говорить. Но вдруг спросила:

— А почему вас это интересует? — и внимательно взглянула на меня.

— Да нет.. просто так...

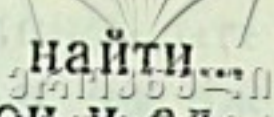
Я попрощался и вышел. Проводила меня испытующим взглядом. Приглашала заходить. Видимо, уже зачислила в число своих пациентов.

Я шел по улице. «Ну ты и мчался, прямо как рыцарь смерти!» — вспомнились вдруг слова Элгуджи. Неужели и в самом деле я привел ее туда? Неужели она знала? Нет! Это невозможно. Она даже не догадывалась. «Я помню, что время бежит», — это она просто так сказала, просто так. «Кликнут огненных коней Амбры, Умбры и Арабы», — «эр-ы» так и раскатились. «А кто они такие, эти Амбры, Умбры и Арабы?» — «Не знаешь? Черти и лешие. Воинство отца Камар. У нее ведь была башня среди туч». — «А что им было нужно?» — «Не знаешь? Правда не знаешь? Правда-правда?»

Я позвонил.

— Ида, — с порога начал я и прислонился к стене.

— Расскажу, — тихо, но с затаенной злобой сказала она. — За неделю до того, как лечь в больницу,

она была у меня. Спросила, как можно тебя найти. Ты был в командировке... Я дала ей твой телефон и адрес, а также адрес тети твоей жены. Сказала, что после работы ты часто бываешь у нее... Выглядела она неважно, но когда я спросила ее о здоровье, сказала, что чувствует себя хорошо... Хотела я в тот же вечер позвонить ее сестре, но почему-то не позвонила... Я была уверена, что ты и думать о ней забыл... и если встретишь где, то просто отведешь взгляд, как ты это обычно делаешь. Я даже подумала, что ты и в командировку уехал так поспешно, чтобы оградить себя от каких-либо сентиментальных рецидивов. Ты ведь и в прошлом году примерно в то же время сорвался в командировку... Но не могла же я сказать все это ей...

Я кивнул головой в знак согласия. Она была права. Я действительно очень не любил встречаться с женщинами, с которыми был когда-то физически близок. Даже не знаю, почему. Но я был уверен, что по мне это незаметно... Я ведь, кажется, никогда не давал никому это почувствовать... Да и при чем здесь Мерция? Разве это имеет к ней какое-то отношение?

— По-моему, она и в Шатили поехала из-за тебя... Видела тебя как-то у нас на работе... — тихо проговорила Ида.

— Где она жила? — я сам с трудом расслышал свой голос.

Она назвала улицу, совсем не ту, куда я ее возил. У меня не хватило сил на удивление.

Направился к выходу.

— Заходи, если захочешь, — сказала она чуть потеплевшим голосом.

Я не обернулся.

«Мерси, что же теперь нам с тобой делать, Мерци?» — беспомощно подумал я.

Была уже ночь, когда я вошел в квартиру. Жена и дочь так и подскочили.

— Где ты был? Где был? Неужели нельзя было позвонить? Где ты был, у кого? Господи, что у тебя за лицо! Неужели я не заслуживаю даже того, чтобы позвонить мне и предупредить, что ты не придешь?!

— Замолчи, — сказал я и побрел в спальню. Они притихли. Я остановился на пороге и взглянул на по-

стель. Я спал здесь девятнадцать лет. Спал. Вид этой комнаты вызвал во мне непреодолимое отвращение. Вспомнилась последняя ночь, проведенная с женой: без страсти, без любви, без радости. Меня охватило такое омерзение, что я чуть не зарычал. Здесь, в этой постели, я никогда не знал радости. Были лишь привычка и удовлетворение. Радости не было. Неужели она этого не чувствовала? Мне вдруг пришло в голову, что жизнь без радости, когда бы то ни было и где бы то ни было, — вообще болезнь, уродство, мерзость. Но обосновать эту мысль я и сейчас не могу. Меня мутило. Хотелось вырвать, вырвать всю мою жизнь — все, кроме детства и Мерции, — все, что капля за каплей копилось во мне все эти годы. Господи, девятнадцать лет узаконенного разврата. Всеми признанного, санкционированного, освященного. И та ночь, ночь на 31 августа, когда она уже была мертва и лежала одна, совсем одна... Все здесь внушало отвращение. Я вышел из спальни, пошел в комнату сына, лег на диван и бессмысленно уставился на громадные афиши джазовых певцов на стенах. На одной из них светились в полутьме экзотически расширенные глаза молодой женщины и ее нервно растопыренные худые пальцы. Я знал от Резо, что эта левиза умерла от слишком большой дозы марихуаны.

Пришел Резо. Ему что-то тихо сказали в гостиной. Он вошел в комнату, по обыкновению швырнул сумку в угол и бросил понимающе:

— Поругались?

— Резо, — тихо сказал я.

— Да? — он удивленно оглянулся на меня и включил музыку.

— Ничего.

Женский голос запел по-английски. Голос был сильный, но лишенный тепла. Песня была страстная, истерически-безысходная. Лишала желания жить.

— О чем она поет? — спросил я Резо.

Он убавил звук.

— Скажите мне, куда идет этот поезд?

Я хочу уехать далеко-далеко.

Давай уедем вместе, любовь моя,

Уедем далеко,

Туда, где можно все начать сначала.

Конечная станция, говорите вы?

О, конечная станция, конечная станция...

Я вышел из комнаты и, не раздеваясь, повалился на диван в гостиной.

Утром, за завтраком, ни к кому не обращаясь, объявил:

— Я уезжаю в командировку.

Миновав Барисахо, остановил машину и вышел. Это было то самое место, где мы сделали тогда первую остановку. Подошел к дереву. По стволу сновали муравьи... Постоял у камня. Потом у реки.

Вспомнил, как мы гнали отару впереди автобуса, и улыбнулся...

Не заметил, как доехал.

На берегу реки паслись кони. Я подошел к «нашему», черному как ночь коню и обнял его за шею. Он глянул мне в лицо спокойными, неосуждающими глазами. Я поцеловал его в глаза.

Агато в башне не оказалось. Сделал над собой усилие и отворил дверь в «нашу» комнату. Подошел к окну. Перегнулся через подоконник. Коснулся рукой проходившего по стене выступа. Подошел к тахте, понюхал верхнюю подушку. Расстелил на полу бурку и сел. Закурил. Вошла Агато. Мы обнялись. Она завела свою монотонную речь, внезапно и в то же время ритмично обрывающуюся между словами. Обрывающуюся, как скала над пропастью, как сорвавшийся вниз камень, — жаловалась на здешнюю жизнь.

Вдруг она замолчала и прищурилась:

— А где твоя девонька в розовом?

Я вздрогнул. Значит, видела. Потому и исчезла куда-то в те дни.

— Спой, Агато.

Взяла пандури.

— Чего спеть-то?

— Плач.

— Ты ведь не любишь? Поди сам просил не петь.

— Спой, Агато.

О белукских пастбищ уже вернулось стадо,

Асма-т, вернулся твой желанный...

Вставай, Асма-ат!

Вставай, встречай его,
Иди к нему, к желанному,
Асма-ат.
Не будет мать сердиться...
Не хочет жизни мать твоя-а,
Зачем убила ты себя...
Асма-ат!
Не распахнешь ты двери дома своего,
Не вскинешь больше глаз огромных
С порога нашего
На меня,
Возьми, о Боже, жизнь мою,
Асма-ат,
Зачем себя убила...

Все утро вывернула наизнанку. Вот они, те самые слова, которые я искал, вспоминая ее взгляд:

«Не вскинешь больше глаз огромных на меня».

— Агато, та женщина умерла, Агато!

— Господи, убей меня, Господи! — вскричала Агато и словно окаменела.

Потом погладила меня по голове: «Горе привело тебя сюда, сынок».

Я плакал. Казалось, все слезы, годами копившиеся в этих башнях взрослыми и детьми, все загонявшиеся внутрь и запрещававшиеся слезы — разом выплеснулись теперь из моих глаз.

— Когда? — тихо спросила Агато.

— Двадцать восьмого августа.

— В день Святой Марнам?

Она снова взяла в руки пандури, и зазвучал набат, настоящий набат. Казалось, крапива обжигала все вокруг — и меня, и эти каменные стены... Повсюду стоял звон. Такого голоса мне еще не доводилось слышать: он был пронизан горечью, нестерпимой горечью, и в то же время напоен душераздирающей нежностью, словно в голосе этом соединялись брачными узами ядовито-зеленая крапива и бледный мак. Временами голос обрывался, и по обожженной солнцем иссушенной старостью щеке Агато скатывалась крупная слеза.

Уже готовят дом тебе,
Дом без окна, без двери,
Душе твоей веселой
В том доме будет душно,
В деревянном...

Невестка моя милая,
Ухоженная,
Кинули мы тебя,
Бросили одну,
За церковною оградой
В могиле.
В прах обратятся очи твои
Лучисты...
Мыши растащат локоны
Златые...

Мы плакали.

Потом она запела о какой-то молодой женщине, которую, как и ее, звали Агато.

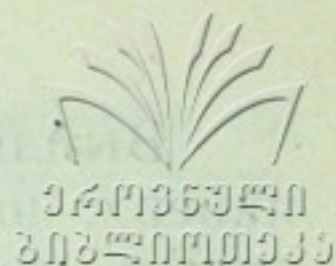
Казалось, гудели и звенели все башни вокруг. Вряд ли еще когда-либо сможет Агато спеть так. Мне вдруг бессмысленно захотелось, чтобы Мерция была здесь, с нами, и тоже послушала ее пение.

Ступай, Агато, ступай,
Ждать некого, не медли.
Путь дальний предстоит
Тебе до той страны,
Где души умерших
Без радостей
Живут...

Наверно, она оплакивала и свою маленькую дочку, когда-то давным-давно утонувшую в речке. И всех «безвременно ушедших».

Зачем мне смерть
Не явит избавленья,
Мне, матери твоей,
Дитя мое,
Не зная радостей,
Не видевшая счастья
И солнцу не успевшая воздать

За милость быть рожденной
В этом мире,
Покинула ты мир...

Она вконец охрипла. Так оплакали мы «девоньку в розовом» — протекла перед нашими взорами смоляная река, унеся с собой цветы, улыбки, розовые платья... Волнами прокатила мимо усеянная цветами ночь. Мы оплакали все: одиночество наше и нашу обреченность, покинутые башни и могилы, несчастную любовь, не знавшие радости сердца, беды прошлые и беды будущие — и умолкли.

Она снова погладила меня по голове и сказала:
— Жизнь, сынок, дана нам для скорби, и пришли мы в этот мир для страданий.. Не убивайся, Бог милостив... А сердце наше многое может: сожмется в комок, постонет-постонет, а потом встрепенется — и, глядишь, — снова улыбается жизни.

Светало.

Она снова взяла в руки пандури и, подняв вверх словно изнутри освещенное скорбью лицо, тихо затащила:

Через ширакское поле
Я к любимой иду,
Ветра злобные стоны
Предвещают беду.
И в той ярости ветра
Мне навстречу летит
Бабочка — как виденье,
Красным плечиком нежным
Так похожа на то
Платье красное девы...
Не дай, Боже, беде
Быть с любимой моею!

В городе она, и живая и мертвая, ускользала от меня, исчезала, терялась. Мне не удавалось увидеть лица ее смерти. Теперь эта смерть проступила: потяжелела, облеклась одеянием, как подобает смерти — величественным и страшным одеянием. Теперь Мерция снова была моей: это было какое-то странное обладание, невыразимое словами.

Выйдя из машины, я почему-то сразу же взглянул наверх, на наши окна. И в глаза мне тотчас же бросилась моя коричневая рубашка, висевшая на бельевой веревке вместе с другой одеждой.

Я застыл на месте как вкопанный. Как она ее нашла?! Не успел войти в квартиру, как жена с дочерью бросились мне навстречу:

— Знаешь, что мы купили? Ни за что не догадаешься.. Тебе очень понравится. Это сюрприз. Закрой глаза... Нет, нет, закрой!

Меня ввели в гостиную.

— Смотри!

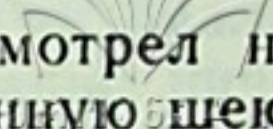
Я открыл глаза. На стене висело большое овальное старинное зеркало в золоченой раме.

— Представляешь, сдали в комиссионку... У нас не хватало денег. Слава Богу, нашли припрятанные тобой сто рублей. Какой ты молодец, что отложил их..

Раздался оглушительный грохот; тяжелые настольные часы, схваченные и брошенные мной, вдребезги разбили зеркало. На стене осталась покачивающаяся пустая рама.

На другой день я взял отпуск и уехал в деревню к отцу. И вот тогда, когда я был уверен, что все уже кончилось, все и началось. Начались такие странности, о которых я никому не мог рассказать. Так как никто бы мне не поверил. Никто, кроме Мерции.

Ночью я лежал на своей старой кровати у окна и смотрел на луну, походившую на большую желтую розу из-за подернувшего ее тонкого, местами прозрачного облака. Смотрел на луну своего детства, которой было поверено когда-то столько горьких детских тайн. Она по-прежнему здесь, на небе моего села, и все это время она хранила в неприкосновенности все мои тайны. Я неожиданно, после стольких лет, встретил ее в Шатили.. «Луна» — подумал я так, как будто произнес вслух, и вспомнилась мне загадка, разгадку которой я почему-то постоянно забывал в детстве: «В начале каждого месяца распускается роза над скалой». Вспомнилось и то, как мне, когда я болел в детстве, казалось, что эта луна wpłyвает в мое окно, и, прохладная, прикасается к моему раскаленному лбу. А прежде чем лечь, я, перегнувшись через подоконник и

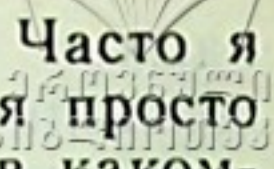

вдыхая горьковатый запах георгии, долго смотрел на созвездие Малой Медведицы. И видел склоненную шею, чуть выступающие нежные позвонки на ней и созвездие родинок меж рассыпавшихся в стороны прядей.

Потом я заснул.

И снилось мне, что стою я у подножия какой-то желтой горы. Сверху спускается тропинка. На вершине горы виднеются с одной стороны развалины церкви, с другой — нечеткое по форме, некрасивое, обитое железом кирпично-красное строение. На тропинке появляется женщина с кувшином в руке, в изодранном, раскрытом на груди розоватом платье. Мерцания... Она плачет... А я как будто знаю, что она мертва, но не подаю виду, чтоб не обидеть ее... Она плачет и, указывая рукой на то странное здание, говорит: «Они там говорят: ты, мол, мертвая, зачем тебе вода, и не дают наполнить кувшин». У меня сжимается сердце. Потом я прихожу в ярость: «Вот я им сейчас носы порасквашу!» Она смеется. Слезинки так и сверкают. Вдруг я замечаю, что соски у нее растрескались, и трещинки на них — зеленовато-желтоватого цвета... И я вроде знаю, что из них должна прорасти трава. «Мерци», — говорю я и запахиваю платье у нее на груди, чтобы не видеть этого ужаса, но потом мне становится стыдно: ведь трава все равно прорастет под платьем. Снова раскрываю платье. Обнимаю ее. Прижимаю к себе. Ощущение какое-то странное. Мы опускаемся куда-то вниз... В какое-то прозрачное озеро. Я обмываю водой ее лицо, плечи, грудь... снова обнимаю ее... Мы опускаемся все ниже. Тело у нее постепенно согревается, и она говорит со счастливым выражением лица: «А они думали...» При этом я точно знаю, кто такие «они»... Мы словно слились в одно целое, я уже не различаю, где кончается моя плоть и начинается ее. Мы не отрываем друг от друга широко открытых глаз, перед которыми то и дело вспыхивают какие-то странные, мерцающие круги... словно мы целуемся зрачками... А кругом вода, вода...

Кажется, сон этот длился всю ночь. Проснулся я совершенно обессиленный. Но сон оставил во мне какое-то радостное ощущение. Самым же удивительным было то, что я во сне действительно по-настоящему, до конца пережил все.

Этот сон стал повторяться каждую ночь. Часто я даже не понимал, снится ли мне это или же я просто лежу и вот так странно думаю. Я барахтался в каком-то совершенно необъяснимом тумане. «Кажется, я сошел с ума», — часто говорил я себе. Но безумие это было сладким и несло с собой облегчение. Я как будто немного успокоился.

Наверно, это было неизбежно. Моя тоска по ней требовала выхода, и ее тоска тоже, наша безнадежная, нестерпимая тоска. Я так тосковал по ней, особенно с тех пор, как узнал о ее смерти, что временами готов был грызть землю. Мертвую я любил и желал ее еще сильнее..

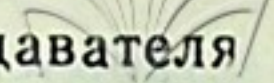
При мысли же о том, какой истосковавшейся ушла из жизни она, как ждала меня, уже на пороге смерти... сон мой становился понятным и естественным. «Пробудись, укрась свой гроб, пусти меня к себе, места нам хватит обоим», — часто беззвучно обращался я к ней.. В этот период ощутил какую-то странную, мучительную тягу к земле, какое-то физическое, страстное влечение. Услышанные же из чужих уст слова «земля», «покойник», «кровь» причиняли нестерпимую боль. Сердце разрывалось на части. Мне казалось, что слова эти произносились другими слишком легко и небрежно. Я чувствовал себя оскорбленным... Вообще в то время во мне происходило много странного... такого, что я не могу теперь ни объяснить, ни даже описать...

Во сне я часто плакал и просыпался на мокрой подушке. Плакал подаренными ею слезами, и только тогда во всем до конца признался себе: я не повидал ее в городе, потому что боялся, боялся, во-первых, ее и, во-вторых, города. Вся моя жизнь была соткана из страха и управлялась страхом. Я избегал всего, что требовало от меня каких-либо усилий. Все предал, от всего отрекся. И при этом убеждал себя, что я никому не нужен. Из страха перед поражением ни за что не принимался. Все значительное и настоящее раздражало и отталкивало меня... Боялся взять на себя ответственность за что бы то ни было... Отвергал существование всего, что не смог понять. Женился на женщине, которую не любил, но которая (в этом я был уверен) любила меня, потому что так было проще. Убедил себя, что самая безопасная жизнь — жизнь без желаний.

Старался жить без напряжения. Ни за что не брался из-за врожденного, тупого страха, что все равно ничего не получится. Мерцню я встретил с пустыми руками, поэтому и злился на нее. Хотелось наказать ее. А где-то глубоко в подсознании меня мучила мысль о том, что она жила по своим внутренним законам, я же на это никогда не отваживался и не отважусь. С ее вторжением в мою жизнь пришлось бы все назвать своими именами. И! как бы ни сложились наши с ней отношения, я бы все равно оказался виноватым. Я уже был виноватым, когда встретил ее. У меня уже не было сил для правды, я уже никогда не смог бы жить правильно... Наверно, поэтому и не спросил у нее адреса, не спросил даже тогда, когда ни о чем, кроме нее, не помнил. Интересно, что думала об этом она?

Господи, до чего же страшно было вспоминать о том (больше всего я старался заглушить в себе именно эту мысль), что когда она впервые заболела прошлым летом, я как раз лежал в постели с Идой, а когда она умерла и лежала одна в темной комнате, — со своей женой. Зачем я повстречал ее? Чтобы понять все это? Понять, как мы всю жизнь теряли и теряли друг друга? Как разошлись в этой жизни? Повстречал, чтобы внезапно рассыпались в прах толстые стены моей загрубевшей души и я, оставшись обнаженным, завопил от ужаса? И такими ясными и понятными казались порой какой-то скрытый смысл и законы моей и вообще человеческой жизни, что мозг мой готов был взорваться, перегореть от чрезмерной ясности и очевидности этой догадки, — но потом все снова покрывалось мраком. Если животное внезапно выйдет из темной пещеры и окажется в луче прожектора — что с ним станет? Оно ослепнет и сойдет с ума. Нечто подобное произошло и со мной.

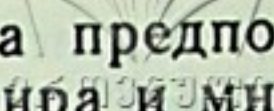
Снова и снова задавал я себе вопрос: почему именно со мной это должно было случиться? Почему именно со мной? Чем заслужил я такое счастье и такое несчастье? Почему именно на меня был возложен этот крест? И вдруг вспомнил ее слова: «Судьба ведь далеко не всеми интересуется, где у нее время заниматься воспитанием и подвергать испытаниям каждого. На иных до самой смерти так и ни разу и не взглянет». Она произнесла это весело, смеясь. И тогда я предста-

вил себе эту «Судьбу» в образе нашего преподавателя химии: очень сухого и строгого мужчины с большими оттопыренными ушами и ноздрями, почти прозрачными. «Где у меня время заниматься каждым тупицей! Лекция, между прочим, состоит всего из девяти минут», — повторял он, пересаживая безнадежных, по его мнению, тупиц в самый конец аудитории и с этих пор не удостоивая их даже взглядом. Это и в самом деле были люди ничем не интересовавшиеся. Зато нам, зачисленным им в число менее безнадежных тупиц, житья от него не было, он буквально шкуру с нас спускал. То налетал на нас как коршун, когда нам казалось, что все идет хорошо, то вдруг улыбался, и до чего ж ласково, когда мы, уже потеряв всякую надежду, тщетно бились над решением какой-либо головоломной задачи. Прошло время, и именно эта улыбка, имевшая над нами чудодейственную силу, обрела наибольшую цену. Наверно потому, что появлялась она на его землистом, остреньком личике всегда странно и неожиданно. В конце концов мы поняли этого человека, привыкли к нему. Характер у него был очень тяжелый, но химии благодаря ему мы знали блестяще, что впоследствии во многом определило мои успехи по службе. Что же касается тех, «галерочников», то их он с середины семестра вообще освобождал от посещения его лекций: дескать, можете сдавать предмет кому хотите. И они преспокойно сдавали другим безо всяких мучений. Мы прозвали его «КСН» — цианистым калием. Он, видимо, прослышал об этом и как-то на лекции вдруг усмехнулся и сказал: «Между прочим, яд в малых дозах — лекарство, хорошее лекарство. Да, да». Вот этого человека я и вспомнил тогда — «Лекция, между прочим, состоит всего из девяти минут!» — и засмеялся. Я рассказал о нем Мерции, и она с полчаса не могла успокоиться, так смеялась (она вообще была очень смешливая).

До самого последнего времени я, видимо, тоже не интересовал Судьбу, и жизнь моя протекала спокойно и неторопливо. А может, Судьба все это время кружила вокруг меня, постепенно суживая круг? Не знаю. Во всяком случае, теперь было ясно: Судьба, наконец, взялась за меня, и взялась основательно.

Одновременно со всеми этими мыслями душу мне

терзало одно сомнение, даже не сомнение, а предположение: если теперь я отвернулся от всего мира и мне не нужен никто, кроме Мерции, — то это лишь потому, что она умерла, ее уже нет, она стала недостижимой. А если бы она была жива и здорова, я бы, наверно, больше считался с остальным миром и в конце концов пожертвовал бы именно ею, как чем-то незаконным, опасным и лишним... После смерти Мерции меня охватило непреодолимое раздражение и отвращение по отношению к жене. А если бы умерла жена... Наверно, не в такой степени, но все равно я обвинил бы во всем Мерцию, и раздражение мое было бы теперь направлено на нее... А может, все происходит так, как должно происходить? Я совершенно запутался во всех этих мыслях. «Господи, помоги мне!» — вслух, громко вскричал я. Я уже не понимал, кто я, где я, что со мной происходит... Но почему со мной обращались так ласково в царстве сна? Неужели мне просто снилось то, чего так хотелось наяву? А иногда и то, чего не хотелось. Неужели мне все время приходилось иметь дело лишь с собственными желаниями, а не с действительностью?

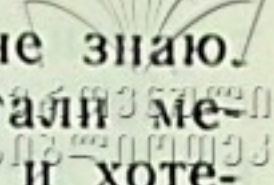
Мы с отцом укрепили покосившуюся изгородь и теперь сидели вдвоем на старых ступенях нашего дома и тихо беседовали, греясь на теплом осеннем солнце, цену которому, наверно, больше других знают перенесшие тяжелую болезнь старики да очень усталые люди. Нас обдувал теплый прозрачный ветерок. Стояла удивительная тишина, в нее вплеталось какое-то отдаленное, едва различимое жужжание. Село медленно погружалось в желтизну и сонную истому. Иногда на дерево рядом с нами опускалась какая-нибудь птичка и что-то свистела нам.

Сходили на кладбище, на могилу матери. Очистили ее от сорняков и молча просидели там весь вечер.

— Что с тобой случилось, сынок? — тихо, как бы разговаривая сам с собой, спросил отец.

— Ничего, отец, — ответил я и легонько хлопнул его по колену.

Эх, Мерци! Только в детстве, когда меня хвалила мать, да вот еще когда встретился с тобой, хотелось мне быть стоящим человеком. Все остальное время или

не хотелось или было все равно. Почему — не знаю. Может потому, что вы обе действительно считали меня хорошим, и я верил вам. Может, поэтому и хотелось мне быть всем для тебя? Предлагать тебе часть или половину я не хотел, а дать все не мог.. Как все, оказывается, просто: для всего нужны радость, желание, а человек может утратить их во всем.. Я был безразличен ко всем, никем серьезно не интересовался. жил как бы вне собственного сердца, но в то же время чувствовал, что могу быть и сердечным, если мне этого захочется...

Вернувшись домой, я попросил дочь переселиться в спальню, к матери, а сам занял ее комнату. Вскоре Дали уехала на практику..

Как-то зашел я на кухню рано утром. Жена сидела за кухонным столом и гладила. На углу стола дребезжала наполненная окурками пепельница, иногда пепел падал и на белье. Глаза у жены были припухшие, на висках неприятно белели отросшие седые волосы.. Она подняла на меня глаза и жалобно улыбнулась:

— Всю ночь кошмары снились.. Чуть не умерла от страха.. Уж сколько лет снятся только ужасные сны.. Приснилось, будто гонятся за мной какие-то волосатые люди с высунутыми языками.. Вошла к тебе, но ты спал, и лицо у тебя было такое счастливое, что я не стала тебя будить.. Наверно, снилось что-то хорошее..

Я подошел и погладил ее по голове. Ее сновидения были еще ужаснее ее жизни.

Р. С.

Я продолжал явственно ощущать ее странное присутствие, особенно по вечерам.

А между тем мозг по-прежнему сверлил все тот же вопрос: знала она или нет? Если знала, что больна и что жить ей осталось недолго, почему ни разу не сделала даже попытки удержать меня? Почему не позвала меня? Я ведь в глубине души ждал именно этого, чтоб она сама пришла ко мне, потому что тогда, по моему разумению, я был бы избавлен от ответственности — у меня был бы наготове ответ: «Не я ведь к тебе пришел...» Вообще в то время я думал о себе безо всякого снисхождения.

Наступило двадцать девятое сентября. День мое-

го рождения. Я был на работе, в своем отделе. Меня позвал Элгуджа: женщина, мол, тебя какая-то спрашивает. Я вышел в коридор. Молодая строгая женщина в очках стремительно подошла ко мне. Не поздоровавшись, сунула мне в руки какой-то завернутый в бумагу четырехугольный предмет и буркнула:

— Это вам от Мерции.

Я чуть там же на месте не сошел с ума. Видимо, выражение моего лица заставило ее добавить:

— В больнице, за три дня до смерти, она передала мне эту картину и просила вручить ее вам двадцать девятого сентября. — Повернулась и пошла.

Я очнулся и бросился за ней. Через пятнадцать минут мы уже сидели в парке на скамейке. Это оказалась та самая подруга, которая была с ней в больнице до конца.

— Она знала?

— Знала. Ни о чем не спрашивала врачей. Со мной тоже не говорила о своей болезни. По-моему, она еще с прошлого года знала. С тех пор, как легла в больницу, ни разу больше не упоминала о будущем.

— Боже мой, почему же я ничего не знал!

— Откуда же вам было знать? Не могла же она вам сказать: я скоро умру, не оставляй меня одну! — Она почти с ненавистью взглянула на меня.

— Тогда, на улице, она ждала меня?

— Да, вас. После той встречи она все время, всюду, постоянно ждала вас... А на третий день после вашей встречи легла в больницу. И там тоже продолжала ждать. Все время смотрела на дверь.

— Но я ведь не знал..

— О чем вы говорите! Думаете, такое ожидание управляется логикой? Думаете, ждут только тех, чей приход возможен? Видно, вам никогда не доводилось никого по-настоящему ждать... иначе вы бы понимали... что сильнее всего ждут именно тогда, когда приход невозможен... Тем более, когда человек умирает... Это уже даже не ожидание, а страстное желание... К тому же ваш приход вовсе не был таким уж невозможным. Могли ведь вы хоть раз спросить о ней. Хотя бы у Иды.. Я повсюду разыскивала вас... Как поняла, что дела плохи, стала звонить на работу и домой, была

даже у этой вашей родственницы... Тайком от нее, конечно... Но вас нигде не было.. Она не хотела жить... не могла... Она так и сказала: без него все равно не смогу... Если не принимать во внимание это нежелание, эту невозможность, то вы имеете право сказать, что смерть ее была неизбежна.. В противном случае я вам это запрещаю. Слышите? Да, да, я вам это запрещаю. Вы привыкли все сваливать на «объективные причины»! И прошу не считать меня ни сумасшедшей, ни излишне сентиментальной! Я вовсе не имею в виду, что вы должны были бросить семью ради Мерци... Я... не знаю... я сама не знаю, как нужно жить, что правильно, что неправильно.. Но вы должны были почувствовать, что дни ее сочтены! Неужели, увидев ее тогда, на улице, вы ничего не заметили? Но ведь это невероятно! Неужели нельзя было расстаться с человеком так, чтоб не убит в нем желание жить? Вы ведь не спали тогда... в башне, когда она уходила. У нее и это вырвалось. Я ненавижу вас. И никогда вам этого не прощу! Но это я, я. Она же на вас не сердилась. Не могла она на вас сердиться. Во всяком случае, я этого ни разу не почувствовала.. Очень гордая она была.. Иначе предприняла бы что-нибудь, чтоб еще немного побыть с вами. Как вспомню ее глаза, Господи, в последние дни от нее только и осталось, что эти глаза, постоянно прикованные к двери: и каждый раз, когда эта дверь открывалась, я чувствовала, что сердце у нее так и обрывалось... «Я что-то хотела ему сказать, — не раз повторяла она, — что-то хотела сказать». «Встанешь и скажешь», — говорила я. А она улыбается и ничего не говорит. Хотелось ей что-то сказать, очень хотелось.. так и не сказала... А в последнюю минуту, когда все уже вышли из комнаты, обняла я ее в последний раз и в самое ухо крикнула: «Не бойся, Мерци, ты идешь к свету!»

Мороз пробежал у меня по коже. Говорила она истерически возбужденным, то и дело обрывающимся голосом. И плакала. Сняла очки, протерла их носовым платком и сказала:

— Никогда вам этого не прощу! Взгляните на эту картину! Между прочим, вы наверняка не знаете, да, наверное, вам это и не интересно, а она была талантливой художницей!

Меня ожидало еще одно потрясение: на картине была изображена гора. По склону ее спускалась вниз тропинка. Наверху виднелись какие-то руины. А на тропинке — женщина в розовом платье, с кувшином в руке. Внизу — река. Но все это было подернуто мягкой молочно-белой дымкой, нигде не видно было никаких линий и непонятно было, чем именно создавалось изображение. Приглушенные, матовые тона плавно переходили друг в друга, каждый цвет состоял из нескольких приглушенных полутонов, нигде не было ни одного локально-чистого цвета. Где-то на склоне тускло светился бледный горный мак. Все было совсем как в моем сне.

— Что она хотела сказать? — спросил я несчастным голосом.

— Не знаю! — почти крикнула подруга Мерции и собралась уходить.

Я обеими руками схватил ее за руку.

— Вы не думайте... Я любил ее... Я люблю ее... Если вы сможете, если когда-нибудь перестанете меня ненавидеть... Умоляю вас, будем друзьями...

— Может быть, если перестану... — Это получилось у нее как-то по-детски высокомерно, и мы оба невольно улыбнулись.

— Она говорила... глаза у вас очень печальные. Мол, когда он улыбается, лоб у него морщится и печаль в глазах не исчезает. Обожала вашу улыбку. Вы и в самом деле так улыбаетесь. До свидания.

Сделала несколько шагов. Снова обернулась и произнесла дрожащим голосом:

— Одна лишь Мерция любила меня. Все остальные считают сентиментальной и сварливой старой де-вой. Она и жила у меня.

— Где?

Помолчала. Поколебалась. Потом сказала:

— Не там, куда вы ее тогда отвезли... Она вас обманула... Хотела подольше побыть с вами... — опять помолчала, потом назвала свой адрес.

— Это для вас Мерция искала тогда ту книгу?

Молча кивнула. Потом безжалостно и резко сказала:

— Ненавижу жизнь, в которой лишней оказывается Мерция.

«Я тоже», — молча согласился с ней я.

Она ушла.

«Что же она хотела сказать. Господи, что хотела сказать?»

«Не знала». Я упрямо цеплялся за эту мысль. Не мог допустить, что она все знала и никак не дала мне это почувствовать. Эта мысль меня убивала. Аргументы ее подружки я счел неубедительными. Однажды всплыла в голове одна мысль. Она и прежде проступала несколько раз, но не превращалась в решение. А в тот день я бросился к телефону и стал звонить товарищу на киностудию. Настоящей причины я, конечно, не назвал, а просто наплел что-то. Знаю, говорит, фильм этот снимался нашим отделом, уточню и перезвоню тебе. Три дня спустя я уже был в киностудии.

— Учти, — говорит мой товарищ, — фильм еще не смонтирован. Тебя что интересует, только Шатели?

— Да, в основном, — отвечаю я то ли вслух, то ли про себя.

Свет погас. И показалась Шатели. Вдалеке. У меня сжалось сердце. Потом вблизи. Я затаил дыхание, ждал того места. Вот оно! Мы с Мерцией. Мне стало дурно. Она смеется и смотрит прямо в лицо мне — зрителю. А на экране стоит рядом со мной. Кругом люди. Заметил кое-кого из наших. Мелькнула в толпе Агато. С улыбкой глянула в нашу сторону и отвернулась. Тогда я ее не заметил. Потом появилась река, мост. Кони. А вот и то место, где я оставил Мерцию и ушел. Этот усатый оператор, видно, еще раз снял ее. Сидит на камне с изменившимся лицом, устремив куда-то напряженный взгляд, видно, не подозревая, что ее снимают. Такого взгляда я у нее ни разу, ни разу не видел. Лоб нахмурен, а глаза такие печальные, такие скорбные. Боже мой, сколько в них отчаяния! Так можно смотреть лишь на что-то свое, родное, самое для тебя дорогое, но навсегда потерянное, недостижимое, невозможное, запретное. Объектив медленно следует за ее взором и упирается мне в спину. Да, это я. Она смотрит на меня. А я ухожу. С одной стороны появляется Ида, с другой — та, голубоглазая, уже не припомню имени, я на мгновение останавливаюсь в нерешительности и иду прямо. Элгуджа хлопает по плечу Бондо,

кивком указывает на меня, и они направляются ко мне... Вот, значит, как она на меня смотрела, когда я не мог этого видеть. Снова тропинка, ведущая к башням. Крапива, крапива, крапива. Каменная стена. Крупным планом. Булыжник. Розовый мак у основания стены. Окно в стене. Небо.

— Все? Больше не хочешь? Сейчас будут Анатолийские склепы. Потом Муцо. Знаешь, какие там кадры! Тебя интересовала только Шатели? Ты спешишь? Приходи, когда мы все смонтируем. Тут много лишнего. Вырежем.

«Знала, знала, знала!» — звенело у меня в голове. Точно! Знала и прощалась с тобой. С первой же минуты. Каждую минуту. В конце концов, какое это имеет значение, знала ли она точно. Ведь чувствовала же! Теперь уже абсолютно ясно, что она все чувствовала. А это разве не знание? А может, и ты тоже чувствовал? Может, и тебе сердце что-то подсказывало? Нет! А ну-ка подумай хорошенько! Неужели ни разу не мелькнула мысль, что такой взрыв страсти очень притягателен для смерти? Он словно призывает ее. А может, сам является предчувствием ее? Предчувствием того, что осталось мало времени? Почему же ты прочел ей тогда, в башне, то стихотворение? Помнишь? «Проснись, слышишь, проснись...» Ну-ка вспомни, о чем ты думал, когда читал то стихотворение? О чем? Помнишь, как ты сразу же поверил, когда Ида сказала тебе, что она умерла? Да, на тебя словно обрушилось небо. Но удивился ли ты? Кажется, нет. Может, тебе даже немного хотелось этого, так что ты сам об этом и не подозревал? Разве можно до чего-нибудь докопаться в человеческой душе, этом темном омуте? О боже, это уже чересчур! Просто я слишком много об этом думаю. Но ведь прежде ты не умел ничего додумывать до конца? И сколько всего ты еще не знаешь, если б ты знал. Ты не понимаешь и того, что ведешь борьбу с мертвой. Несмотря на все. Несмотря на то, что любишь ее. А возможно, именно поэтому. Ну, зачем тебе, например, была нужна уверенность в том, что она не знала о своей болезни? Трудно было смириться с мыслью, что она могла одна столько вынести? Знала — и не стала тебя искать, не позвала тебя? А ты-то был уверен, что она

без тебя не сможет, не выдержит, разыщет тебя где бы ты ни был... Вот и не выдержала...

...Значит, твое сердце ничего не чувствовало? Нет. Нет. Как оно могло чувствовать! Если бы я почувствовал, если бы допустил хоть на секунду... Что бы ты сделал? Возможно, совсем сбежал бы куда глаза глядят, милый ты мой... Ты ведь всю жизнь избегал умирающих и вообще всяких тяжелых впечатлений. А она боялась... Помнишь? «Раньше я не боялась смерти, а теперь боюсь. Особенно по ночам». Где же ты был в ту ночь, несчастный, кого согревал! Ты обнимал жену, но давал ли ты и ей что-либо, кроме холода? Хватит. Это неправда. Я не допускал и мысли о ее смерти. Ладно. Ладно. Как, как мог я этого хотеть. Пусть будет так. И все же...

Зашел домой. Отыскал ту книгу, пошел на почту и отправил ее подруге Мерции, туда, в тот дом, где, наверно, находились ее картины, где были ее книги, ее вещи, ее платья. Этот дом был у меня еще впереди. Рано или поздно я войду в него. Только не сейчас. Сейчас я пока еще не в силах...

Ночью долго не мог заснуть. Заснул — и снова вижу ее. Плачет: «Они говорят, ты все равно мертвая, зачем тебе вода, и не дают мне наполнить кувшин». Потом садится на камень и поет: «А-аа-аа-а». — «Кого ты баюкаешь, Мерция?» — «Вот». На руке у нее лежит маленький, с ладошку, мальчик в чохе с красными крестиками и с маковыми тычинками вместо ресниц: «Это же наш Лазарь». «Ах, а я совсем забыл», — огорчился я. Вглядываюсь в личико — а оно у него совсем желтое. «Наш сын», — говорю я и легонько касаюсь пальцем его животика. «Господи, какой он твердый... и крошится...» Тельце разламывается на куски, лицо и ручки рассыпаются. Он оказывается глиняным. Мерция плачет: «Они в него камни кидали». Земля уходит у нас из-под ног. Кругом вода, похожая на голубое молоко, вода. Я купаю Мерцию, Лазарь куда-то исчез... растворился в воде... Снова поле... Накупавшись, садимся в траву. Играем в камушки. Мерция подбрасывает камушки вверх — и они вдруг опускаются ей на спину и застывают. «Малая Медведица!» — кричим мы оба. «Во-он там», — Мерция указывает рукой на небо. По небу плывет маленькое белое облачко. С боль-

шими детскими глазами. «А они-то думали...» На этот раз я спрашиваю: «А кто это они, Мерци?» «Амбры, Умбры и Арабы» — «эр-ы» так и раскатились, а у меня от ужаса мороз пробежал по коже. Но тут где-то вдалеке слышался звон бубенцов, наполнивший вскоре все поле: оно оказалось полно детей. Все они смеются словам Мерци, покатываются со смеху. Громче всех смеется Эленэ. Сверкают бесчисленные белые зубки. Они смеются, а меня бьет озноб. Потом страх проходит. Я просыпаюсь. От сна осталось в душе какое-то радостное ощущение, вроде клочка от облачка. Все это действительно приснилось мне или же я просто странно задумался? Почему стало легче на сердце? Почему так милостиво обращаются со мной в стране сна? И что это за страна такая, начинающаяся за закрытыми веками, в которой проводим мы треть нашей жизни? Неужели я не такой уж никчемный человек? Неужели своими беспощадными размышлениями заслужил я слезы и облегчение? Может, когда страдание доходит до предела, достигает самого дна сердца, и мучительная мысль выплескивается, полностью расходуется на предмет страдания, — тогда и наступает облегчение? Неужели в самом деле существует где-то могучий свет, который наказывает нас, жжет, жжет — но все же щадит нас, только мы сами не всегда чувствуем это.

Потом мне в голову приходит какая-то бессмыслица, кажущаяся в ту минуту очень точной мыслью: «Боже, как же прекрасна была бы жизнь, не будь она так ужасна».

Потом я продолжаю думать с глубокой и уже спокойной болью, печально свыкнувшийся с невозможностью ответа: «Что же ты хотела сказать, что?»...

Перевод Людмилы КРАВЧЕНКО

От редакции: Переводы рассказов И. Эвдошвили (№ 6, 1993 г.) выполнены А. Перин.

Капля

О капля дождя,
от земли ты возносишься к Богу,
чтобы снова повиснуть
на ветке зеленой
в лесу, затаенном у горного склона,
откуда к простору петляет дорога...
И я бы хотел,
чтобы мой дух,
тело мое покидая, стремился
к лазури небес
и вновь опустился
слезинкою чистой на лиственный пух.

* * *

Об этом писалось сто тысяч раз!
Казалось: исчерпан словарный запас.
Но если ты любишь,
наполняешься солнцем,
готовый дерзать, творить и бороться.
Любовь — как Судьба.
Всегда лишь твоя —
чужая тебя не коснется.

Абхазская война

Спросят:
в чем причина войны,
но никто не ответит.
Вопрошая себя, сокрушаются все,
а время уходит на поиск вины...
И слезы, и кровь, и руины везде —
всех пострадавших не счесть!..
А есть ли победители?
— Нет.
А побежденные?
— Есть,
и эти и те —
все.

Перевод Г. ОРАГВЕЛИДЗЕ

ПИЛИГРИМ И РОЗА

Издалека и далеко шел пилигрим — белобородый мудрец. Изнуренный долгими скитаниями, он был худ и смугл от жгучих объятий солнечных лучей. Нес он один узелок и ничего больше. В узелке были скудная еда и высохший черенок красной розы, заветный ему покойной матерью. Он и сам не знал, почему мать подарила ему на память этот черенок. Неужто не нашлось у нее чего-либо более ценного?

Эта мысль не раз приходила ему в голову, но оставалась безответной. И так как материнский завет дороже всего, он свято хранил черенок. А в ушах всегда звучали материнские слова: «Сынок, будь то черенок или зерно — они живые, потому они лучше крупички золота или осколка драгоценного камня.

Шел старик, палимый зноем, пыль и пот покрывали его лицо.

Дорога была неровная, изобилующая рытвинами и ухабами. Она вилась по крутым склонам гор и ущельям, выбегала на равнины, лишенные тени, то поднимала его к поднебесью, то опускала книзу.

Он уже преодолел несколько горных перевалов, миновал множество крепостей, замков, храмов; выходил на перекрестья дорог, пил воды холодных и теплых источников, но нигде не останавливался подолгу, как бы ни согревали его сердце добрые люди. Солнце и луна сопутствовали ему попеременно, и казалось, дорога его не имеет конца.

Но у одного из перевалов она как бы прервалась, уткнувшись в высокую стену с массивными бронзовыми воротами. Старец долго стучал в ворота, но никто не отзывался и не открывал ему. Тогда он решил сам отпереть эти ворота. После долгих стараний он обнаружил щель, просунул в нее руку и, нащупав

большую задвижку, с трудом отодвинул ее, распахнул ворота, вошел и снова закрыл их за собой.

О Боже! Глазам его открылся цветущий сад, в глубине которого стоял великолепный храм с высоким куполом. Окрест никого не было видно. Он обошел весь сад, заглянул в храм, но и храм оказался пуст. Он спустился в овражек, где журчал прозрачный ручей. Стряхнув с одежды пыль, он приблизился к ручью. Умывшись и испив холодной водицы, перевел дух и, усевшись на зеленую травку, погрузился в размышления.

«Что это за сад? Кто так тщательно и заботливо ухаживает за ним? Кто его хозяин? Добрый он человек или злой? Однако добру обычно сопутствует зло, и не бывает розы без шипов...»

А тем временем солнце склонилось к западу и, собирая закатные лучи, готовилось скрыться за высокие горы.

Пилигрим растянулся на траве, с наслаждением вдыхая ее свежий аромат. Меж тем светило угасло и, как всегда в горах, быстро сгустились сумерки.

И вдруг видит пилигрим, что в сад входит престарелая женщина с ярко горящим факелом в руках. Она подняла факел над головой, озаряя весь сад, и принялась обходить виноградные лозы, заботливо поправляя подпорки и осматривая тяжелые гроздья. Потом она спустилась в овражек и подошла к старику. Тот непроизвольно пал перед ней на колени и спросил:

— О почтенная, скажи мне, кто ты?! Солнце или луна или иное светило?

— Я простая поселянка, одна из тех, кто пашет, сеет и жнет, кто своим потом увлажняет землю, из тех, кто счастье обретает в труде.

— Рад услышать это, — сказал пилигрим, — но скажи, как ты оказалась в этом безлюдном саду?

— Я владелица этого сада. Это мой отчий дом, мой родной очаг.

— Это поистине райский сад! Я очарован его красотой!

— Здесь я выросла, здесь я прожила долгие годы, вкусила сладость и горечь веков, видела то, что не видел никто и никогда.

— Но что так украшает этот сад, что делает его столь неповторимо прекрасным?

— Дух наших отцов, твоей и моей матери, которые покоятся вон там, перед алтарем храма Шота...

— Откуда ведомо тебе мое имя? И то, что моя мать покоится перед алтарем этого храма?..

— Этот храм — твоя родина, Шота, но ты ее покинул и забыл! — проговорила женщина, не отвечая на вопрос.

— Неправда это! — воскликнул старик. — Я скитаюсь по миру, ищу зрачок моих очей, солнце моей жизни, мою родину! Ищу, но не могу найти... а ты упрекаешь меня!

— Я не упрекаю, однако говорят: «рыба в море, но сна не видит моря». Так и ты. Разве ищут найденное?

— Я не понимаю тебя... Но скажи, почему ты одна в этом роскошном саду, неужели тебе судьбой назначено разделить участь Ахикара?¹

— О нет! Господь не обидел меня, наоборот, милостива была его щедрость. Я имела и дочерей и сыновей, чьи имена прославились на весь мир, но враг, Шота, коварный, кровавый враг...

— Увы... Я читаю в твоих глазах материнскую заботу и боль. Волосы твои седы, и лицо изборождено морщинами. Печать великой скорби на лице твоём, но и печать мудрости и счастья минувших времен... Прости мои слова, я простой пилигрим, грешный и ничтожный, как и все существа мира.

— Мне не за что прощать тебя. Но я должна кое-что показать тебе, и пусть твои глаза послужат тебе так, как мудрость моя мне, поэтому прошу, закрой глаза на одну лишь минуту. Тогда мы лучше поймем друг друга.

Старик закрыл глаза, и вмиг перед ним открылась дивная картина: могучие горы, прохладные ущелья со звонкими речушками и водопадами, луга и поля, покрытые как бы зеленым бархатом, зрелые нивы, отягченные урожаем... У подножия гор и по склонам их

¹ Ахикар премудрый (писец и советник Сенахериба, царя Ассирии и Ниневии, жил в VII в. до н. э.) не имел детей, из-за чего на старости лет очень страдал.

— живописные села и деревни, утопающие во фруктовых садах и виноградниках. Там веселятся и резвятся дети: бегают, хохочут, качаются на качелях, играют в разные игры...

А на вершинах гор видны красивые крепости либо замки со сказочными башнями.

В голубое небо устремляются купола храмов и церквей.

А вот цветущие долины и равнины со стремительными реками. Вода в них чиста и сверкает в солнечных лучах. И наконец — море со спокойными заливами и жизнерадостными городами по берегам. Мирты и лавры, цитрусовые деревья, магнолии и олеандры источают пьянящий аромат, прихотливо вьются по деревьям лианы, в густой зелени рощ и лесов — чарующее благоухание и щебет птиц.

А где-то в садах звучат веселые голоса пирующих, и там музыка, там песни и пляски, и палаваны соревнуются друг с другом в силе и ловкости...

Он внезапно открыл глаза, словно его кто-то одернул.

— Ну, нравится тебе? — спросила старуха.

— Чудесно, лучше быть не может, только жаль, что так быстро кончилось...

— Раз так, закрой глаза еще раз!

Старик проворно закрыл глаза в надежде вновь увидеть эти прекрасные картины, но увы, теперь перед ним грозно бушевало море. Вдали на горизонте сгущались черные тучи. Вдруг сверкнула молния, прогремел гром. Разразилась страшная буря. Ураганный ветер закручивал воду в огромные смерчи, поднимая их до небес, и оттуда, с высоты, громады воды обрушивались вниз, размывая и съедая берега, поглощая прибрежные города и села со всеми живыми существами.

И наподобие тех разрушительных волн, из-за горизонта поднимаются черные орды и полчища темнолицых людей в длинных кафтанах и с чалмами на головах. Они вооружены луками, стрелами, щитами и копьями, и они налетают, как саранча на цветущую ниву. Наносят удар за ударом на уцелевшие от бури города и села, безжалостно разрушают и сжигают все, что создано человеческими руками, беспощадно

убивают людей. Оставшихся в живых стариков, женщин и детей забирают в плен. Несчастных бьют кнутами и гонят вдаль, за высокие горы, неведомо куда... Как жалостен плач детей! От их плача и очнулся наш старик, потрясенный виденным.

— А! Открыл глаза? — спросила старуха. — Ну что скажешь?

— Горе, какое горе! Я не хотел видеть такую страшную картину... Но я уверен — несправедливость не укроется, злу придет конец!

— А ну, закрой глаза еще раз!

Старик покорно закрыл глаза, но то, что он увидел на этот раз, было еще страшнее прежнего.

Разрушенные, сожженные дотла города и села. Обобранные и обращены в пепелище поля, виноградные сады. Угрюмо, безмолвно и безлюдно кругом... Тут и там еще тлеют развалины. Дым медленно поднимается ввысь, застилая горизонт. Траур раскрыл над страной свои черные крылья. Солнце светит тускло и безрадостно...

— Ты спишь? Подними голову! — услышал пилигрим голос старухи.

Он открыл глаза и посмотрел на лицо старухи. Оно было бледным и строгим. Только глаза горели как небесные звезды.

— Теперь ты понял? Мой милый Шота, мать, которая увидела столь ужасные несчастья своих детей, конечно, будет похожа на меня, а ты толкуешь про мою мудрость? Ты все еще подвластен духу той беспечной жизни тавадов, которые проводили дни в пиршествах и весельях, в пышности замков и дворцов, где ты читал свои творения... Увы, минули те времена, ушли и те люди, и слава, и величие — все осталось позади.

Теперь погляди на этот сад — на эти лозы, на эти деревья, которые так буйно зеленеют. Они являются плодами тысяч рук наших отцов и матерей и моих вот этих измученных рук. Их надо охранять от уничтожения, спасти от варваров. Вот в чем мудрость, вот где необходима сила любви! Теперь ты понял?!

— Да, понял! Но что же будет дальше?

— Еще разочек закрой глаза.

Старик со страхом закрыл глаза. Но — о радость!

— он видит перед собой панораму цветущей страны: высокие горы и цветущие долины, отары овец и стада упитанных коров. Села и деревни утопают в сочной зелени виноградников и фруктовых садов.

Вот и море, и гавань, где множество кораблей, на берегу снуют туда и сюда люди, а в глубине виднеются плантации цитрусовых деревьев и чайных кустов.

Видит старик и прекрасные города с изящными дворцами, многоэтажными белыми зданиями, сады, парки, словно знаменитые сады Семирамиды, пленяют взор своей изумительной красотой. Аллеи на вершинах гор, вокруг древних крепостей, замков и храмов, манят к прогулкам. Вот и подвесные дороги, и космодромы, с которых люди летают к Луне, к другим планетам и обратно.

Старик наслаждался видением и хотел смотреть еще и еще. Но тут старуха повелела ему:

— Открой глаза, они устали глядеть.

— О, чудеса из чудес! Скажи, что это за сновидение? — промолвил старик.

— Это не сновидение, Шота, это наше будущее, будущее вот этого сада. Но, к сожалению, тебе не суждено его увидеть!

— Как печально! Почему же не суждено мне увидеть эту красоту?

— Ты пилигрим, скиталец во времени и пространстве, ты пришел и уйдешь, не останешься здесь, не вкусишь нектар этого сада!

— Я останусь, если ты разрешишь, и стану прахом твоих ног!

— Нет, все давно предрешено! Время мудро и нам не подвластно. Завтра ты уйдешь неведомо куда и в свой час угаснешь на чужбине, и никто из соотечественников даже не узнает где ты похоронен.

— Неужели мир так немилосерден?!

— Да, мой сын, мой Шота! Завтра, завтра же, на заре покинешь ты ворота моего сада. Но прошу тебя исполнить одно мое желание. Это будет твой благодарный дар родине.

— О Боже, моей родине?! — воскликнул старик.

— Да, Шота, твоей и моей.

— Говори, и я непременно исполню твоё желание!

— Перед уходом, прошу, в уголке моего сада посади на память что-нибудь — семя или черенок. А теперь прими мое благословение и будь счастлив!

Она исчезла. Пилигрим огляделся вокруг.

Была полночь. Огромные яркие звезды мерцали в далеких небесах. Луна плыла на крыльях зефира и ласкала звезды своими поцелуями.

Старик был в глубоком недоумении. Сон ли это снился или видение было ему?

Из всего, что он видел — во сне или наяву? — из всего, что слышал, самым явственным были для него слова старухи. ее просьба: посадить какое-нибудь растение.

Он не мог не выполнить эту просьбу, — ведь он дал слово.

Но откуда достать семя, зерно или черенок? Ведь у него ничего нет при себе, да и вокруг... И тут он вспомнил: ведь в узелке у него сухой, засохший черенок, что дала ему мать. Конечно! Именно этот черенок красной розы он посадит там, в саду, на память...

Так он и сделал.

На заре, с первыми лучами света, он выкопал ямку близ ручья, посадил черенок и сказал:

«Пусть растет тут красная роза во славу этого сада.

Пусть ее божественный аромат распространится повсюду.

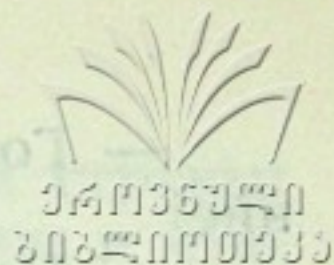
Пусть люди нового поколения, заходя в этот сад, пьют воду из ручья и наслаждаются ароматом красной розы.

Пусть соловей всегда поет свою песнь на ее ветках».

Исполнив просьбу старухи, пилигрим с легким сердцем вышел из сада, закрыл за собой ворота и ушел своей дорогой... А куда вела эта дорога, к сожалению, до сих пор никто толком не знает. Она так и осталась загадочной и таинственной. Но красная роза, посаженная его руками, до сих пор жива и свежа, она пуще расцвела, а люди бережно хранят ее по сей день.

Перевод Камиллы КОРИНТЭЛИ

Скорбь

Осквернена,
Разорена,
Ты, Тиаро¹,
Моя страна,
Моя несчастная
Страна!
В ущельях,
Меж горных хребтов,
Где пенятся
Мутные воды
Евфрата, и Заба,
И Тигра,
Я вижу тебя,
Тиаро!
Печальна
Улыбка твоя.
Забыла ты
Воздух свободы,
И выжжено
Скорби и гнета
На лбу твоём чистом
Тавро.
Свирепые стаи
Волков
Долины твои
Растоптали,
Упившись
Горячею кровью,
В пустыню тебя
Обратив,
Прервалось
Дыханье твое.
В верховьях,
Где воды играли
Под небом твоим,
Тиаро,
О дивное диво

¹ Тиаро или Тиари — страна горцев-ассирийцев в верховьях Тигра и Заба. Была уничтожена турками в 1914 году.

Из див!
Где танцы
Пастушек,
Где их
Раздолье в лугах
Изумрудных?
Где свадебные
Хороводы?
Царит разоренье
Кругом...
Где замки
Седой старины?
Ни храмов,
Ни сел многолюдных...
Разрушены
Крепости все
Коварным,
Жестоким врагом.
Одна хоть живая
душа
Осталась ли
В юртах убогих?
В пещерах,
В теснинах, в горах
Затеplit ли кто-то
Огонь?
Иль путнику
Дверь отопрет,
Уставшему
С дальней дороги?
Найдет ли
Хоть сено в яслях
Измученный
Странствием конь?
Олени
Ушли из лесов,
И птицы
Покинули рощи.
По нивам
Лишь ветер один
Гуляет
И ночью, и днем,
И тяжких стенаний

В душе
Навечно
Впечатался росчерк,
Безмерная
Царствует скорбь
В израненном
Сердце моем.
Под парусом,
Мрака черней
Укрыла ты
Лик свой
Невинный.
Я праведным
Гневом пылаю,
Возмездия
Жаждой горю.
Нет,
Гордый не сломлен
Народ,
И меч мой
Наточен
Старинный.
Я верю,
Что снесла тебе
Свободу
Навек
Подарю.

ИЗ ЦИКЛА «СМОТРИ ЗОРЧЕ»

* * *

Жемчужина в короне праматери-земли,
О, человек, порыву ты светлому внемли,
Будь щедрым, прозорливым, великодушным будь,
Ведь в этом смысл творенья и в этом жизни суть.

* * *

Не скупись ты на улыбку, знай, что это—факел
счастья.
Он блеснет тебе отрадой в дни осеннего ненастья.

* * *

Лесок в лощине ветер обнимает.
Мелодии Вселенской Бог внимает.

Перевод Владимира САРИШВИЛИ

МОДЕЛЬЕРЫ

ОПТИМИСТИЧЕСКАЯ АНТИУТОПИЯ

Хронограмма-1. ПРЕСТУПЛЕНИЕ ОМИКРОНА-3113М

Свобода не легка, как думают ее враги, клеветящие на нее...

Н. Бердяев. Самопознание.

ВНУТРЕННИЙ ГОЛОС, СУРОВЫЙ СУДЬЯ

Омикрон-3113М, двадцатилетний гражданин Формации абсолютной гармонии, Бог весть когда основанной землянами на далекой планете Фаг, совершил преступление. Трудно поверить, но страшный смысл случившегося дошел до него только к вечеру следующего дня. А уж потом началось...

Сначала, подсознательно избегая прямого разговора с собой, он охарактеризовал содеянное как некий «вызов обществу». Чуть-чуть подумав, добавил эпитет «дерзкий». Соблаговолил усилить словом «беспрецедентно»... Втайне склонный к изящным словосочетаниям, придирчиво оценил: «Беспрецедентно дерзкий вызов обществу». А что, неплохо звучит... Наконец осознал кощунственность подобных литературных упражнений перед лицом свершившегося вопиющего факта, мысленно ахнул: «Что ж это такое я натворил?! Формация-то наша великая представляет собою совершеннейшее в истории социально-политическое и экономико-идеологическое образование... Возьмем, к примеру, будничное, чего мы по привычке уже и не замечаем, — на каждом шагу проявляющуюся гармоничность абсолютно всего. Как благородно идентичны

Журнальный вариант.

наиболее распространенные у нас понятия: гордая аббревиатура «ФАГ», отражающая сущность нашей системы, — и название планеты «Фаг»; мужественное «фаг», то есть «гражданин», — и нежное «фага», «гражданка»... — Утратив нить рассуждений, растерянно спросил себя: «И зачем я в минуту, столь роковую, переживаю эти, в сущности, трюизмы?..» Внутренний голос вразумляюще ответил: «А затем, горе ты мое, что в этих «трюизмах» (не можешь, да, без иностранных словечек?), как космос в песчинке, воплощены органическое единство и полнейшая гармоничность всех без исключения сторон светлой фаговской действительности... Нарушить один-единственный принцип Морального кодекса гражданина ФАГ значит восстать против МК в целом! Ты — преступник..»

В этот миг Омикрона-3113М довольно бесцеремонно подтолкнули в спину — снизу, поскольку лежал: это диван превратился в жесткое кресло с высокой прямой спинкой. «Да что они — сговорились?!» — озлился он. Слабо усмехнулся нелепой мысли, упрекнул себя: «Не о том опять думаю...» Всполошенно взглянул на часы. Универсальное кибернетическое кресло-диван складывалось самопроизвольно в двух случаях — напоминая, что приближается время ежевечерней исповеди и если пролежать без сна дольше пяти минут. Сделалось мучительно стыдно. До исповеди добрый час, выходит — непозволительно долго валяется, совсем совесть потерял!.. В следующую секунду он радостно обнаружил, что уже семенит, мелко и торопливо, вдоль сплошной стены своей уютной комнаты-цилиндра. Нормально отреагировал: перележав и будучи поставлен об этом в известность к-мебелью, без раздумий включился в энергичное движение, с подсознательной дисциплинированностью избрал соответствующий аллюр — чем короче шаги, тем их, ясное дело, больше получается. На душе полегчало. Уже осмысленно, горячо стремясь пусть в незначительном эпизоде, зато от чистого сердца послужить родной формации, Омикрон-3113М сорвался на галоп (но теми же мелкими-мелкими шажками) и скакал, пока не устал. Позволил себе ровный свободный бег. Описывая круг за кругом, перебирал в памяти день минувший, самокритично оценивал каждый свой поступок, любую мелочь анализировал в плане

возможной причастности к происшедшему, придиричиво рассматривал в качестве фактора, способного спровоцировать на преступление...

Накануне, то есть позавчера, передачи Зеркала Жизни затянулись допоздна. Причина — сюжет сверх программы. Такого рода сюрпризы ЗЖ преподносил не часто, и тем сильнее было их действие. Как любой достигший зрелости житель планеты, Омикрон-3113М знал, зачем это делается. ФАГ вообще не держала секретов от своих граждан. Если время от времени последние оказывались в положении, в каком могли бы оказаться, не пошли им судьба счастья родиться фагами, то цель была — напомнить каждому, как ему повезло. Помнили долго... Телевизор в сравнении с Зеркалом Жизни все равно, что хрипящий патефон перед стереофонической свето-музыкальной установкой. Общее у ТВ и ЗЖ — экран. Однако здесь он огромный, во всю стену. Учитывая конфигурацию фаговского жилища, нетрудно вообразить, во что превращается эта двухметровая, от потолка до пола, лента, сплошь окружающая фагочеловека, когда ЗЖ включают... Эффект поразительный: вы не смотрите, не слушаете программу Зеркала Жизни, а участвуете в ней.

...Омикрон-3113М сидел в ресторане. Перед ним лежало меню, надо было сделать заказ. Никогда раньше он в ресторанах не бывал и о них не слышал. Как и все двести тысяч обитателей Фаг, в глаза не видел жареной картошки, зернистой икры, яблок, персиков, лимонов, хлеба с маслом и сыром, шашлыка, антрекота, ананасового сока и т. п. Между тем, сидя за столиком, нервно косясь на склонившегося в почтительном ожидании официанта, он помнил вкусовые и прочие свойства всех предлагаемых блюд. От него зависело, что заказать, никто другой не принял бы решения. Именно в этом — в необходимости сделать выбор — заключался ужас положения, и он нарастал с каждой секундой... Вот нервное напряжение достигло критического уровня, и тяжело было дышать, и сердце начало давать сбои, и заломило в висках, и перед глазами поплыли, вращаясь с ускорением, черные круги... Кошмар исчез. Омикрон-3113М вернулся в действительность. Универсальная к-мебель трансформировалась из ложа в кресло-качалку, оно заботливо выдвинуло из се-

бя: поднос с раскрытой коробкой недоеденных шоколадок. Сладко потянувшись, молодой человек не глядя взял темно-коричневый шарик, бросил в рот, блаженно ощутил вязкий пряный вкус. По экрану Зеркала Жизни весело побежала, засветилась приветливым многоцветьем надпись: «Все для фага, все для его блага! Спокойной вам ночи, дорогие граждане... Спокойной ночи... Спокойной... спокойной... спокойной... ночи... ночи...» Высокая спинка кресла мягко откинулась, к-мебель сделалась ложем-периной, покачивающимся плавно, убаюкивающе... Засыпая, Омикрон-3113М успел, как всегда, благодарно отметить: здорово, что все немногочисленные имеющие хождение на Фаг надписи уже давным-давно, когда его и на свете-то не было, стали озвучиваться, и фаги-малютки, едва научившись воспринимать устную речь, одновременно как бы осваивают и чтение, хотя им никогда не приходится этим заниматься; в былые, глухие времена громоздкий малопроизводительный процесс складывания букв в слова, построения фраз был обременительной необходимостью, досадной помехой на пути глобальной гармонизации бытия... Последней перед погружением в крепкий здоровый сон ему явилась мысль (и радостно-гордо было сознавать, что сам додумался): «Жить стало лучше, жить стало веселее!»

Так же хорошо-замечательно началось утро следующего дня — того самого, окаянного, лучше б его вообще не было. Сразу после пробуждения коротким болезненным воспоминанием посетил давешний ресторанный кошмар. Недолговечный ужас перед обязанностью выбирать сменился восхитительным сознанием: на самом деле ничего такого не было и, главное, быть не могло! От блаженной легкости на душе захотелось пошутить, развлечься, и Омикрон-3113М притворился спящим. Добился, чего хотел, — в голове прозвучал с малых лет знакомый, ставший родным голос:

«— Того, кто вовремя встает, Тройка К ценить не устает! — Короткая пауза — и опять, повъедливее: — Того, кто вовремя...»

— Можешь не стараться, — перебил удовлетворенно, — я уже сам давно проснулся!

Голос принадлежал КИ — кибернетическому ис-

поведнику, копии обыкновенных наручных часов, составляющей как бы единое целое с запястьем левой руки (собственно часы входили в компактное устройство агрегатиком третьестепенной важности) и выполняющей функции без преувеличения государственной значимости. Его официальным наименованием сначала было несколько высокопарное «Друг, товарищ и брат». В народе прибор окрестили по-своему — упомянутым «КИ». Коллегия компьютерных координаторов уважила, узаконила волю масс. Да и саму коллегия не возбранялось называть запросто: «Тройное К», «Тройка К», «Три К», даже «ККК»; наибольшей популярностью пользовался второй вариант. К-исповедник был связан с Тройкой К напрямую и постоянно. Он надевался на тоненькую ручку фага в трехдневном возрасте, видом и устройством впрямь напоминая в ту пору игрушечные часики. С течением времени увеличивался в размерах за счет численности миниатюрных узлов, блоков, прочих хитрых электронно-кибернетических штук: они множились пропорционально взрослению, усложнению внутреннего мира индивидуума. То был компьютер многоцелевого назначения, но в конечном счете служил выполнению задач, которые нашли отражение в непривившемся первоначальном названии. Самая же ответственная функция к-исповедника заключалась в записи ежедневных самоотчетов граждан Формации абсолютной гармонии — откровенных рассказов о прожитом и пережитом — с последующим доведением до сведения Тройки К. Умница кибер страдал единственным изъяном.

— Я уже сам давно проснулся! — не без превосходства заявил молодой фаг, присовокупив неразборчивой скороговоркой: — ...Хотя спал не больше шести часов.

« — Что-что? — переспросил к-исповедник, как тугая на ухо старушка. — «Проснулся сам», а дальше что?»

— Хотя, говорю, спал всего-ничего! — рявкнул его патрон и, озорничая, почти прошептал: — Глухая ты тетеря.

« — Значит, ты хороший фаг и достоин всяких благ! » — доброжелательно пропел КИ, до которого не дошли обидные слова.

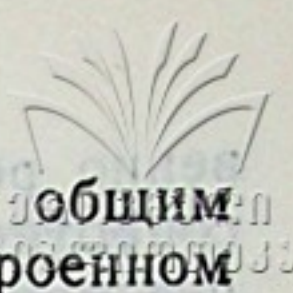

Изъян в его конструкции был парадоксального свойства. Голос кибера явственно звучал в сознании патрона, вслух он разговаривать не умел, а воспринимал лишь устную речь, и обращаться к нему следовало громко, внятно — иначе непременно переспросит. Этаким односторонний, не в свою пользу, телепат, доверчиво выставляющий напоказ все, о чем подумает, и не способный догадаться, что на уме у собеседника. Иногда это здорово раздражало.

Славный выдался денек! В мышцах жило ощущение упругой силы, настроение было приподнятое. Вдохновенно взялся Омикрон-3113М за утреннюю зарядку и дотошно осилил весь комплекс упражнений. Заслужил одобрение КИ, сладостную щекотку в носу, чихнул от души. Принял контрастный душ в просторной ванной (цилиндрическая стена из голубого с прожилками мрамора), проглотил завтрак, предложенный чудо-креслом, подошел к овальному окну.

Для начала он полюбовался роскошным садом. В нем было все. Великолепные пальмы возвышались среди папоротников, южанки розы цвели по соседству с альпийскими эдельвейсами, порхали, звонко распевая, птицы, метнулась с ветки на ветку белочка — хвост рыжей молнией... Обратился к окну напротив, чтобы полной грудью вдохнуть пьянящий запах, послушать могучий ропот моря... В третьем овале глазам открылись мириады мерцающих непостижимо далеких звезд и бледные фосфоресцирующие туманности... Досыта насладившись созерцанием окружающего мира, Омикрон-3113М распахнул двери гардероба из мореного дуба, помедлил, выбирая костюм. С порога шагнул на парящую транспортную платформу, и она помчала его на фабрику.

Не было ни сказочного сада, ни космической бездны за окном, ни голубого с прожилками мрамора. Была лента экрана, опоясывающая круглую стену. Великая вещь — Зеркало Жизни. Превосходные, лучше натуральных, виды синтезируются в ложных окнах-овалах, имитация первоклассная, воздействующая на все органы чувств... Вот выбор наряда процесс всамделишный и непростой: можно разворошить кучу клейких наклеек с личным номером, пока найдешь по вкусу, под настроение. Омикрон-3113М знал, что провел вечер,

ночь и утро в ячейке жизненного пространства общим объемом сорок кубических метров — в благоустроенном цилиндре двухметровой высоты. Большую часть занимала жилая комната, достаточно просторная, так как меблировка — универсальный к-предмет, предназначенный на все случаи жизни, а Зеркало Жизни вмонтировано в стену; меньшую — ванная и туалет (раздельные!). Все это знал каждый фаг.

За двадцать секунд до начала смены он миновал шестиглазого и шестирукого к-контролера у проходной, за пять — был на своем рабочем месте. К-контролер звучно скомандовал:

— Приго-товились... начали!

И работа закипела.

Участие в ежедневных, без выходных, шестичасовых сеансах трудотерапии является неотъемлемым правом и священной обязанностью граждан Формации абсолютной гармонии. По указанию к-исповедника Омикрон-3113М выбрал позицию в рядах товарищей по трудовому фронту. Его переполняло радостное нетерпение: по графику сегодня предстояло работать головой, а он предпочитал эту форму служения обществу всем остальным — именно она позволяла ему с наибольшей полнотой раскрыть свой творческий потенциал.

На взгляд непосвященного, данный технологический процесс предельно прост, возможно даже — примитивен. Вы равномерно вертите головой вправо, потом влево, потом опять вправо... Только и всего? Ну нет. Вращение осуществляется в особом силовом поле, вынуждающем труженика постоянно напрягаться. К полю подключен фиксирующий каждое движение к-счетчик. Сеанс разбит на тридцать шесть циклов: девять минут интенсивной деятельности — минута полного отдыха — следующая девятиминутка. В цехе трудятся не кустари-одиночки, а внушительный двухсотголовый коллектив. Поэтому не бессмысленное голововерчение совершается — идет соревнование. Побеждает тот, кто совершит наибольшее количество голововзмахов за смену. Никакие уловки помочь не могут — киберсчетчик бесстрастен, неподкупен, безотказен. Путь к успеху один: маши головой как можешь быстро, вот и намашешь больше друзей-соперников... И как раз здесь заковыка: поле-то сопротивляется! Силовые лучи мгно-

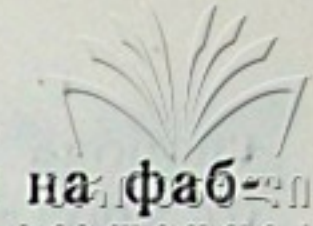

венно реагируют на ускорение верчения возрастающим сопротивлением. Чем азартнее вкалываешь, тем сильнее приходится напрягаться, — стало быть, скорее выдыхаешься.. Так что же, верх одерживает грубая физическая сила, воловья выносливость, тупое упрямство? Опять нет! Между силовыми лучами — редкие, надежно замаскированные пустоты, где голова, не встретив сопротивления, словно проваливается. Это будто копаешь твердую землю и лопата вдруг угодила в рыхлый участок... Задача головомахальщика — отыскать в коварной силовой сетке как можно больше пустот, и здесь не обойтись без редких, выдающихся качеств. Да, речь идет о таинственном «шестом» чувстве, об интуиции, таланте.

В первом цикле, по совету заботливого КИ, Омикрон-3113М избрал вариант вращения по часовой стрелке. Через несколько секунд его охватило радостное ощущение избытка духовных и физических сил, переходящее во вдохновение. Появилась откуда-то спокойная уверенность, что он непременно победит сегодня в состязании двухсот сильных мужчин. Бывают у человека дни, когда за что бы ни взялся — удается... Задолго до конца смены Омикрон-3113М бросил подсчитывать число совершенных махов, настолько сильна была уверенность, что значительно опередил коллег. Две последние девятиминутки нахально делал вид, будто усердно теропотрудится, а сам едва пошевеливал головой, хотя такие холостые махи к-счетчик не регистрировал... И настал звездный час.

Подняв решетку, надежно запиравшую выход из цеха, к-контролер уставился на Омикрона-3113М полудюжиной горящих красным светом глазниц, прогремел, в назидание остальным, на все помещение:

— Сто девятнадцать и три сотых процента нормы! Мо-ло-дец! Получай свои премиальные. — Протянул шупальце и в нем четыре изящные, несмотря на внушительные габариты, бомбоньерки с шоками и ладками, провозгласил традиционную здравицу: — Слава ККК! — Уже неофициально, подмигнув всеми окулярами по очереди, присовокупил маслено: — На одного — не многовато ли?.. Но, может, ко времени — угощать свою красотку, а? — И заговорщически оглядел других трудяг, приглашая посмеяться сальной шуточке.

Те, сплошные мужики (женщины работали на фабрике-гиганте в противоположном конце города и жили там же), послушно вразнобой гоготнули, быстро смолкли, потому что завидовали ударнику.

— Слава ККК! — четко ответил герой дня. В ответ на грубоватую реплику насчет красоты смущенно пробормотал: — Мне еще через полгода только...

Ржание возобновилось, на сей раз искреннее, — зависть прошла.

Потом они стояли, уже не теснясь, на платформе, разъезжаясь по домам. Просторно было оттого, что добрая половина фагов не успела справиться с нормой, а таких решетка через проходную не пропустит. Мимо проплывали беззаконные дома-многоэтажки. Пассажиры на них не смотрели. Дома были абсолютно одинаковые, и это прекрасно иллюстрировало абсолютное социальное равенство граждан Формации абсолютной гармонии. В отличие от утреннего часа пик, платформа не просто замедляла полет у того или иного строения, а зависала на месте, не торопясь двигаться дальше. По-хорошему усталые после трудового дня фаги неспешно, вразвалочку входили в гостеприимно распахивающиеся перед ними двери. Утренняя транспортировка сопровождалась лихорадочной спешкой и давкой не из-за плохой организации движения; неудобства были частью продуманной системы психологической подготовки к предстоящей интенсивной жизнедеятельности.

Платформа, выбранная КИ, плыла в район, расположенный далеко от того, где Омикрон-3113М провел ночь. Только раз в жизни полагалось пользоваться одной и той же жизнейчейкой. В пестром многообразии общедоступной информации, правдиво-оперативно доносящей до фагов суть любого явления общественной жизни, было объяснение и на данный счет, причем исчерпывающе краткое: профилактика частнособственнических тенденций в сознании. Склонный к анализу Омикрон-3113М вдумчиво дополнил этот тезис собственными рассуждениями. В то время как платформа несла его все дальше, он неторопливо беседовал сам с собой: «Привыкание к чему бы то ни было способствует зарождению привязанности, рано или поздно приводит к попыткам продлить обладание этим самым «чем бы то ни было», владеть им всегда... Между тем обладание и

свобода несовместимы. Поистине безотказное средство от уродливых стяжательских поползновений дала нам в руки Тройка К! Если же случится так, что кто-нибудь дважды, а то и трижды на своем веку попадет в одну и ту же ячейку, — ничего страшного. Все ячейки, как и многоэтажки, абсолютно одинаковы. Окажешься в той, где уже побывал, — и не догадаешься. Вот поэтому мне абсолютно все равно, куда меня сейчас везут... Эх, хорошее слово «абсолютно»! В условиях ФАГ его нельзя понимать иначе, чем «лучше быть не может». Мне абсолютно безразлично, где я буду ночевать сегодня и в каком цехе терапотрудиться завтра... Перекинувшись на день грядущий, его мысли обрели мечтательную направленность: — Завтра сеанс мануальной терапии... Раззудись плечо! Ну и задам же я чертову силовому полю вольными упражнениями... Вот где простор для свободной игры воображения, здесь интуиция, пожалуй, еще важнее, чем когда работаешь головой (неплохой парадокс, а?), значит мне и карты в руки, потому как интуиции, скажу без ложной скромности, мне не занимать... Что послезавтра? Да, будем лежать на спине, двигать, махать ногами. Еще сложнее: нога не рука, попробуй попади в нейтральную зону пяткой. Послепослезавтра — руки на пояс и давай вращать корпусом... Р-раззудись спина! — Неожиданно подумал: — Хотя скучновато порой бывает — одно и то же каждую неделю... А если, к примеру, я и без того абсолютно здоров и желаю прожить денек-другой так, как лично мне заблагорассудится? Однако внутренний голос был начеку, отрезвляюще спросил: «Заблагорассудится»? А ты, того-самого, про шоки с ладками забыл?»

Его охватила тревога, потому что, увлекшись, действительно забыл о щедрых премиальных. Мог потерять, выронить — и не заметить. Успел, верный своей натуре, проанализировать и это, решил, безжалостный к себе: «Что ж, поделом бы было! Бессмысленное, лишнее целеустремленности раздумье вредно по существу и чревато реальными опасностями. Задумаешься, как сейчас, во время сеанса, мотнешь головой не туда — и прощай шока с ладкой, за ней вторая, третья... Провитаешь в облаках подольше — не успеешь оглянуться, как целая бомбоньерка наберется!» Толь-

ко потом вернулся на землю. Пальцы сжались, успокоенно встретили приятную упругость коробок с премиальными, надежно засунутыми в специальный, на уровне желудка, карман комбинезона. Все-таки извлек их на свет божий — воочию удостовериться, что все в порядке.

— Любуешься? — Голос был желчный, говоривший не пытался скрыть зависти. — Смотри не заработай несварение желудка... У, обжора!

Омикрон-3113М не обиделся. У того, кто злобился, судя по всему, не было не то что бомбоньерки — несчастной обертки с одной-единственной шоколадкой.

— Не повезло сегодня... — сказал просто. — Возьми вот.

И протянул неудачнику одну из своих коробок.

— Что?..

— Бери, говорю. Зачем мне целых четыре?

Тот как языка лишился. Нервно дернул головой, словно проверяя, не спит ли, — и охнул, схватился за шею. Намахался, видно, за смену, даром что впустую. Еле слышно переспросил:

— А не врешь?

Воровато огляделся, вырвал бомбоньерку, на удивление ловко засунул в карман. И незамедлительно сошел на узенький тротуар. По тому, как он энергично устремился характерной фаговской трусдой вдоль серой стены сливающихся воедино многоэтажек, было ясно: предпочел убраться с платформы, не допарив до своей остановки. «Боялся, что передумаю, обратно потребую, — догадался Омикрон-3113М. — Будет теперь пешком топать...» Он заметил, как фаг поднес к лицу запястье левой руки, понял — объясняется со своим к-исповедником, машинально прочел на удаляющейся спине: «Кси-8754М». «Доведется ли еще когда-нибудь встретиться? Вряд ли. Ночуешь каждый раз в новом месте, терапотрудишься тоже. Да еще ведущий фактор гармоничности формационного бытия: никто ни от кого не зависит, следовательно незачем поддерживать какие-либо отношения с согражданами... Хотя чисто теоретически повторный контакт не исключен. Двести тысяч населения, в сущности, не так уж много. Правда, город наш гро-о-мадный. Сто лет жизни до Пере-

мещения — большой срок, всякое может случиться. — Уточнил: — Сто плюс-минус несколько лет, чтобы не знать точно, когда пробьет твой час, иначе страшновато было бы жить... Слава ККК — они так о нас заботятся!..»

К-исповеднику пришлось вторично протелепатить:
«—Слезай — приехали».

ПРОЗРЕНИЕ

Я обещаю, что исправлюсь. Дайте мне только возможность. Прошу вас, дайте мне исправиться.

О. Хаксли. О дивный новый мир!

Вторая половина дня сложилась под стать первой. Он пообедал с аппетитом здорового молодого человека. К-стол предложил отменное угощение: желтую, темно-бордовую, серую в крапинку таблетки; все три блюда были очень вкусные, особенно второе. Насытившись, поглазел на свои новые владения. Они были идентичны вчерашним — ясное дело, с поправкой на время дня. В саду затихали перед сном птицы и цикады, в небе отчетливее обозначилась звездная вязь, до того искусно сотворенная в квази-окне, что от прикосновения к бесконечности космоса сладостная жуть рождалась в сердце... «Как же здорово, — в несчетный раз констатировал Омикрон-3113М, — что Тройка К абсолютно ничего от нас не скрывает! Если бы все это за окном было настоящее, натуральное, то и удовольствия от него было меньше — так, полудовольствия... А здесь, с одной стороны, наслаждаешься прекрасными видами, с другой — сознанием, что они мастерски созданы из ничего для тебя. Особенно приятно, что не стараются обмануть, что заведомо знаешь — мираж все, иллюзия. Вспомнишь: все у нас построено на взаимном доверии, уважении к личности, заботе о человекофаге — и готов хоть сию минуту переместиться. Очень хорошо в этой жизни, но как подумаешь о перспективе уже не косвенно служить родной формации, а непосредственно включиться в механизм ее жизнедеятель-

ности, функционировать в качестве составной части ККК — стать резистором, транзистором, диодом, детектором, пусть электродиком простейшим, волоском предохранителя какого-нибудь! — дух от счастья захватывает... Пусть только Родина-ФАГ позовет, Тройка К потребует...»

Подчиняясь острому желанию поделиться заветным с КИ, он второпях мысленно спросил: «Тебе никогда не хотелось побыть хоть часок фагом? Понимаешь, не кибернетическим слугой — неодушевленной машиной, а живым фа-го-чело-ве-ком, гражданином, хозяином страны!» Не дождался, разумеется, ответа, громко сказал вслух:

— Эй, послушай-ка...

«— Да?» — с готовностью откликнулся кибер.

И Омикрон-3113М обстоятельно изложил то, что волновало, и к-исповедник горячо одобрил высокую идейность хозяйской жизненной позиции, полностью согласился с таким взглядом на вещи. Относительно же сожаления по поводу его, КИ, неспособности читать мысли простодушно ответил:

«— А зачем? Если что надо — сам скажешь. Мое дело маленькое — передавать Тройке К содержание исповедей, что-нибудь дополнительное, коль скоро захочешь, ну и будить по утрам, напоминать разные мелочи... Да и грех жаловаться — работы у меня не много», — бесхитростно польстил он.

Молодой фаг с удовлетворением отметил это «коль скоро захочешь», сформулировал, обобщая: «Сознание неограниченности своей свободы важнее самой свободы». Ему понравился походя сотворенный афоризм, и, движимый теплым чувством к к-исповеднику, он дружески возразил:

— Не корчи из себя, пожалуйста, примитивный будильник. Ты мне очень во всем помогаешь. — Уловил невнятное от смущения «стараюсь...», весело предложил: — А теперь, если не возражаешь, начнем. Ты готов?

«— Всегда готов!»

Исповедь прошла гладко, почти без встречных вопросов, не считая пустяковых уточнений, испрошенных кибером, когда речь была о фаге-неудачнике. Омикрон-3113М поведал об этом как о забавном эпизоде:

наткнулся, мол, на типа, оставшегося без премиальных, поделился своими, а тот будто и недоволен остался. К-исповедник в таком же шутливом ключе поинтересовался:

«—А сам-то какими эмоциями был одержим, когда отдавал ему шоки с ладками?»

— Приятно было, знаешь, — не задумываясь ответил Омикрон-3113М и засмеялся: — Ты бы поглядел на его унылый вид!

«—А он хотя бы в первый момент обрадовался?»

— Даже не знаю. Я об этом, честно говоря, и не думал.

Исповедь кончилась, КИ выдержал положенную паузу, в соответствии с правилами задал контрольный вопрос:

«—У тебя все?»

— Все.

«—Вот и славно. Скоро ЗЖ включится, так что желаю счастливых приключений, насыщенной и полнокровной настоящей жизни. Давай соучаствуй, а я передам исповедь по инстанции... Ну и доходяга этот твой фаг! Как, говоришь, его звали-то?»

— Я не говорил, но погоди-ка... — Он напрягся, гордясь памятью, доложил: — Вспомнил—Кси-8754М, вот как! А тебе зачем?

«— Сам не знаю... — сконфузился к-исповедник, — из пустого любопытства, видать, спросил...»

— То-то! Берись лучше за работу, а то заболтался сегодня.

«—Я что? Я ничего. Уже начинаю...»

Как раз подоспела негромкая легкая музыка. Зеркало Жизни предупредило о скором начале передач.

За шесть непередаваемо прекрасных часов Омикрон-3113М успел побывать: гладиатором — и запросто победил двоих противников-коллег, ловко заколов первого, молодецки, от плеча к бедру, разрубив второго (между делом он сразил здорового льва и черную пантеру-молнию); астролетчиком, который открыл планету, густо населенную дикарями, приобщил их к идеалам фагизма, после чего они прямым всеобщим тайным голосованием избрали его вождем, фагом, из тех, о ком в Сжатом курсе истории фагизма (СКИФ) говорилось: «Они были первыми»; наконец величественным

восточным владыкой, неумолимо наставляющим иноверцев на путь истинный, — безнадежных он с кротким трудолюбием сажал на кол, а вечерами наслаждался заслуженным отдыхом в гареме с сорока семью неопируемыми красавицами. Они преданно заглядывали в глаза, пели и танцевали, хором превозносили его необыкновенные мужские достоинства... На том, как всегда в аналогичных случаях, дело кончилось, но приятно было очень.

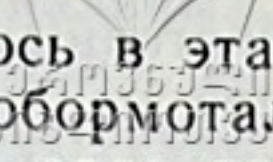
Развалившись в просмотровом к-ложе, которое чутко улавливало малейшие движения тела, вплоть до подергиваний мышц, сигнализирующих о желании изменить позу, и незамедлительно принимало максимально комфортное положение, Омикрон-3113М жил настоящей жизнью. Он дрался, целовался, рубил, любил, наслаждался, летал, скакал, выполнял, погибал, выявлял, убивал, управлял, приказывал, отказывал, наказывал, одерживал победы — разные, в том числе всемирно-исторические, терпел поражения и неудачи, однако всегда лишь временные, и вновь возносился на гребень судьбы, и в конце концов одолевал все и всех... И не двигался с места, если не считать поерзываний, когда затекала нога или рука, но сразу отпадала необходимость устроиться поудобнее, потому что к-мебель реагировала мгновенно и безошибочно. И непрестанно сосал, пережевывал шоки с ладками, глотал сладкую пряную кашу.

ЗЖ-передачи кончились. Вслед за экранным пожеланием доброй ночи к-исповедник от себя пропел в утомленном мозгу хозяина:

«— Спать, спать, спать пора. Завтра все начнешь с утра...»

Томно потягиваясь, молодой фагочеловек, обретя свое «я», посочувствовал восточному владыке: «Надо же — сорок семь наложниц! И куда столько?..»

Ночью ему снились сны. Это случалось крайне редко и уже потому заключало в себе начало тревожное. К тому же сны были невнятные, лишённые конкретности, — не сны, а какие-то судороги подсознания, вызывающие потребность что-то понять, вспомнить... Наутро противное чувство неспособности разрешить мучительные вопросы, в сочетании с пренеприятным ощущением, чье происхождение сомнений не вызывало —

переусердствовал с премияльными, — вылилось в такую психологическую изжогу. Он мрачно пробормотал нечто бунтарское о слишком щедрой премии, вяло порадовался, что, благодаря Кси-8754М, не все четыре бомбоньерки остались вчера при нем. Без аппетита проглотил две таблетки завтрака. Кое-как проделал часть упражнений. Не удосужился полюбоваться законными красотами. На две с половиной секунды опоздал к началу смены и весь день работал спустя рукава. Впервые за всю терапевтическую жизнь не перевыполнил норму и, следовательно, не заслужил шоколадок.

У него от изумления глаза на лоб полезли, когда к-контролер придержал одним шупальцем за плечо, а другим сунул в набедренный карман две здоровенные бомбоньерки. Справившись с первым обалдением, честно попытался отказаться:

— Так не заслужил же!

— Дают — бери, — проворчал КК. — Наверху лучше знают, что к чему и зачем. — Добавил мягче: — Оттерапевтишь еще...

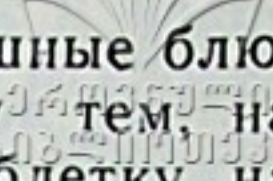
По дороге домой Омикрон-3113М места себе не находил от угрызений совести. Ведь из рук вон плохо терапевтил — и ничуть не стыдился на протяжении всей смены! Незаработанные шоки с ладками жгли живот.

Он услышал скрипучий, словно бы знакомый голос: — Чего ерзаешь, будто у тебя шило в одном месте?

Оглянулся и оторопел: рядом стоял Кси-8754М! Встретились-таки. Было чему удивляться, даже помимо редкостного совпадения. Вчерашний бедолага сегодня выглядел победителем. Словно в подтверждение он помахал над головой увесистой шоколадковой упаковкой. Омикрон-3113М, как ни скверно ему было, порадовался за земляка: «На этот раз, значит, заслужил...» А Кси-8754М с непонятым злорадством выкрикнул:

— Каждому — по терапевтисту!

— Кто не работает, тот не лакомится, — ответил общепринятой формулой молодой человекофаг и вновь, теперь уже печально, подивился мерзкой гримасе, исказившей лицо Кси-8754М, тому, как трусливо тот отшатнулся, ввинтился в толпу, скрылся в ней.

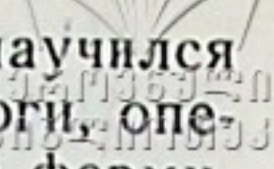

И опять он даже не заметил, какие роскошные блюда были поданы обеденным кибером. Между тем, на первое ему предложили золотисто-красную таблетку, на второе зеленую, а в конце вообще целых две таблетки — кремовую и голубую! Но что толку в лакомстве, если на душе кошки скребут. Вновь, как и утром, не подошел к «окнам». В чем был, не отцепив со спины рабочую нашлепку-номер, повалился на к-диван.

Безвольно подчиняясь болезненному влечению — непрерывно думать о том, о сем, — Омикрон-3113М то вскакивал и принимался ходить по кругу, то валился обратно в к-ложе, закинув руки за голову, невидяще смотрел в потолок, чтобы вновь рывком подняться... День фагочеловека расписан по минутам, и в этом одна из основ гармоничности его существования. Два послеобеденных часа занимают особое место в суточном регламенте: до начала ЗЖ-передач — таинство исповеди, которой предшествует внутренняя самоподготовка. Он всегда с гордостью помнил, что абсолютно волен в том, как распорядиться этими двумя часами, сколько времени посвятить подготовке, сколько собственно исповеди. А сейчас с насмешливым раздражением подумал: «Хорошенькое «волен»! Какая разница — готовишься ты или уже беседуешь с КИ? По сути дела все время исповедуешься. Сначала молча, потом вслух. Как говорится, что в лоб, что по лбу. Какая же тут, к черту, свобода!..» Вздрыгнул от гневного окрика внутреннего голоса: «Ты в своем уме?! Да рехнулся, никак, вот уже до чего договорился... Что это с тобой, приятель, а?» И наконец честно сказал себе: «А то, что я — урод. Натуральный урод в семье великой, славной, в сплоченном двухсоттысячном коллективе нормальных, порядочных фагов. Я просто нелепая белая ворона, вопиюще-постыдная аномалия, чудовищно-непристойное отклонение от типичного, не говоря уже об эталонном...»

Затем Омикрон-3113М принялся безжалостно швырять себе в лицо то, над чем долгие годы изо всех сил старался не задумываться.

В детстве и отрочестве однокашники, точнее одно-таблеточники, дразнили его «землянином» — и не без

основания. Даже к пятилетнему возрасту не научился толком держать строй: то и дело сбивался с ноги, опережая идущих впереди воспитанников Фабрики формирования, наступал товарищам на пятки. И добро бы еще элементарным выскочкой по натуре был, тогда не проблема, обломали бы, на то и воспитательная роль ФФ. Причина крылась глубже, вернее наоборот — прямо-таки выпирала: слишком длинные ноги, попробуй, что называется, искорени, не выдергивать же... Он вообще был (и, выходит, окончательно признал это) безобразным от рождения.

Ноги не просто длинные — длиннее туловища, к тому же прямые. Плечи намного шире бедер, волосы и глаза не привлекательной яично-желтой окраски, как у всех, а темно-русые и ярко-синие; нижняя губа смыкается с верхней, вместо того чтобы изящно отвисать к подбородку, который тоже ни на что не похож — четко очерчен, несколько не скошен, заметно выдается вперед; и талия смехотворно тонкая, и спина прямая, и голова не гармонично-шаровидная, и лицо не расширяется книзу, и походка, мягко говоря, оставляет желать лучшего — нет в ней красивой медлительной валкости, а есть шокирующая порывистость; резкие, подчеркнутые жесты, внимательный, чуть ли не пристальный взгляд... Омикрон-3113М глухо застонал от осознания крайнего своего убожества.

— Разве ж я виноват, что таким роди...! — вырвалось у него. Он осекся, однако КИ мгновенно среагировал, тревожно спросил:

«— В чем виноват? Чем тебе помочь?»

— Ах, пропади оно все пропадом! Не приставай, пожалуйста.

Кибер послушно отстал. Несчастный с новой энергией продолжил мучительно-сладостный процесс самобичевания.

«Физические недостатки — полбеда, не думаешь же о них постоянно, и окружающие давно не доставляют огорчений... Неоценимая черта фаговского образа жизни, обуславливающая абсолютную гармоничность связей между согражданами, — фактическое отсутствие связей! Никто ничем не интересуется, не лезет в душу, ничего вокруг себя не замечает...» Он был прав:

вступление в зрелость избавило от насмешек и издевок. Неизмеримо хуже было то, что внешним отклонениям сопутствовали аномалии внутренние. От себя не убежишь!.. В отчаянии содрогнулся. Сенсорная мебель, не разобравшись, выгнулась, ноги взлетели выше головы... Хочешь не хочешь — любуйся.

— О, если б только это! — горько вырвалось у него.

«— Что — «это»? — встрял к-исповедник. — Что, а?»

— Это самое! — огрызнулся хозяин. — На исповеди узнаешь.

«— Конечно-конечно! Как скажешь, как тебе будет угодно...»

Кибер заискивающе коснулся Омикронова запястья мягким, теплым излучением. Тот с ворчанием снова улегся, теперь уже аккуратненько, на к-диван, продолжая злобиться: «И чего он все лезет, лезет? Или я обязан перед ним наизнанку выворачиваться?!» Внутренний голос тут же охотно объяснил: «Именно обязан. И не иначе, как наизнанку. Тебе не маленький ручной КИ вопросы задает, к тебе представитель власти, уполномоченный Центра обращается! — Помедлил, как бы давая возможность осмыслить сказанное, и, чеканя фразы, продолжал: — Отказываясь объяснять к-исповеднику, что с тобой стряслось, ты грубо нарушаешь одну из важнейших заповедей Морального кодекса — «Фаг, расскажи о себе ФАГ...» Теперь слушай внимательно. Вчера ты отдал фагу по имени Кси-8754М заработанную честным терапевтудом бомбоньерку с шоками и ладками. Тем самым ты, Омикрон-3113М, нарушил, осквернил, втоптал в грязь другую, еще более важную, заповедь МК — надругался над основополагающим социально-этическим, идейно-экономическим, морально-политическим принципом Формации АГ: «Каждому по терапевтуду. Кто не работает, тот не лакомится». Замухрышка Кси-8754М терапевтудился нерадиво, недисциплинированно, абы как, безынициативно и лениво, то есть практически уклонялся от работы. Но он полакомился — благодаря тебе, твоей безответственности и легкомыслию. Зло порождает зло. Ты со-

вершил антифагистское, контрформационное деяние — и спровоцировал на такую же гнусность другого... Как назвать то, что ты натворил?!»

...Тогда-то Омикрон-3113М и произнес безусловно неадекватное содеянному, маловразумительное словечко «вызов», затем кощунственно увлекся литературными играми, пока не опомнился, не бросился в панике искать истоки своего грехопадения, но сам не нашел. Теперь оставалось только одно.

— Вот что, — решительно обратился молодой фаточеловек к верному КИ, — мне надо сверить жизнь со Сжатым курсом.

«— Неужели так далеко зашло?!»

— Думаю, без этого не обойтись... Но успеем ли с исповедью?

«— Можешь об этом не беспокоиться! Сверяйся, сколько потребуется, уж я потом постараюсь — наверстаем».

— Знаю, дорогой, знаю. А теперь, сам понимаешь...

КИ уважительно затих, сделался невесомым, будто исчез с руки.

Омикрон-3113М стал посреди жизнейчейки, расправив плечи, резко сломался пополам, достал кончиками пальцев до пола, делая мощный выдох, очищая легкие и всего себя от накопившейся скверны. Глубоко вдохнул свежий кондиционированный воздух, сел в к-кресло, услужливо подкатившееся, деликатно уткнувшееся сзади под коленки. Он особым образом откинулся на спинку, и кресло на сей раз проявило полное понимание, чуткость — мигом преобразилось в к-диван, отвердело (ибо не подобает общаться с мудростью на мягком), как бы говоря: можешь лежать, сколько заблагорассудится, такое лежание я всячески приветствую и одобряю... Омикрон-3113М зажмурился, сосредоточиваясь.

«Будет солнце — будет свет, — сверкнула в сознании начальная фраза Введения в Сжатый курс. — Не будет солнца — не будет света...» И разом отступила депрессия. Он ощутил прилив бодрости, точно заблудившийся путник, увидевший свет в конце туннеля.

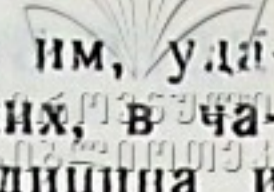
ИДЕЯ ВОПЛОЩЕННАЯ, или ЧЕРЕЗ МИРЫ И ВЕКА

Когда ему снесло голову, она еще некоторое время катилась и кричала: «Долг спешит, солдат, скорей исполнить свой, даже если смерть витает над тобой!»

Я. Гашек. Похождения храброго солдата Швейка.

Высшая заслуга основоположников научного фагизма перед человечеством состоит в следующем: они создали критерии, позволившие отделить истинное знание от ложного, — и вышвырнули на мусорную свалку истории мировоззренческие догмы, которые веками парализовали умы мыслителей прошлого. Не стало догм — расцвела мысль... Таким образом, Сжатый курс истории фагизма, при всей своей беспримерной сжатости, вмещает богатство подлинных знаний, выработанных поколениями землян, которым посчастливилось жить в эпоху между зарождением бессмертного учения и написанием СКИФ. Сжатый курс — зеркало фагизма, но не простое, а увеличительное. В нем видно то, что подчас остается незамеченным при изучении первоисточников, — мал золотник, да дорог! В органическом триединстве смыкаются история, теория, практика. Повествуя о прошлом и объясняя его, критически оценивая настоящее, СКИФ прозревает будущее, отвечая наконец на вечный вопрос: «Что делать?» Фаголюди поголовно знают Сжатый курс наизусть, однако путь к этому был непрост и долог.

Поначалу фагизм приходилось изучать, буквально вчитываясь в каждое слово. С течением времени был найден способ более эффективный: фагистская Идея и образующие ее Принципы прививались путем внутривенного вливания концентрированной идеологической сыворотки. Оборудование требовалось недорогое, несложное — медицинская капельница серийного производства; главное заключалось в сыворотке. К сожалению, этот ускоренный метод удалось внедрить уже где-то в середине космического путешествия фагов-первопроходцев. Раньше не получалось, потому что не был еще на-

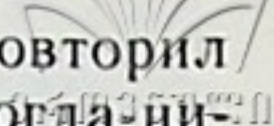

писан Сжатый курс. Именно руководствуясь им, удалось применить на практике достижения таких, в частности, наук, как идеологизированная медицина и примыкающая к ней воспитательно-пропагандистская биотехнология. Свершись это раньше — значительное большому количеству поколений фаголюдей довелось бы жить и тарапотрудиться в условиях победившего фагизма. Вместе с тем, после нескольких столетий применения сывороточного метода, выявились кое-какие побочные явления. Случалось, с возрастом некоторые из привитых фагу убеждений претерпевали нежелательные изменения. А главное, даже на нормального фагоребенка сыворотка начинала действовать лишь на пятом-шестом году жизни; у детей же умственно отсталых процесс гражданского формирования затягивался до четырнадцати-пятнадцати лет.. Интенсивный поиск более совершенного метода закончился уже на планете Фаг, с приходом к руководству Тройки К, — причем весьма неожиданно. Произошло обыкновенное чудо. выяснилось вдруг, что изобретать-то больше ничего и не нужно. Сработал закон перехода количества в качество: идейность закрепились на генетическом уровне, стала передаваться по наследству. Фаголюди рождались уже обогащенные знанием истины, как бы в эмбриональном состоянии пройдя Сжатый курс, и, стало быть, появлялись на свет нравственно зрелыми, образно выражаясь — с Моральным кодексом в сердце. Невооруженным глазом видимое величайшее преимущество перед разумными существами, когда-либо населявшими Землю, близлежащие галактики, Вселенную в целом! ...Все это единым мыслечувством пронизало мозг и душу Омикрона-3113М — едва успел подтянуть ноги, чтоб не свисали за край к-ложа. Он подумал благодарно: «Как хорошо, что я родился тогда, когда родился! Ужас до чего боюсь уколов...» За считанные секунды пройдя Введение, обратился к собственно СКИФ.

Прошлое, весьма и не очень далекое, шевельнулось в нем, обретая отчетливость контуров. Не в памяти, если подразумевать под нею соответствующие участки серого вещества, и даже не в спиральных ДНК, хранящих наследственную информацию, — страницы героической истории фагизма оживали во всем Омикроне-3113М. Они отзывались острыми до счастливой боли

чувствованиями, мыслями возвышенными, хрустально-чистыми. И эмоции, умозаключения отражались то в светлой непроизвольной улыбке, то в детски-непосредственных слезах, то в целой серии мимических превращений и физиологических актов. Он, не замечая того, вскрикивал, постанывал, смеялся, что-то невразумительно бормотал, сморкался, вытирал глаза, кашлял, почесывался, чихал, подергивался. Омикрон-3113М вспоминал—слушал—перечитывал—переосмысливал — пересопереживал...

Основополагающая фагистская Идея была зачата на пепелище несбывшихся человеческих надежд и мечтаний, в муках родилась из всего горького опыта землян — фигурально выражаясь, расцвела на почве, щедро удобренной трупами скомпрометировавших себя изначально бесплодных идеек-предшественниц. (Отсюда и коренное слово «фаг» — от греческого «пожиратель»). Но история возникновения и развития фагизма полна драматических коллизий. Были, к примеру, даже времена, когда фактические единомышленники, разделенные только государственными границами, начинали видеть друг в друге идейных антагонистов, и это порою приводило к кровопролитным войнам. Самое печальное случилось к концу раннего периода истории фагизма — началась повальная массовая деградация землян, и подавляющее большинство жителей планеты окончательно разочаровалось в нем как в высшей философии бытия вообще и социального в особенности. Эти, с позволения сказать, «существа разумные» предпочли вернуться в историческое детство, к необратимо дискредитированной реальностью «общечеловеческим ценностям», а также прочим интеллектуальным извращениям, гнилой интеллигенции. Нет худа без добра. Верные Идее будущие човекофаги всех стран действительно, наконец, объединились. Первые адепты, солидаризировавшиеся независимо от геополитических, расовых, национальных и иных отличительных признаков, вошли в летопись фагизма под именем протофагов. Их идейная убежденность была сильнее любви, братства, дружбы и прочих когда-либо соединявших землян связей. Естественно, ведь сама Идея — возвышенна, чиста, благородна, прекрасна, смела, универсальна, бессмертна...

«Возвышенна, чиста, благородна... — повторил Омикрон-3113М. — Но разве существовал когда-нибудь кто-нибудь, борющийся за что-нибудь, кто считал бы свои цели и побуждения измененными, грязными, неблагородными? Вот я недавно, соучаствуя в ЗЖ-передаче, был грабителем-убийцей, так меня вдохновлял лозунг: «Грабь награбленное!»... Внутренний голос бесцеремонно ворвался в его мысли: «Опять не туда заносит?..» — и молодой человек, спохватившись, вчитался-вслушался в следующий абзац СКИФ: «Квинтэссенция фагизма проста — человек обязан быть счастливым, ибо рожден для счастья, как птица для полета. Далее. Не желать себе счастья — противоестественно. Эрго, задача состоит в том, чтобы заставить всех быть счастливыми...» Омикрон-3113М, вновь поддавшись скверной привычке нести отсебятину, взволнованно подумал: «Обязан» и «заставить» — вот в чем изюминка Идеи протофагизма, а значит, и фагизма! Дальше там идет: «Единственный путь ко всеобщему счастью — всеобщее равенство». Я эту важнейшую подыдею полностью разделяю. Поголовное равенство — очень даже правильно. Не может быть счастья, обыкновенного покоя быть не может, когда кто-то живет не так, как ты. Если он лучше — тебе завидно. Если ты лучше, то постоянно помнишь, что он завидует и рано или поздно сотворит какую-нибудь пакость...» Омикрон-3113М помрачнел при мысли о такого рода возможных недоброжелателях и врагах Идеи вообще. Не надолго — СКИФ перешел к эпохе Возрождения. «А не следовало ли, — вдохновляясь, предположил неумный молодой фаг, — назвать это неофагизмом? Мне кажется...» Внутренний голос переспросил: «Больше тебе ничего не кажется? Поменьше мудрил бы!» СКИФ повествовал уверенно и твердо: «Но тяжкие испытания лишь укрепили решимость протофагов до конца бороться за Идею. В ту славную пору из уст в уста передавалась песня — политический манифест самых стойких, последовательных, или, как они называли себя с присущей старой гвардии легкой самоиронией, «твердокаменных», «несгибаемых», «непробиваемых»... Гордые, проникновенные слова:

Всех победим на суше и на море!
Нам не страшны «теории» врага.
Наш Идеал — противникам на горе —
Мы пронесем через миры и века!

То не был пустопорожний плакатный вызов. «Твердокаменные» не стали размениваться на мелочи, пытаться в последнем решительном бою стереть врага с лица Земли, чтобы на освободившемся месте построить принципиально новый мир. Они предпочли навсегда покинуть планету, тем более что, доведенная до ручки НТР и НТП, она дышала на ладан. Земля не препятствовала протофагам. Напротив, позаботилась оснастить космоковчег на славу, дабы у экипажа не возникло желания возвратиться... Омикрон-3113М почувствовал — его озарила действительно глубокая мысль: «На этом переломном этапе обнажились корни конфликта. Наши идеологические противники не сумели воспринять архи-конструктивную идею: строить будущее необходимо по тщательно продуманной, научно обоснованной программе, планировать каждый шаг, мысль, чувство, побуждение, слово, жест, взгляд... Вообще все досконально планировать и неукоснительно выполнять! Что ж, тех, кто не с нами, нефагов, можно только пожалеть...» Он вдруг ужасно перепугался, сообразив, что сгоряча одним махом нарушил еще две заповеди Морального кодекса. Овладев собой, проанализировал ситуацию и отчасти, точнее — ровно наполовину, успокоился. Одна из заповедей гласила: «Жалость унижает человекофага. Никогда никого не жалеешь!» Вышло, ничего страшного. Он пожалел тех, кто не дорос до фагового состояния, для сограждан в нечаянном движении души оскорбления нет; следовательно, указанная заповедь им не нарушена. Но вторая сурово констатировала: «Кто не фаг, тот враг. Если враг не сдается, его уничтожают». А он, вместо того, чтобы уничтожать врагов, жалеть их вздумал! Хотя, жалея, тем самым унижает... «Что же мне делать, — мысленно в отчаянии вскричал Омикрон-3113М, — унижать или уничтожать?!» Не найдя ответа, тяжело вздохнул, пошел переосмысливать Сжатый курс дальше.

Теперь перед ним оживали исключительно светлые страницы прошлого. С момента старта космолайнера

«Принципиальный», которому по совершенству не было равных, началась новая эра в летописи фагизма. Фаги почти всех стран, соединившись на борту «Принципиального», с первой минуты полета обрели беспрецедентные возможности для проведения новых экспериментов разного рода и построения на их основе новой жизни в новом пространстве-времени.

Чудесный был лайнер: полное жизнеобеспечение, рассчитанное на неограниченный срок; саморазвивающиеся универсальные роботы, и среди них штурманы-навигаторы, на протяжении всего пути неуклонно направлявшие галакорабль напрямик в светлое завтра... Вновь воодушевляясь, Омикрон-3113М бережно восстановил в памяти сердца и ряда других органов главные характеристики исторического рейса: ясные задачи, определенные цели; беспредельная преданность всех и каждого Идее в целом и составляющим ее принципам в отдельности; непоколебимая уверенность в завтрашнем дне; организационная сплоченность членов экипажа; успешное развитие процесса формирования высшего типа человека — человекофага.

...Взяв экипаж «Принципиального» на полное попечение, роботы избавили его от докучных повседневных забот. Освобожденные даже от необходимости умываться, чистить зубы, стричь ногти и прочее, фаги-первопроходцы, едва стартовав, возобновили борьбу за Идею. Они взялись за дело с тем большим увлечением, что к концу их земного существования этот процесс протекал довольно вяло, поскольку уже никто не хотел с ним связываться.

«И-д-е-я!» — просмаковал Омикрон-3113М. Пытливый мыслечувством явилась ему цитата: «...Реакц. И. искажают действительность, выступают тормозом обществ. развития. Передовые И., верно отражающие обществ. бытие и выражающие интересы рев. классов, способствуют обществ. прогрессу»¹. Он вспомнил: «Будет солнце — будет свет. Не будет солнца — не будет света». Благоговейно отметил созвучность, почти тождественность разделенных тысячелетиями силлогизмов. Снова горячо возблагодарил судьбу: «Какое счастье, что я родился пра... правнуком представителей рев.

¹ Советский Энциклопедический Словарь, 1981.

классов, исповедующих передовые И., верно отражающие обществ. бытие!..» Теперь молодой человекофаг всем нутром стремился в гущу так называемой нюансовой борьбы, которая уже к полудню первого дня космического полета развернулась на борту «Принципального» и обострялась с каждым часом, каждым парсеком... Ньюансовая борьба сменила массовую, последовательно проводимую протофагами еще на Земле и тоже непрестанно обострявшуюся, особенно после очередной победы.

СКИФ научно обосновывает объективную неизбежность массовой борьбы: «Первое. Нет в жизни благороднее цели, чем всего себя, до последней капли крови, отдать служению Идее. Но единственно приемлемый для фага способ служить Идее — самоотверженно и непримиримо за нее бороться. Второе. Борьба без противника — нонсенс; чтобы служить Идее, надо иметь перед собою ее врагов. Третье. Кажущееся отсутствие последних не должно вводить в заблуждение. Противники всегда найдутся, надо только хорошенько поискать. Дальнейшее ясно: выявив врага, разоблачить его и обезвредить!»

Омикрон-3113М пылко в душе вскричал: «Ну, конечно же, так и только так! Если явных врагов нет, их следует найти — где угодно, во что бы то ни стало. Найдя, доказать, что они враги, и... Эх, опоздал, опоздал я родиться, не то показал бы этим инакомыслящим! Наш долг — бороться, бороться и бороться. Иного не дано. Жизнь вообще есть борьба. И счастье тоже борьба. Долой умников, которые пытаются объяснить мир. Задача состоит в том, чтобы переделать его, — понятно, по нашему разумению!.. Кадры решают все. Фагочеловек — самый ценный капитал. Из фага получают лучшие в мире транзисторы, резисторы, диоды, триоды, аноды, катоды... Далее. Пусть сильнее грянет буря! Экономика должна быть экономной. Не поступлюсь идеалами, сохраню сердце холодным, а голову горячей, лучше жить стоя, чем умереть на коленях... Что-то не так? Ничего, ведь я от всей души. — На всякий случай демонстрируя перед КИ силу убеждений, вслух отчеканил: — Собственность — это воровство!» Но исповедник промолчал. Пришлось опять уйти в историю.

В Сжатом курсе тщательно проанализирована при-

чинно-следственная связь между перемещением фазетского движения в космическое пространство и трансформацией массовой борьбы в нюансовую. Хотя «Принципальный» был невиданно громаден, он не мог вместить всех желающих. Уже ввиду этого борьба, развернувшаяся в полете, никак не могла достичь массовости. По той же причине на борт было суждено попасть исключительно избранным. Не нашлось, естественно, места не только противникам Идеи, но и способным поступиться даже миллиграммом принципиальности. Между тем служение есть борьба, а бороться без врагов невозможно... Так вот, нюансовая борьба, являющаяся качественно высшей фазой борьбы массовой, оказалась закономерной в условиях космического перелета, потому что: а) при отсутствии прямых противников и даже мало-мальски сомневающихся существовала единственная возможность служить Идее — отстаивать принципы на уровне подпринципов, подподпринципов, т. е. именно нюансов; б) экипаж объединил протофагов со всех континентов Земли, и, следовательно, на борту не могли не возникнуть, как отголоски прежней разобщенности, хотя бы минимальные разногласия, а потому было за что, против кого и с чем бороться; в) характерной, особенно привлекательной чертой нюансовой борьбы стало следующее: каждый воевал с каждым и против всех, а все — друг с другом и против каждого. (В этом месте Омикрон-3113М, у которого зачесались руки, воинственно подумал: «Вот это да! Все против каждого, каждый против всех... Словом, один на всех, все на одного — здорово!»). Вместе с тем за многие века полета не было пролито ни капли крови. Неудачники, потерпевшие поражение в борьбе за те или иные идейные нюансы, просто оказывались за бортом — как в переносном, так и прямом смысле. Пучителен и метод регулирования численности космических путешественников. Периодами она падала до угрожающе малых величин. В такие критические моменты специальным декретом корабельного правительства отменялись любые политические акции, перед коллективом звездолетчиков и звездолетчиц ставилась единственная задача: все силы — на воспроизводство народонаселения! Достижения в области соответствующих наук плюс стремительно растущее гражданское самосоз-

вание, общий энтузиазм со временем позволили сократить сроки решения этой проблемы вчетверо против земных. Правда, таково было наивысшее достижение — природа есть природа. После стабилизации демографической ситуации нюансовая борьба возобновлялась и быстро достигала небывалого ранее обострения.

...Вновь не вытерпел Омикрон-3113М, тонко улыбнулся: «Какой прекрасный парадокс! Никто, кроме единомышленников не смог бы бороться за Идею так неистово страстно и яростно. А в итоге выкристаллизовывалась все более чистая Идея... Параллельно вершилось великое дело: закаляясь в перманентном ожесточенном противоборстве, фаги становились все принципиальнее. Именно благодаря одержимости, с которой наши праотцы и старшие прабратья дрались между собой за Идею, она столь глубоко внедрилась в наши гены, а нынешнее поколение фагов живет-таки при фагизме!..» Вспомнив о генах, он опять с прилежным вниманием обратился в слухозрение.

К необитаемой планете, ставшей местом посадки «Принципиального», привели штурманы-автоматы. Однако, если учесть, что компьютеры были идеологизированы до последнего полупроводника, ясно: и здесь решающая роль принадлежала фагистской Идее, ее созидательному потенциалу. Идея привела фагов именно на Фаг, позволила обнаружить ее — песчинку в звездном океане — среди мириад небесных тел... Не дает ли оснований подобное вещественное свершение для однозначного вывода: по сути, планета была сотворена Идеей? А отсюда следует вывод-обобщение — подлинно плодотворные идеи в процессе развития материализуются, сами конструируют реальность.

Идея сделала идеальный выбор. Фаг была безжизненна, неведомо где расположена и достаточно мала, скорее не планета — крупный астероид. Сочетание таких благоприятных условий обеспечивало абсолютную чистоту эксперимента, гарантировало защиту от происков внешних врагов, предотвращало возможность появления внутренних... Роботы занялись наведением порядка во вновь открытом мире. Люди остались на борту — доделывать кое-какие дела. Задача была ответственной, предстояло определиться в качествен-

ных и количественных параметрах первого поколения хозяев планеты.

Процесс носил комплексный характер. Немедленно после посадки был декретирован и начался бурный всплеск рождаемости, дабы было из чего выбирать. Роботы — анализаторы меры восприимчивости к идеологической сыворотке молниеносно производили искусственный отбор, отсеивая неперспективных младенцев. Беспрецедентно обострилась нюансовая борьба, вступившая в завершающую стадию. Когда выяснилось, что Фаг такова, какова она есть, возник вопрос — хорошо это или плохо? Значительная часть первопроходцев утверждала, что хорошо, ибо позволит начать строительство новой жизни с «чистого листа», избавит от нужды искоренять разного рода родимые пятна проклятого прошлого. Другая часть утверждала: пресловутая *tabula rasa* — конечно, неплохо. Но допустимо ли с позиций научного фагизма, фаговой этики, браться за созидание нового мира, предварительно не разрушив основания старый?.. Это был воистину «последний и решительный», тем более что противоборствующие силы оказались практически равны и по численности и по уровню идейной убежденности. Восторжествовала, естественно, историческая справедливость, победили те, чье дело было правым. Поражение потерпели ренегаты и оппортунисты, по доброй старой традиции клейменые «сторожевыми псами антифагизма» и «агентами влияния». Отныне и навсегда исчезла почва для каких бы то ни было конфликтов и противостояний. Ядро будущей ФАГ сложилось абсолютно здоровым, ведь оно сформировалось не в результате позорного компромисса или ненадежного консенсуса, а в итоге борьбы не на жизнь — на смерть. (Как и на протяжении всего полета, она проходила совершенно бескровно: Фаг-тс была лишена пока атмосферы). «Интересно, — подумал Омикрон-3113М, — кто же все-таки победил?» Ничемное любопытство заглушили мощно прозвучавшие в звукотексте СКИФ гордые ноты: «Примечательно, что фаги — даже заблуждавшиеся в ряде теоретических нюансов — достигли к тому времени настолько высокого уровня сознательности, что уже без посторонней помощи, стремясь внести посильный вклад в общее дело, с достоинством и охотой покидали корабль». И он

решил: «А какая разница? Главное — истина победила! Далее. Готовность пожертвовать собою и остальными во имя Идеи суть определяющее свойство фагочеловека. Если фагизм, в лице Тройки К, говорит «надо», фаг отвечает «есть». Возвышенные «священный долг», «вперед и вверх», «ФАГ — это мы» и др. составляют неотъемлемую часть нашего «я». Они внедрились во все фагово существо: в сердце, душу, мозг, в том числе костный, в печень, почки, легкие и желудок. Ничего удивительного — родился новый тип... Фагочеловек проходит, как хозяин... На том стоим и стоять будем, тем и сильны... Нам нет преград! Р-разрушим-нарушим, обрушим-сокрушим... нет, сокрушим!.. А? Что?..» К-кровать качнулась под ним, заколыхалась. Омикрон-3113М рассердился. Но понял, что мебель ни при чем, что у него голова закружилась. Торопливо наводя порядок в психофизиологическом состоянии, подтянулся внутренне и внешне, распрямился — руки по швам, пятки вместе, носки врозь, подбородок задран, — точь-в-точь солдат в строю, только навзничь лежащий. Полностью восстановил было душевное равновесие, да ноги опять вылезли за край типового, на нормального гражданина рассчитанного к-ложа, — отрезвили, грубо напомнили о собственном и его в целом уродстве... Сделалось горько-горько. Он сумел преодолеть секундную слабость. Сжатый курс, коль скоро к нему обратился, надо пройти до последней звукоточки.

Итак, роботы обживали девственную планету, а в отсеках «Принципиального» полным ходом создавалась первая во вселенной Формация абсолютной гармонии, и процесс близился к завершению, всего-то дел оставалось на три-четыре поколения. СКИФ подчеркивает: сбывалось абсолютно все, предначертанное классиками фагизма. Изживали себя рудименты государства. Всякого рода своды законов слились в единый Моральный кодекс гражданина ФАГ, и само название весьма красноречиво. Если действенность юридических законов обеспечивается правом, подразумевающим применение против преступников насилия, то заповедь МК есть норма нравственная, свято ее блюсти — внутренняя потребность члена общества. Иначе говоря, верность Моральному кодексу — одновременно святая обязанность и непреложное право личности... Тут Омик-

рон-3113М перелистал одним махом с десятков страниц Сжатого курса, пробежал в уме ряд ведущих законов общественной жизни и природы, которые были творчески переосмыслены фагами-учеными. Вспомнились принципы: неизбежности победы фагизма во всем космическом пространстве (с предварительной реализацией его идеалов в рамках отдельно взятой планеты); фагистского реализма в ЗЖ-соучастии; вытекающего из самого понятия «фаг» утверждения отрицанием, или построения разрушением; идеологизации экономики, политизации квантовой механики, расприватизации частной жизни, а также коллективизации личностных признаков путем распространения положительных и подавления отрицательных; научного регулирования смены дня и ночи, времен года, обмена веществ в организме фагочеловека... Затем он заглянул в самый конец Сжатого.

...По бесчисленным ячейкам «Принципиального» разносится: «Время лозунга «Цели ясны, задачи определены» кончилось. Отныне мы говорим радостно, гордо, уверенно: «Задачи решены, цели достигнуты!» Люки распахиваются. Глазам покорителей пространства—времени (точнее, пра... правнуков тех, кто покорял) предстает осуществленная мечта сотен фагочеловеческих поколений.

Яркое, без всяких там пятем, протуберанцев, искусственное солнце. Стройные шеренги абсолютно одинаковых многоэтажных безоконных домов. Фагов флаг над уходящими за горизонт башнями строений, где уже разместились Коллегия компьютерных координаторов. Второй фагов флаг — над центральным распределителем питательных таблеток, оплотом бесперебойного функционирования социальной системы ФАГ... Роботы, достигшие в саморазвитии поистине фаговского размаха, горели желанием сотворить что-нибудь грандиозное — все равно что, но непременно ставящее фагочеловека превыше всего, и в первую очередь природы. Поначалу они растерялись. На мертвом космическом теле не было даже рек, которые можно повернуть вспять, не говоря уже о морях, чтобы осушать их. Однако для Тройки К, наследницы основоположников, не существовало неразрешимых проблем. Планета, с момента образования вращавшаяся слева направо, закружилась в

противоположном направлении. Попутно было введено декретное время. Ведь без времени не может быть регламента, а без регламента нельзя управлять и руководить... И так далее — в соответствии с Идеей.

Отзвучали заключительные аккорды древнего фангистского гимна. Без паузы родился, поплыл над планетой могучий бас фабрично-заводского гудка — милым сердцу ветеранов воспоминанием, заставившим их встрепенуться в генах далеких потомков, где они обрели бессмертие. Замерли подавшиеся в едином порыве вперед двести тысяч переселенцев. За ночь выросшие на запылях к-исповедники проинформировали: скоро появятся антигравитационные платформы, повезут терапевтов трудиться. Но прежде надо отдать последний долг последнему Главному фагу. Он довел дело до конца, и сегодня, за несколько минут до восхода квазисолнца, включения искусственной биосферы, выполняя распоряжение ККК, роботы ненадолго высунули его из «Принципиального»... Главный останется жить во всем, что будет составлять реальность Формации абсолютной гармонии: соразмерно личным заслугам он преобразован в дополнительную печатную схему (резисторы, конденсаторы, катушки индуктивности и т. п.) — первый шаг в дальнейшем саморазвитии микроэлектронно-белково-кристалло-организма Коллегии компьютерных координатов. Тройка К отныне будет из года в год, из века в век непрерывно расти как в качественном, так и в количественном отношении. Любому человекофагу в свое время достанется место в этой величественной конструкции. Поповские бредни о загробной жизни опровергнуты навсегда, а бессмертие — вот оно, вполне материальное, и каждый получает свое в соответствии с тем, что он сделал для Родины в бытность фагом, насколько точно и охотно следовал заповедям МК... Траурно-ликующий рев гудка обрывается и тут же звучит с новой силой — теперь уже призывом не теряя времени начать новую жизнь в новом мире.

...« — Ну, как ты, как?!» — в телепатическом голосе КИ, возникшем в мозгу Омикрона-3113М, едва тот рывком сбросил ноги на пол, звучали тревога и надежда.

— Долго я... провалялся?

«— Да нет же, всего-то, как говорится, ^{ничего!}ничего! Ведь не читал и не слушал даже — сопереживал...»

Издав короткий неприятный смешок, Омикрон-3113М осведомился:

— Сколько там осталось до этого самого ЗЖ?

«— Почти два часа целых. Сможешь исповедоваться без всякой спешки, в полное свое удовольствие. Начнем?»

Вместо ответа молодой человек извлек из набеюшного кармана бомбоньерку, небрежно сорвал красивую блестящую обертку, сунул в рот шоку с ладкой, потянулся за второй, потом еще, еще...

«— Ты что? — пискнул КИ растерянно. — До... до исповеди?!»

— А почему бы и нет? — ухмыльнулся хозяин, захихивая в лоснящийся рот девятую шоко-ладку.

«— То есть как «почему»? — К-исповедник помолчал, не зная, что ответить. Нашелся: — Потому что не положено».

— Да? А кем не положено?

Омикрон-3113М взял новую шоку с ладкой, осмотрел со всех сторон, брезгливо поморщился, швырнул мимо бомбоньерки. Сладко потянулся. Зевнул. И улегся опять в к-кресло — так решительно, что оно скрипнуло в испуге, срочно превращаясь в к-кровать.

«— Да ты... ты... А как же исповедь?!»

— «Исповедь, исповедь!»! — передразнил патрон. — А я, может, поспать хочу.

«— Ты, кажется, забыл, что без исповеди не будет и ЗЖ...»

— А мне плевать. Ничего вашего не хочу.

Прошло с полминуты, прежде чем КИ смог выговорить:

«— Послушай... Ты подумал, что скажет Тройка К?..»

Послышалось такое ровное, тихое дыхание, что, пожалуй, только кибер с его сверхъестественной чувствительностью был в состоянии его зафиксировать. Омикрон-3113М никогда не храпел во сне, чем также невыгодно выделялся в массе остальных фаголюдей.

Если ему нечего скрывать, почему он не хочет говорить?

Резонный вопрос.

Содержание рапорта к-исповедника Тройке К стало известно Омикрону-3113М лишь по истечении определенного срока, и это хорошо: если бы раньше — мог и не перенести прочих выпавших на его долю испытаний. Привычно свернувшись калачиком, чтобы вместить долговязое тело в к-ложе, погружаясь в дремоту, он обиженно размышлял: «Столько всяческих чудес напридумывали во имя блага человекофага — не могли, что ли, кровать по росту подобрать? Или они, гады, нарочно, чтобы и во сне помнил — какой?.. До чего спа-ать охота...»

Перед ним как натуральный возник Кси-8754М.

По каналу суперэкстренной связи КИ срочно вступил в контакт с непосредственным к-начальством. Шаг был непростой. Пользование спецсвязью допускалось исключительно в чрезвычайных обстоятельствах, к тому же само к-начальство представляло собою весьма тонкое явление в системе киберорганов управления формацией. Применительно к табели о рангах то был чиновник нижесреднего пошиба. Но — приближенный к самому (на служебном аргю — «личник») и, стало быть, наделенный полномочиями выше уровня занимаемой должности. Контакт, понятно, осуществлялся не примитивным телепатическим способом, а посредством радиоволн и еще каких-то излучений. На человеческом языке «беседа» звучала бы примерно так:

КИ: — Имею важное, срочное, сов. секретное сообщение!

К-начальство: — Скажи еще «абсолютно» секретное... Ты понимаешь, что на себя берешь, используя этот канал?

КИ (с рассчитанной дерзостью опытного служаки): — Не маленький, понимаю. И прошу соединить меня непосредственно с Ка-Ка-Ка.

К-начальство: — С Ка... А у тебя все микросхемы в порядке?

КИ: — Информация чрезвычайной важности
речь о служении Идее!

К-начальство (издевательски-назидательно): — А разве речь не всегда идет о служении Идее? Насколько я понимаю, у нас все и все непрестанно служат Идее... Или я ошибаюсь?

КИ (досадуя на себя): — Я не совсем четко сформулировал, спешил.

К-начальство (с убийственным высокомерием): — А надо бы почетче формулировать... когда с к-начальством разговариваешь.

КИ (холодно-решительно): — Хорошо. Формулирую абсолютно четко и точно: речь идет о посягательстве на Идею!

К-начальство: — О... А... А... не преувеличиваешь?

КИ: — Вряд ли ККК одобряют неторопливость в передаче ей информации глобального значения...

К-начальство: — Соединяю. Ты уж смотри там... не слишком...

КИ (ледяным тоном): — Можете не беспокоиться. Всем своим квазисуществом восприняв Тройку К на связи, к-исповедник трепетно начал:

— Дорогая самая народная во вселенной власть Коллегия компьютерных координаторов самой свободной и счастливой в космосе формации — Формации абсолютной гармонии! Я, к-исповедник гражданина ФАГ по имени Омикрон номер 3113 индекс М, созданный в качестве его друга, товарища и брата и, таким образом, призванный до последнего импульса служить ему, а значит, интересам общества, то есть Идее, воплощенной в ККК... в вас... в вам... Простите, сбился!

— Не надо волноваться. — ответили ему мягко, отечески. — Мы все равны перед Идеей. И не во мне она воплощена, а во всей нашей реальной действительности... Да здравствуют рядовые, так называемые «простые» члены формации, от фагочеловеков до верных спутников их жизни и терапотруда! Я провозглашаю здравицу за таких вот незаметных и незаменимых кирпичиков в величественном строении ФАГ, как этот КИ. Не будет солнца — не будет света. Без кирпичика нет стены. Без стены нет строения!.. А теперь, пожалуйста, продолжай.

«Меня назвали кирпичиком, без которого не будет солнца! А Омикрон-3113М говорит: «Отстань» и даже «Иди к черту»... Это мне — незаметному и незаменимому!..» И КИ с ходу ляпнул:

— Мой хозяин — преступник! Потому что преступил заповедь... сразу много заповедей Морального кодекса. Он изменил Идею, поступился принципами, за которые радостно умирали его прапредки. Он изменил ФАГ... в а м изменил! Его надо...

Ответом было молчание. К-исповедник понял, что переусердствовал, зарвался. В общении с начальством, тем более высшим руководством, непозволительно все, что слишком, — даже слишком горячо выражаемая преданность. Главное же, не его миникибернетическое дело решать, что надо и чего не надо. КИ перешел на подчеркнuto деловой тон, сжато и толково изложил о хозяине все, ни одной компрометирующей детали не упустил, ни малейшего нюанса. С неожиданным для электронного мозга мастерством придал доносу форму повеллы: начал с мелочей, хитроумно сложил из них психологическое обоснование неизбежности совершенного хозяином преступления, а информацию о том, в чем оно состоит, приберег для эффектной концовки. Высшее руководство Формации АГ узнало, что:

Омикрон-3113М совершил антиобщественное деяние и сутки с лишним даже не понимал этого; как ни в чем не бывало, в ответ на наводящий вопрос заявил, что «приятно было» от содеянного; на следующий день ему и в голову не пришло задуматься над вчерашним, он, видите ли, пытался осмыслить (!) ночные сны; терпотрудился из рук вон плохо — и не испытывал ни малейших угрызений совести; хотел отказаться от выданных, тем не менее, премиальных шоков с ладками (кстати, подобная снисходительность действительно вызывает недоумение), вместо того чтобы принять, сказать «спасибо» и лишний раз задуматься над поистине вечным вопросом: «Что я сделал для фагородины?»; повторно встретившись с фагом, которого сделал невольным соучастником преступления, все еще не осознавал огромной своей вины, зато унизил соотечественника жалостью, выразившейся в радости по поводу того, что последнему на этот раз повезло; и, наконец, главное: в продолжение всего дня, а если учесть сно-

видения, то и ночи, Омикрон-3113М думал, думал и думал! Он думал, вместо того чтобы учиться, учиться учиться... И только к вечеру — теперь даже удивительно, что это вообще случилось, — понял-таки (хотя и с подсказки «внутреннего голоса») страшный смысл совершенного накануне, вроде бы взялся за ум, обратиться к Сжатому курсу истории фагизма...

— Но вы и представить себе не можете, как он мысленно комментировал отдельные места, а то и целые главы Сжатого курса, не говоря уже о том, в каком направлении работала его, простите за выражение, мысль в течение всего этого дня!..¹

Дальше в том же духе: засоряя эфир подлым потрескиванием и придыханием, с потрохами продавал властям предержащим бедного Омикрона-3113М — и сладострастно упивался удачно состряпанным доносом. Покончив со вступительной, большей по объему, частью, выдержал интригующую паузу — не слишком длинную, дабы не вызвала раздражения, — излучил, заранее ликуя в предвкушении бури:

— Разрешите перейти к архиважнейшему?

— Не надо, — последовал обескураживающий ответ, — достаточно. Остальное известно и предельно ясно. — ККК непонятно добавила: — Кадры не только решают, но порой и предрешают..

КИ, чье авторское самолюбие было жестоко унижено, понял: его стукаческое произведение, которым он так гордился, не получит достойной оценки. У него вырвалось:

— А я, выходит, уже не кадр?!

— Кадр, кадр... Кстати, весьма удачная, оригинальная находка — выдавать себя за внутренний голос и таким образом дополнительно отрезвляюще воздействовать на фага, подверженного детской болезни левизны или головокружению от успехов. Молодец!

— Служу Формац... абс... гар-р-рмм!

¹ Ну, конечно же, к-исповедник с детства морочил Омикрона-3113М, притворялся, будто понимает лишь устную речь (впрочем, так же поступали все его коллеги — КИ остальных 199999 граждан ФАГ); на самом деле очень даже хорошо читал мысли, чувства и побуждения доверчивого, ничего не подозревающего хозяина.

Застонал, глубоко, продолжительно вздохнул. В сне Омикрон-3113М, на подвижном его лице отразились удивление, радость, сменившаяся недоумением, разочарованием, растерянностью, затем — тоска, злость, брезгливая жалость, опять удивление, теперь безмерное... Искусно скрытое в циферблате к-исповедника оптическое устройство (разумеется, и о нем не подозревал ни один фагочеловек) мгновенно зафиксировало это через ограждение на кольцевом экране Зеркала Жизни; последнее, включенное или выключенное, выполняло и такую функцию. КИ негодуяще, но вместе радостно, так как мог лишней раз продемонстрировать преданность ФАГ, а главное Тройке К, отреагировал без промедления:

— У него опять сон! Если бы вы знали, какой ему сон снится!..

Замухрышка Кси-8754М, явившийся Омикрону-3113М, едва тот уснул, вовсе не выглядел замухрышкой. Желтые, как у всех стопроцентных фаголюдей, глазки торжественно отливали янтарем, толстая отвисшая нижняя губа казалась еще толще, потому что отвисала сильнее обычного (верный признак душевного равновесия, внутренней гармонии, удовлетворения и гордости собой), а в осанке появилось нечто величественное — добавилось красивой сутулости, ноги словно бы скривились больше, живот заметно зырос. Однако не это заставило Омикрона-3113М удивиться во сне. Он подумал: «В третий раз подряд встретить одного и того же фага?.. Чудеса!» Приглядевшись, с трудом удержался от смеха. Величественность осанки происходила от чудовищно выросшего живота, а живот выдавался из-за бомбоньерок, набитых в брюшной карман.

На немой вопрос Кси-8754М с достоинством обронил:

— Заслужил.

— Неужели столько натрудотерапевтил? — изумился Омикрон-3113М.

— Какой там терапотруд! Сказано тебе: заслужил.

— Разве можно заслужить, не заработав?

— А ты думал! — свысока и загадочно ответил Кси-8754М.

— Но как?

— «Как», «как»... Тоже мне — закакал, — скала-
ибурил и в восторге от собственного остроумия зар-
жал этот хам. В его голосе зазвучали обличительные
нотки: — Лучше сам объясни, что на тебя нашло вче-
ра? Почему посмел наплевать на исповедь сегодня,
обожрался шоками-ладками во внеурочное время, не
желаешь жить всамделишной жизнью? Не кажется ли
тебе, что ты играешь с огнем, поступаясь все новыми
и новыми принципами, усугубляя свою и без того тяж-
кую вину перед родной формацией?..

Неправдоподобно грамотное построение фраз за-
ставило Омикрона-3113М усомниться в реальности про-
исходящего. Типичный фаг довольствуется обычно ци-
татами из Морального кодекса или идиотскими штампа-
ми вроде «А не врешь?», «Ну!» в смысле «да», «Вот
дает, а!», «Сам дурак». Усомнившись, он осознал, что
видит все во сне. Но не проснулся, наоборот, сразу
опять забыл, что спит, принялся добросовестно объяс-
нять собеседнику мотивы своего поступка.

— Понимаешь, — говорил, тщательно подбирая
слова, способные выразить то, чего и сам по-настояще-
му пока не понимал, — я всю жизнь был абсолютно
убежден: живи по заповедям МК — и все всегда бу-
дет в порядке. Но представь, что тебе очень хочется
сделать нечто, а оно прямо противоречит принципам
ФАГ... Вместе с тем ты совершенно уверен: это совсем
не плохо, напротив — благородно...

— Чего? — услышал он. — Благо... А дальше
как?

Презрение, прозвучавшее в реплике, глумливые нот-
ки, которыми Кси-8754М ухитрился заполнить ее, обо-
злили молодого человека.

— А вот так! Жалко тебя, дурака, стало, отдал
бомбоньерку — преступление? Потому только «пре-
ступление», что кто-то когда-то объявил: «Кто не
работает, тот не лакомится»?.. А еще раньше — отсю-
да и заповедь эта пошла — было: «Кто не работает,
тот не ест». Соображаешь? Вообще не ест! Так в
Сжатом курсе сказано. Но если кто-то не может — по
старости, болезни, от чего-нибудь еще — работать, зна-
чит, пусть подышает?!

В ошеломлении от неслыханной ереси и вольнодум-

ства Кси-8754М даже губы, хотя и ненадолго, сомкнул. Думал, думал, так наморщив лобик, что светло-желтые волосы слились со светло-желтыми бровями. Облегченно гоготнул, возвращаясь к нормальному виду:

— Ну ты даешь! При чем тут «поддыхает», «не поддыхает»? Не ест — значит не положено. Кто не работает, тот...

— Хорошо! — мстительно перебил Омикрон-3113М. — Но ты признался, что не за добросовестный терапевтический труд отвалили тебе такую гору бомбоньерок. Как же это понимать — «заслужил»? Чем заслужил?

Кси-8754М, хотя головой доставал молодому человеку едва до плеча, поглядел на него свысока, объяснил без обиняков:

— Так я вчера все-все про нас с тобой своему КИ рассказал и велел Тройке К передать: раскаивается, мол, хозяин от всего сердца и никогда больше не будет!

...Тогда-то и отразилась на нервном лице Омикрона-3113М смесь тоски, брезгливой жалости, огромного удивления. Он негромно уточнил:

— Итак, тридцать сребреников?..

— Тридцать не тридцать, а полдюжины бомбоньерочек к-контролер отвалил. И объяснил, за что именно. И наказал впредь высоко нести гордое имя фагочеловека — в случае чего всенепременно докладывать ККК через КИ о типчиках вроде тебя. А касательно сребреников.. Не тебе, знаешь, болтать о морали. Сам предатель! Заповедь преступил — Идею изменил, изменил Идею — фагородину предал!

За время, пока звучал этот монолог, мучившее Омикрона-3113М ощущение нереальности происходящего достигло предела и, наконец, вырвало его из сна. Во рту пересохло. Мутило. К счастью, шоков с ладками оставалось много. Клин клином вышибают, вспомнил он. Преодолевая тошноту, проглотил разом полпригоршни, и через пару минут полегчало, успокоились мысли. Он усмехнулся: а ведь в неправдоподобном сновидении не было ничего необычного, так и должен был, на месте Кси-8754М, поступить всякий нормальный человекофаг, а они в подавляющем большинстве нормальные... Уже неторопливо съел несколько шоко-ладок дополни-

тельно. После этого безмятежно выслушал вдруг очнувшийся внутренний голос, который с нажимом осведомился: «Будешь ты сегодня исповедоваться или нет? В последний раз спрашиваю...» Отмахнулся от него и заснул, чтобы не просыпаться до утра. Всю ночь опять грезилось что-то тревожно-радостное, светлое. И опять ничего не удержалось в памяти.

К-исповедник, добросовестно докладывавший Тройке К все подробности «беседы» Омикрона-3113М с Кси-8754М, торжествующе сказал:

— Разве я был не прав, добиваясь личной встречи с вами?

— Прав, прав, — успокоили его в том же тоне, в каком произнесли ранее «кадр, кадр...» — Затем: — А что есть наиболее существенное в полученных нами сведениях?

— Разрешите доложить, — излучение КИ так и вибрировало от готовности исчерпывающе ответить на вопрос, — наиболее существенное — и самое-пресамое преступное — состоит в том, что он упорствует в своих заблуждениях... своих преступных заблуждениях!

— Не совсем так. Что есть исповедь?

«Похоже на переаттестацию! — встревожился КИ. — Возможно, речь идет о всем моем будущем...» Он уже хотел попросить несколько миллисекунд на размышление, но вовремя передумал. Вспомнил: Тройка К любит ставить вопросы и самолично на них отвечать.

— Исповедь, — величаво произнес Верховный руководитель, — есть священный долг и неотъемлемое право каждого гражданина ФАГ чистосердечно рассказывать родному правительству обо всех своих действиях и помыслах. Далее? Далее — правильно, с фагистских позиций, оценивать то и другое. Как это делали великие протофаги. А как поступил фаг по имени Омикрон номер 3113 индекс М?..

Интуиция опытного служаки подсказала — теперь ответа ждут от него, и к-исповедник, полный рвения, принялся излагать:

— Омикрон-3113М совершил преступление и даже не понял этого. А когда понял, то раскаялся и обратился к Сжатому курсу... — Тут кибера осенила новая мысль, и он рискнул — правда, почти уверенный, что

риска нет. — Как будто нельзя было, — излучил с хорошо разыгранным негодованием, — обратиться непосредственно к вам — через меня, разумеется, — и получить ответ на все из первых рук!

— Ну-ну...

Окрыленный (если эта метафора применима к «наручным часам»), КИ энергично заключил:

— Сжатый курс не воздействовал на Омикрона-3113М должным образом... Увы, все-таки документ, хотя и всемирно-исторического значения, сухая, так сказать, звукотекстозапись.

— Далее?

— Обращение к СКИФ не только не помогло — усугубило болезненное состояние моего хозяина... надеюсь, бывшего хозяина?

— Да-ле-е!

«Перегнул палку! — понял к-исповедник. — Для служащего пытаться самому решать свою судьбу — нескромность, бестактность, если не наглость». И в панике выналил:

— Омикрон-3113М осквернил основополагающую заповедь МК: «Фаг, расскажи о себе ФАГ!» — отказался от исповеди. Но если ему нечего скрывать от родной формации, то почему он не хочет исповедываться?

И услышал такое, что от восторга едва не сорвался с запястья Омикрона-3113М, не подозревающего, что его в эти минуты предают:

— Архипрекрасно!

— А почему тогда слушали рапорт КИ Кси-8754М? Разве ж я бы не проинформировал подробно и объективно?

— Доверяй, но проверяй, — донеслось до его приемного устройства. Затем — глуше, как если бы говорящий взялся за трубку другого телефона: — Полагаю, другу, товарищу и брату Омикрона-3113М следует воздать по заслугам. Срочно подготовьте проект решения...

К-исповедник понял, что аудиенция закончилась, и трепетно отключился, преисполненный честолюбивых надежд. Судьба хозяина его не тревожила: не было в программе КИ места для прекраснодушных эмоций — сексот он и есть сексот. Самодовольно размышлял: «Ко-

му, интересно, адресовал Высший орган власти последнее распоряжение? Если моему — хи-хи! — непосредственному к-начальству, то здорово. Вот разозлитесь! Откуда ему было догадаться об истинном смысле заключительных слов ККК. А смысл был таков: КИ фага Омикрона-3113М чрезмерно саморазвился. Целесообразно ликвидировать данное устройство как самостоятельное функционирующее, с дальнейшим использованием отдельных его узлов и деталей в интересах формации. Выполнить приказ после того, как будет определена судьба фага-носителя... Через секунду КИ ошалел от радостного изумления, вновь ощутив присутствие в эфире ККК. Он получил ряд важных конфиденциальных указаний и проникся ещё большим самоуважением, сочетающимся с готовностью выполнить их, чего бы это ни стоило, — не ему, конечно, а Омикрону-3113М.

ДВОЕ В ЗЕРКАЛЕ ЖИЗНИ

Я дышу — и, значит, я люблю!

Я люблю — и, значит, я живу!

В. Высоцкий. Баллада о любви.

Третий день начался обыкновенно. К-исповедник прилежно и немного занудливо пропел традиционное «Того, кто вовремя встает...» Молодой человек шагнул в реальность наступившего утра легко и охотно, как в детстве, и, поймав себя на этом сравнении, весело подивился его неожиданности. Фаголюди никогда не вспоминали детство, они даже не помнили, чем было заполнено вчера, и уж тем более не пытались заглянуть в завтрашний день, дни-то ничем друг от друга не отличаются... Так было для всех, но не для него. Потому что он об одном и том же мог думать сначала так, а позднее иначе. Пусть тебя заперли в жизнеячейке и ничего не позволяют делать — дни все равно будут разные, ведь ты мыслишь... Все это промелькнуло в сознании Омикрона-3113М, однако не огорчило, как прежде, лишний раз напомнив о его уродстве. Презрительно

рассмеялся, небрежно нацепил номер, шагнул через порог на подпарившую платформу.

В самом начале сеанса трудотерапии он допустил вопиющий производственный брак: забыв, что программой предусмотрено лежать на спине двигать и махать ногами, принял исходное положение «Руки на пояс, ноги на ширине плеч» — и затеял вращение корпусом. Яростный вой сирены, полыхание красных огней — сигнал тревоги на случай, если кто-нибудь начнет делать что-нибудь не как все, — вызвал в нем поверхностное любопытство, не более. Затем, не обращая внимания на истошные вопли и сполохи, он вернулся к безуспешным поискам конкретностей своего сна... Очнуться заставили свист и гиканье ста девяноста девяти глоток. Омикрон-3113М обнаружил, что стоит один среди всех, лежащих навзничь на матрасиках; освистывая его, они продолжали двигать и махать ногами. Зычный голос к-контролера перекрыл гвалт:

— Пр-рекратить! Забыли, что у фагов собственная гордость?!

После случившегося молодой человек и не старался добиться сколько-нибудь приличных производственных показателей. Когда смена кончилась, нахально подошел к проходной, заранее зная, что заставят вернуться, не выпустят, пока не оттерапевтит задание как миленький.

— Ну-ка пропусти! — бросил шестирукому киберу.

К-контролеровы глазища, вся полудюжина, так и заиграли, перемигиваясь, вспыхивая и погасая, будто алый мячик заскакал по круговому периметру оптического устройства, — это у него называлось «беззвучно смеяться». Успокоившись, КК простецки прохрипел:

— Ну, ты — молоток! Ай да парень... Люблю таких — отчаянных! — Оттянул щупальцем край спецкармана, вторым ловко ссыпал туда пяток увесистых бомбоньерок, третьим дружески подтолкнул пониже спины. — Валяй-жми в свою жизнеячейку. — Предупреждая вопросы: — И не спрашивай — как, мол, за что... Ничего не скажу... — Заранее радуясь собственному остроумию, так и залился смехом — размигался весь. — ...Потому что сам не знаю. Велено — и все. Наше дело маленькое, мы, браток, власть исполнительная, вот и исполняем.

И на этот раз Омикрон-3113М с совершенным безразличием воспринял чудеса, которые еще недавно привели бы его в недоумение. Он не заметил, как добрался до сегодняшней ячейки. Пообедал, поглазел в «окна», подремал в свое удовольствие. Проснувшись, продолжал валяться, и к-мебель, в нарушение инструкций, безропотно оставалась к-диваном, пока сам не сел прямо. Захотелось освежиться, и он принял душ, которого вечером не полагалось. Ни с того ни с сего нарушил еще одно правило — отодрал от себя оба личных номера. Ощувив потребность размяться, походил по комнате. Но не как полагается — вдоль стены по кругу, мелкими шажками, а широко, от души, размашисто меряя жизнепространство замысловатыми зигзагами, резко меняя направление, совершая неожиданные прыжки то высоко вверх — и группируясь, чтобы не врезаться головой в низкий потолок, то в стороны... Вдруг впервые в жизни сделал сальто назад. Пружинисто коснувшись ступнями пола, не задерживаясь, кувыркнулся вперед, уверенно, чисто зафиксировался, победоносно выпрямился, прогнулся, раскинув крыльями длинные руки. Ужасно перепуганный таким трюкачеством, по кошачьи невразумительно пискнул в мозгу к-исповедник.

— Что? — немедленно полез в бутылку молодой человек. — Пора приступать к исповеди?

«— Вообще-то осталось всего...»

— Вы уверены? — последовал язвительный вопрос. — А если я и сегодня не желаю, тогда что?

«— Неукоснительное соблюдение прав человекофага является первейшей заботой Формации абсолютной гармонии и слуги народа — Тройки К!» — выпалил КИ в точном соответствии с указаниями Центра.

— А соучаствовать в программе Зеркала Жизни, — вкрадчиво осведомился Омикрон-3113М, — не запретите ли?

«— Глас народа — глас Божий!» — изрек КИ афоризм, почерпнутый из какой-то ЗЖ-программы, чем весьма насмешил хозяина и добился того, что агрессивности в нем поубавилось. Они даже поболтали о всякой всячине, как в добрые старые времена. Молодой человек был оживлен, то и дело смеялся по мелочам, часто поглядывал на вмонтированный в КИ циферблат хроно-

метра. Он с нетерпением ожидал начала ЗЖ-передач и не понимал, почему. Его друг, товарищ и брат, кое-что, в силу осведомленности о намерениях руководства, знавший наперед, саркастически размышлял: «Пой, ласточка, пой... Поглядим на тебя завтра. Воли ему захотелось! Получишь ее — всю разом свободу: и слова, и мысли, и совести... Со свободой чувств, сновидений, места жительства и дальнейшей судьбы в придачу!» Зеркало Жизни мягко засветилось, родилась чарующая мелодия... Вот она, подлинная реальность бытия!

На экране возникла фага — его, Омикрона-3113М, подруга и верная спутница жизни на весь сегодняшний вечер. Он понял это сразу, поверил всем взволнованным существом. В свои двадцать шесть с половиной лет он, естественно, не мог быть новичком в любви. Согласно соответствующей статье Морального кодекса, право любить, впервые использованное в день восемнадцатилетия, предоставлялось ему уже пять раз — каждые два года, и он понимал толк в подобных вещах. При всех аномалиях нынешнего состояния и поведения, Омикрон-3113М успел благодарно вспомнить, что в этой реалии фаговского бытия особенно ярко и зримо воплощена его абсолютная гармоничность. Ты получаешь возможность любить — страстно и нежно, безумно и трепетно, по-фаговски возвышенно — и одновременно не только без малейшего насилия над собой, но с наслаждением вносишь обязательный личный вклад в обеспечение демографического равновесия на планете... Отметив это в порыве спонтанно возродившегося патриотизма, он начисто забыл обо всем постороннем.

Омикрон-3113М неподвижно сидел в кресле лицом к той части опоясывающего комнату экрана, где сейчас совершалось волшебство. Нарочно зажмурился, мечтательно рисуя в воображении облик той, кого заранее назвал «нежной и неповторимой». Он еще перед первым браком придумал это — с закрытыми глазами дожидаться, пока фага материализуется до конца; почему-то неприятно было наблюдать процесс формирования невесты. (КИ тогда брезгливо заключил: «Извращенец какой-то...»). Вслушиваясь в биение сердца, молодой человек напряженно ждал, когда оно подскажет, что фага, наконец, рядом... Вот она стоит, тихая, любящая, покорная, страстно желая и стыдясь призывно

прошептать: «Я — твоя...» Не глядя, видел очаровательные щелки желтых глаз, кокетливый ежик ~~таких же~~ волос на прелестном шаре головки, соблазнительно выгнутые колесом ноги... Он был так поглощен мечтой, что лишь мимолетно подумал: «Как же так? Не прошло и полгода... Это полагалось мне не раньше, чем через шесть месяцев...» И, опять поддавшись власти безрассудства, которой противоречивым образом покорился после общения со Сжатым курсом, азартно решил: «Будь что будет! А почему и как — не все ли равно?» В мозгу хмельно прозвучало: «Хочу я жить, и жизнью наслаждаться, и пить вино, и женщин целовать!» Подивился: «А это каким манером затесалось в генетическую память?» И уже бесповоротно отбросил лишнее, сосредоточился на ожидании сладостной встречи. Невдомек ему было, что КИ подслушивает каждую его мысль, подглядывает за выражением лица, ловит малейшие движения души и комментирует происходящее с верноподданническим негодованием: «Вседозволенность это, вот что! Больно грамотные стали — думают, анализируют... Ничего, Тройка К узнает — уж я свой долг перед формацией помню и выполняю-перевыполню, не то что некоторые! — будет тебе, диссидент проклятый, космополит безродный, сволочь деполитизированная!..» К-миничиновник не без основания допускал, что его самого в данный момент вполне могут подслушивать, и старался как можно выразительнее формулировать осуждение по поводу антиформационных настроений и поведения патрона.

А Омикрону-3113М было хорошо, как никогда в жизни, и становилось все лучше. Пришла вдруг уверенность: «Сейчас!» Он невольно подался вперед... Однако, к счастью для себя, все еще не глядя.

Фага разительно отличалась от пятерки предшественниц — и это, увы, еще мягко сказано. Тонкое лицо, золотистое от загара; неправдоподобно, возмутительно прямой и столь же маленький нос; ненормально большие, удлиненные к вискам глаза... Особенно отталкивающим был рот, о нем следовало бы выразиться так: не рот — ротик. К тому же неприлично насмешливый, да еще, сразу видно, очень даже способный сделаться твердым, строгим, суровым... О том, как она была сложена, лучше умолчать.

Простаку Омикрону-3113М, не подозревавшему, как его провели, упрямо до сих пор не открывавшему глаз, стало жарко от предчувствия: сейчас фага выйдет из тесного мирка экранной ленты, он поднимется, шагнет, встретит, ощутит в руках живое тепло беззащитных пальчиков, обнимет ее крепко-крепко, и действительность вокруг перестанет существовать, их дыхание смешается, сердца ускоренно забьются в такт... Он отлично знал, что в буквальном, грубо-физическом смысле ничего не произойдет. Где-то в противоположном конце города-государства, где живут и тераютрудятся фаги-женщины, существа с индексом Ж на комбинезонах, которых он и другие фаги-мужчины видят раз в два года, общаются с ними посредством Зеркала Жизни, — где-то там эта самая фага, готовящаяся сейчас обнять его, тоже подалась вперед в просмотровом кресле, трепетно предвкушая, как он, Омикрон-3113М, ласково-властно привлечет ее к себе... А может, и не он. Этого фаголюди не знают, поскольку их осведомленность или неведение на этот счет абсолютно лишены общественно-политического, не говоря уже об идейно-теоретическом, значения. Потому что потом, в результате голограф-контакта, через научно обоснованный срок, эмоциональный взрыв, пережитый двоими в пространстве, замкнутом сплошной лентой ЗЖ-экрана, материализуется в новое живое существо. И никаких чудес — элементарное достижение НТР и НТП, причем довольно устаревшее, пора бы придумать что-нибудь посвежее, более эффективное и экономичное. А пока не придумали, соответствующим компьютерным подразделениям ККК придется отбирать из поворожденных самых перспективных, и через три дня на ручке каждого малютки самовозникнет крошечный к-исповедник... Все это отлично знал Омикрон-3113М, однако ненужное знание мирно дремало в нем и ничему не могло помешать.

Лирическая мелодия преобразилась в ликующий гимн Любви. Молодая фага отделилась от экрана, грациозно ступила маленькой ножкой на роскошный, тоже голографический ковер, предупредительно перед нею разостлавшийся. Омикрон-3113М, все еще с зажмуренными глазами, пылко рванулся навстречу. К-кресло с прозорливой готовностью превратилось в двуспальную кровать, и все было органично в пышном ложе — от

алых розочек на пододеяльнике до игривых рисунков на подносе с бомбоньерками, полными шоков и ладок... А он замер на расстоянии шага от предмета вождедения, потрясенно таращился. Перед ним стоял явно не фаг. Но и не фага! Наконец разобрался — и сделалось горько-горько... Девушка («Почему я подумал «девушка», а не «гражданка» или «фага», как полагается и есть на самом деле?») принадлежала к числу тех несчастных созданий, отклонений от нормы, «белых ворон», к которым он давно с покорным страданием относил самого себя. Зрелище было удручающее. Но Омикрон-3113М, по доброте сердечной, успешно скрыл разочарование, с хорошо замаскированной жалостью поглядел на длинные прямые ноги, тонкую талию гостыи, взглядом знатока оценил остальное... Вновь обожгла обида: «Подсунули второсортный экземпляр, обманули!» На ЗЖ-порождении серебристо переливалось легкое платье, сшитое так ловко, что позволяло сразу увидеть все достойное, как ей, видимо, казалось, внимания. «Даже приличного комбинезона не дали, пожалели! — едва не вырвалось у него. — Потому что сам урод, да?!».

Однако вслух только мрачно произнес:

— Ты кто?

Ее глаза — тоже, между прочим, ярко-синие — округлились.

— Может, все-таки согласишься назвать имя, личный номер? Хотелось бы, знаешь, познакомиться до, а не после... Индекс можешь не называть — и так ясно... кажется, — сострил он.

Она заговорила, и голос оказался под стать внешности: ни тебе чарующей хрипотцы, ни милого повизгивания в нужных местах.

— Рони, — негромко спросила девушка, — что с тобой?

«Новые штучки, — озлобленно подумал он, — какие-то дурацкие сокращения вместо достойного человекафага имени!» Чувствуя, что терпение на исходе, требовательно повторил:

— Как тебя зовут, спрашиваю!

Она было рассмеялась, неловко оборвала смех, с тревогой глядя, сказала мягко, как ребенку:

— Ну хорошо, хорошо. Нина. Ни-на. Правда, ты

всегда предпочитал называть меня «Ни»... — Ее голос дрогнул. — Надеюсь, милые шуточки кончились? Я хотела...

— Ни? Ничего звучит. А номер?

В синих глазах возник холодный блеск:

— Какой еще, к дьяволу, номер?

— Ладно, — буркнул, оторопев, Омикрон-3113М, — не хочешь говорить — не надо. Можно и без номера.

Оцепенение, вызванное горестным открытием, что ему подсунули второй сорт, прошло. Перед ним, неважно какая и в каком наряде, была фага, и к Омикрону-3113М вернулись нормальные мужские чувства. Он шагнул вперед, обхватил длинными руками испуганно попытавшуюся отпрянуть диковинную гостью, поднял как пушинку, намереваясь отнести в постель. Успел признать, что в техническом плане «Ни-безномерная», как он в раздражении уже окрестил ее, была на редкость удачным порождением Зеркала Жизни. Прямо-таки полнейшая иллюзия всамделишности: и гибкая упругая талия, и ощущение тепла, и даже едва уловимый, но до головокружения приятный аромат бархатистой кожи. Только вот досада — непонятно с чего она пойманной птицей забилась в объятиях, будто на самом деле хотела вырваться... Что еще за фокусы?! Но обнаружил: подобное поведение, при всей экстравагантности, несовместимости с правилами приличия, ему нравится. В приливе нежности выговорил:

— Дорогая моя... Последняя и единственная!

Девушка очень ловким движением выскользнула из обхвативших ее рук, отпрянула — и вновь грациозно придвинулась вплотную.

— «Последняя и единственная»? — переспросил мелодичный голосок. — Хочешь познакомиться «до», а не «после»?

При всей живости воображения, среди прочих отклонений от нормы, невыгодно выделяющих его среди остальных фагов, Омикрон-3113М не смог бы себе представить, что такая маленькая ладошка способна на столь увесистую оплеуху. Ошеломленный, он опустился на край терпеливо дожидавшегося брачного ложа... А она упала перед ним на колени, расплакалась по-детски тоненько, жалобно.

— Рони, — говорила она, и худенькие плечи вздра-

тивали в широких ладонях, сжимавших теперь по-иному — утешая, ласково успокаивая, защищая. — Что с тобой, Рони? Что с нами обоими происходит? Поднялась, выпрямилась. Расширившись, потемневшие синие глаза внимательно изучали ячейку жизненного пространства. Спросила потерянно: — Милый, где мы?..

В эфире со скоростью света металась радиоволны или то, что их заменяет на Фаг, — здесь неотвратимо и стремительно разгорался пожар внутриведомственного скандала.

К-исповедник Омикрона-3113М требовал немедленно напрямую соединить его с Тройкой К. Непосредственное к-начальство упиралось с ослиным упрямством. КИ проявлял невиданную настойчивость и нахальство, вдохновляемый ложной идеей установившихся со вчерашнего дня особо доверительных и коротких взаимоотношений с Центром. Заблуждаясь на данный счет, он был прав в другом: секретные указания им действительно были получены; кроме того, невероятная ситуация, возникшая и лавинообразно развивающаяся в жизнепространстве хозяина, требовала неотложных мер. Со своей стороны, непосредственное к-начальство логично рассуждало в том смысле, что нет причин потворствовать амбициозной настырности заведомо обреченного электронно-кибернетического ничтожества. С натренированной профессиональной невозмутимостью личник методично гасил импульсы — требования КИ, монотонно отвечая импульсами-отказами; время от времени он разнообразил их излучениями-штампами, которые на земной язык можно перевести примерно так: «Знакомится со срочной фельдпочтой», «Разговаривает по большому правительственному телефону» или «Первый засел во внутреннем кабинете, сам понимаешь — неловко беспокоить...» Поскольку электронные мозги к-начальства совсем не участвовали в фабрикации стереотипной лжи, оно имело полную возможность с ленивым удовольствием размышлять: «Пусть покипятится напоследок, мне-то его будущее известно в деталях, я даже почти уже уполномочен... Неплохой каламбурчик: в деталях — о том, кого скоро разберут на детали...»

КИ бесновался от ярости и отчаяния. Непосредст-

венное к-начальство лишало его редчайшего шанса с блеском выполнить персональное поручение ККК, и чем черт не шутит, в одночасье достичь заветной цели (каждый к-исповедник мечтает о должности к-личника). Но главное, он все хуже себя чувствует, появились зловещие признаки нечеткого функционирования отдельных микроэлементов, ему уже не по себе... Это самое страшное. Друзья, товарищи и братья фаголюдей запрограммированы так, что их состояние прямо зависит от качества и своевременности информирования властей о мыслях, эмоциях, поведении хозяев. К-исповедник в исступлении соврал:

— Они сказали — в любое время суток надо обращаться!

— «Надо»? — равнодушно отозвалось к-начальство; ему, по уже известной причине, не с чего было симпатизировать какому бы то ни было к-исповеднику. — Х-ха! Лучший в космосе стилист Тройка К никогда не употребляет слово «надо» в подобном контексте. Коллегия говорит «следует». Или «не следует». Например: «Не следует преувеличивать собственную значимость, вообще забывать, кто есть кто»... Не могу соединить — ККК размышляют о благе фаговского народа. Зайдите завтра.

— Завтра?! — захлебнулся КИ излучением. — Да нам грозит глобальная катастрофа! Через миллисекунды ФАГ, а с нею и Фаг, неминуемо...

— Позор паникерам и капитулянтам любого толка! — органно прозвучало в эфире. — Эт-то что еще за базар?

У Верховного органа фаговской власти была неприятная манера внезапно возникать в разных уголках эфира. Постоянно опасаясь его появления, служащие всех рангов — компьютеры различных поколений — находились в перманентном напряжении. Закономерное следствие — высочайшая производительность канцелярско-управленческого труда. Наряду с этим мистическая способность окружала Тройку К дополнительным ореолом всеведения, а значит, и всемогущества.

— Я спрашиваю — что за базар? — повторил Первый с леденящим душу спокойствием. И разразился: — Затеяли, понимаешь, куплю-продажу! «Соедини — не

соединю», «Надо — не следует», «Подавай мне аудиенцию с ККК, не то апокалипсис организую»... Шантаж, да? Используете служебное положение? Базарите, склочничаете, вместо того чтобы работать... Обоих дармоедов уволю — лишу энергопитания! Во имя блага рядового фага.

К-личник мудро молчал, зная, что на ответившего первым обрушивается и первый гнев. Но ему и спешить было некуда. К-исповедник же не мог излучить ни импульса, парализованный страхом — он-то знал, как дорого сейчас каждое миллимгновение.

Досталось обоим:

— Мы работали над новой редакцией Сжатого курса — восемьсот сорок восьмой... нет, сорок девятой. А возможно, сорок шестой... Какая разница? Нас прервали! По-че-му?

И КИ, и непосредственному к-начальству одновременно явилась крамольная мысль: как они могли помешать работе ККК, если Коллегия сама влезла в их разговор? И оба успели погасить непозволительно дерзкий импульс, прежде чем Тройка К его засекла. Встряска вывела маленького кибера из оцепенения. Не тратя времени на объяснения, он взял да и подключил ККК к своему каналу непрерывной связи с хозяином. Центральный орган власти ФАГ изумился, однако промолчал. Вскоре он с интересом спросил:

— Чем это они занимаются?

— Не могу знать! Прикладывают губы к губам... Но зачем — ума не приложу.

— Странно. Вместо того, чтобы нежно и страстно любить друг друга... мы досрочно предоставили ему незаслуженную возможность вне графика насладиться участием в поддержании демографического равновесия на планете, а он ерундой какой-то занимается! Хотя... Если Омикрону номер 3113 индекс М нравится так — губы к губам, то пусть продолжает прикладывать. Главное, чтобы нравилось.—И тут же загремел:—И на этом основании меня оторвали от творческого процесса, в результате которого должен быть внесен... нет, внесен неоценимо — нет, оценимо, но лишь в грядущем! — грандиозный вклад в историографию фагизма, в летопись свершившегося торжества его идей в масштабах отдельно взятой планеты, а также, далее, в программу

их реализации на остальных космических объектах... в солнечных системах... галактиках... — На некоторое время он исчез из эфира. Возвратившись, с огромной силой заключил: — ...В звездных скоплениях, туманностях, млечных путях и во вселенной в целом!

Что-то было неладно. Оба компьютерных служаки, несмотря на разницу положений и острейшую взаимную антипатию, ощущали это. Однако не позволяли ощущению вырасти в мысль — жутко было.

К-исповедник превозмог себя:

— Нет, самое-пресамое глобальное и гуманное в космосе правительство, не на том, о каком Вы подумали, основании. Видите ли... не знаю, как и сказать... в общем... того-этого... — И выпалил: — Дело в том, что она, эта фага, — настоящая!

— Факт — настоящая, — спокойно подтвердил Высший орган власти. — Раз потом дети рождаются, то уж куда как настоящая. И вообще соучастие в передачах Зеркала Жизни есть самая настоящая, всамделишная реальность... Да это любому фагу-сопляку известно, хотя и рано о таком думать! — брюзгливо добавил он и принялся обстоятельно объяснять, странно противореча самому себе (ведь если известно — к чему объяснения?): — Фага-фантом вызывает в фаге-мужчине, облеченном в телесную оболочку, надлежащие эмоции, а его, или неважно чей, голографический двойник в те же мгновения пробуждает в ней — реальной — святой материнский инстинкт. Данное психофизиологическое состояние, в сочетании с одновременно резко обострившимся сознанием своего долга перед Родиной, в результате обеспечивает прирост населения Фаг — разумеется, тщательно регулируемый и контролируемый обществом, то есть государством, а еще точнее — мною, поскольку государство — это Я... нет, Мы... Впрочем, я, кажется, залез не в ту эпоху... — Он раздраженно добавил: — И что за тупицы такие на мою голову? Всякую мелочь им разъясняй, разжевывай, по полочкам раскладывай. И это есть Формация абсолютной гармонии?! То есть гармонического абсолюта... салюта... инвалюта... уютта... О чем, бишь, я толковал?

«Что происходит с ККК?! — синхронно в панике подумали к-исповедник и его непосредственное началь-

ство. — Кажется, он... она... они... — Невероятно, но оба выбрали одно и то же слово: — Свихнулись?!» И здесь их объял ужас. Однако не от сделанного потрясающего открытия, а от запоздалого осознания: забыли самозаглушиться! Забыли — и недвусмысленно антиправительственные импульсы, оглушительно мощные, поскольку наложились друг на друга, открытым текстом ушли в эфир... То, что их неминуемо ожидало, будет, скорее всего, оформлено как несчастный случай, например, самовозгорание на почве пренебрежения правилами техники безопасности... Прошла долгая, как вечность, миллисекунда. Вторая, третья... Они прислушались и не поверили собственным сенсоприемникам: в эфире было ровное, насыщенное мощью гудение. ККК не могла не слышать, но не обратила внимания на оскорбительные излучения подчиненных, пребывала в состоянии безмятежного довольства!

— Она не в том смысле «настоящая»! — вскричал, не выдержав кошмара, КИ. — Она не голограмма, и не нормальная фага, и вообще не наша. Это какая-то необыкновенная женщина. Он называет ее — «девушка». И она — живая. Ее можно убить, но нельзя устранить, убрать с экрана, даже если выключить все на планете Зеркала Жизни!

— Откуда же она в таком случае взялась? — без особого интереса спросил Высший орган власти.

К-исповедник отбросил всякие приличия:

— Да о чем я вам все время толкую?! Не-зна-ю!

— Ах ты не знаешь... А ведь это очень хорошо, просто великолепно, что ты не знаешь! Вот и займись сам, действуй, как говорится, по своему усмотрению... Незнание — сила. Книга — худший подарок... Ты действуй, действуй. А мне пора возвращаться к моей исторической миссии... комиссии... ремиссии... эмиссии... Вот! Можешь так? То-то...

Верховная власть ФАГ исчезла из эфира. К-исповедник с к-личником, который, судя по всему, надолго остался без поручений (кстати, он назывался еще и «порученцем»), не издали ни импульса. Слишком сильным было потрясение. Все-таки воцарившаяся в эфире кладбищенская тишина заставила их чуть позже подумать: «Он... она... Или — они?.. Да какая разница! Наш мудрый, родной и великий сверх-супер-ультра-экс-

тра-максикомпьютер вышел из строя. Что же теперь будет?!»

Молодые люди, сидя на краю нерасстеленной постели, держась за руки, неотрывно смотрели сияющими глазами друг на друга. К-брачное ложе, вконец расстроенное их поведением, не вмещающимся в рамки программы, не знало, что и думать, тем более — что делать.

— Пора, Рони, — сказала Нина. — Я все вспомнила и поняла, а ты пока нет. Но скоро и тебе все станет ясно. Ты веришь мне?

— Я люблю тебя.

— Этого достаточно, — спокойно отозвалась она.

Приходится признать, что осмысленностью выражения лица Омикрон-3113М сейчас больше, чем когда-либо прежде, был близок к эталонному фагу. Однако гражданином Формации абсолютной гармонии он себя уже не чувствовал. Произнеся лучшие в мире слова, Рони решительно поднялся на ноги, увлекая за собой Нину.

— Пошли, — сказал он. — Я, правда, не знаю, куда и как. Но ты знаешь, и я готов.

— Но... — девушка не закончила.

К-мебель оказалась не таким уж примитивным компьютерным устройством — предприняла энергичную попытку вернуть события в нужное русло. Вдогонку людям поспешно выдвинулся игриво оформленный столик, у Рони под носом очутилась целая гора, несметное — жуй-не-хочу! — количество шоков с ладками. Деморализованный соблазнительным зрелищем, он потянулся к бомбоньеркам... Ловкая ручка одним взмахом смела искусительное изобилие с подноса, коричневые фигурные комочки рассыпались по полу, перестуком по твердому изобличая эфемерность голографического ковра.

— Это гадость! — с омерзением сказала Нина.

— Тогда пошли?

И тут в мозг Омикрона-3113М ворвался истошный вопль:

«— Прогони ее! Убей ее, уничтожь!..»

Нина недоуменно смотрела на молодого человека.

Он поднес запястье с «часами» к губам, глухо уточнил:

— Прогнать... убить?

«— Это не фага! Она нехорошая. Ударь ее кулаком в лицо! Или по голове как следует... Нет, лучше задуши, так будет вернее!»

— Убить? — повторил Рони. — Задушить... кулаком в лицо?! Ах ты гаденыш... — И бешено сдвинул к-исповедника в гневных пальцах.

«—С ума сошел! — заверещал КИ.—Покушение при исполнении...» Аллюр четыре креста! — визгливо излучил он уже по другому адресу.

То была формула сверхсрочного обращения к Высшему руководству ФАГ — все равно, что вломиться в покои государя, в будуар королевы, в потайной кабинет диктатора. За четверть века службы к-исповедник даже в мыслях не решался на подобное.

— Что там еще? — не сразу и сварливо отозвались ККК. Сами себе пожаловались: — Лезут, лезут — не дают историю творить! — Выслушав сбивчивый доклад, коротко распорядились: — Расстрелять. — И отключились без каких-либо дополнительных указаний.

— Бесповоротно спятил! — больше не думая об осторожности, высказался прямо в эфир к-исповедник. — Чем я стрелять-то буду? И что он — забыл собственные инструкции? Псих электронный...

Еще недавно все казалось таким ясным. Выполнение правительственного задания представлялось КИ делом не столь сложным, сколь приятным, сопряженным с глубочайшим внутренним удовлетворением. Он отчетливо видел, как будут развиваться события.

Сначала следует разбудить в Омикроне-3113М нужные инстинкты и последовательно повышать накал эмоций; когда Зеркало Жизни сотворит фагу, как можно красочнее расписывать ее прелести, умело обращая внимание молодого человека на всевозможные интимные детали и пикантные штрихи голографического объекта; не забывать о шоках с ладками, если понадобится — в сотрудничестве с к-мебелью подсовывать их хозяйну (коль скоро, ввиду вчерашней невоздержанности, он сам не захочет)... К-исповедник тогда еще подумал о том, какое это эпохальное изобретение — шоки и ладки. Он и его коллеги, пожалуй, как никто другой это

понимали, ибо заветное лакомство фаголюдей очень облегчало выполнение служебных обязанностей. Шоки с ладками благотворно действовали на граждан ФАГ, обеспечивая равновесие между потребностями и мерой их удовлетворения. Компьютерные мыслители уже довольно далекого прошлого мудро продумали, создали и внедрили в практику безотказно действующую систему: наиболее сильный и способный фаг терапевтируется лучше остальных; лучше потрудившийся получает и съедает больше шоко-ладок; а съедающий необходимое количество, как бы ненормально высок ни был его личностный потенциал, всегда остается в рамках типичного... Сделавшееся, тогда еще непонятно почему, словоохотливым Руководство удостоило КИ доверительного разъяснения:

— Видишь ли, фагочеловек есть достояние формации, ее, так сказать, самый ценный капитал. Досрочно превращать его в натуральный «кирпичик» — в конденсатор там, кристаллик какой-нибудь и даже в целую печатную схему — нерентабельно. Почему — это для тебя слишком сложно будет, лучше поставить вопрос в плоскости идейно-этической. И если поставить его так, то получается: вынужденно осуществляемое Перемещение — акт позорной для правительства капитуляции. Проще простого шлепнуть неудачный экземпляр... то есть, я имел в виду — переместить его в иное, высшее, качество. Нет и нет упрощенчеству! Мы идем иным путем. Помочь человекофагу неизменно по всем параметрам соответствовать образцу гражданина — вот в чем состоит наша цель. Ибо сущность любой общественно-политической и социально-экономической идеи есть объединение, а соединить разнородное невозможно. ФАГ — первая во вселенной формация, которая сумела воплотить вековую мечту человечества об абсолютной гармонии, представляющей, по существу, всеобъемлющее единение. Иначе говоря, наше общество есть материализованная Идея фагизма. И поступиться хотя бы второстепенным из составляющих ее принципов было бы преступлением перед прошлым, настоящим и будущим. Мы непоколебимо верим, что в конце концов человечество дорастет до фагового состояния. В противном случае — за что кровь проливали?! ...Иди, дорогой, и действуй.

Тогда к-исповедник Омикрона-3113М, да ~~даже~~ не все понявший, но глубоко взволнованный, праздно усомнился: «А куда я, извините, могу «пойти», если являюсь плотью от плоти запястья левой руки хозяина?». Сразу, правда, сообразил, что то было словечко, застрявшее с незапамятных времен в какой-то периферийной электронно - нейронной извилинке безразмерного мозга Тройки К, затесавшееся в нее из начальных глав Сжатого курса... Это даже немного растрогало КИ, лишней раз напомнив о почтенном возрасте Верховного. «Трудно ему с нами, — посочувствовал он, — ох, как трудно!» Следом опять пришел вопрос, который можно было бы назвать не лишенным юмористического оттенка, если бы он не касался слишком возвышенной темы. Как все же правильнее — «он», «она» или «они»? Если речь идет об аббревиатуре «ККК», то есть подразумевается Коллегия, выходит — «она». С другой стороны, целых три К! Значит, «они»? А когда Верховный, Высший орган власти, когда Первый?.. КИ решил: разве ж в формальностях дело?! Да пусть будет, в зависимости от обстоятельств, и то, и другое, и третье. Главное — добросовестно, с полной отдачей сил трудиться на порученном тебе участке. В сущности, все просто: каждый должен честно делать свое дело, и мы придем к победе фагизма в масштабе всего большого космоса!.. Все ему виделось тогда в розовом свете. И вдруг это маразматическое «расстрелять», и полное его, рядового к-служащего, одиночество перед лицом без преувеличения глобальной проблемы.

К-исповедник лихорадочно искал выход. Он его нашел.

Омикрон-3113М, которому осталось жить несколько минут, впервые за двадцать шесть лет услышал голос своего друга, товарища и брата не в собственном сознании, а так, как слышат шум льющейся воды, звон разбитого стекла, стук захлопнувшейся от ветра двери. Голос этот хлестко ударил по барабанным перепонкам, болезненно отозвался прозвучавшими в нем ужасом, ненавистью, угрозой:

— Не смей этого делать! Я плоть от плоти твоей, сорвать меня — что сердце из груди вырвать... — При всем драматизме ситуации, КИ не удержался, уязвил:

— Сердце, или, как говоришь ты, идеалист несчастный, «душу». Не трогай — умрешь на месте! Слышишь?!

— Лучше, чем когда-либо прежде... Ах, ты мерзкий старый стукач!

— Почему «старый»? — неожиданно обиделся к-исповедник. — Не старше тебя, изменника фагородины великой, еще и на три дня моложе!

— Ну и фрукт — на «стукача» не обиделся, старым быть не хочет, — высказалась Нина. Опомнилась, закричала: — Не делай этого, Рони!

Все крепче сжимая в кулаке своего КИ, этот отвратительный фантом, молодой человек, ощущая растущую боль, дивясь безразличию, с которым думал, что тот, видимо, не врет и избавление от уродливого нароста равносильно самоубийству, бесконечно искренне сказал:

— Прости, Нина, но я не могу. Чего-то не понимаю... или что-то важное не могу вспомнить, и в голове у меня все перемешалось... Зато твердо знаю: не решусь сейчас, не избавлюсь от этого мерзавца — в глаза тебе смотреть не смогу, руки твоей коснуться не посмею. А значит, и жить не смогу тоже. — Он был как никогда уродлив сейчас — высокий, широкоплечий, с прямо-таки синим пламенем горящими глазами, разметавшимися темными волосами, патологически твердо стоящий, чуть подавшись вперед, на длинных, несуразно прямых ногах, — ни малейшего сходства с человекофагом! Что-то вспомнил, гневно потряс обеими руками — мускулистыми, соединенными, так как все крепче стискивал ненавистного к-исповедника. — Ты назвал ее лехорошей?! — рявкнул оглушительно. Почему-то не самый резкий эпитет особенно задел. — Убью подонка!

— Отпусти меня! — взвизгнул КИ так пронзительно, что хозяин ослабил хватку, а девушка зажала уши. Воспользовавшись заминкой, изменил тактику. — Послушай-ка, — почти пропел задумчиво, — ты же умный парень, не чета этим баранам. Понимаешь, что не во мне суть. Я что? Элементарное техническое устройство, посредник, способ удовлетворять твои жизненно важные, властно заявляющие о себе потребности... Ну сорвешь меня, уничтожишь. Но если сам останешься в живых, куда потом денешься? Ты уже не сможешь не

выворачиваться каждый вечер наизнанку, исповедуясь...
— И тепле посоветовал: — Фаг, расскажи о себе ФАГ...
— Сейчас расскажу, — пообещал Рони, нехорошо улыбаясь.

Все-таки он помедлил секунду, зажмурился. И — одним движением сорвал к-исповедника с запястья! Ничего не случилось. Вышло все неправдоподобно легко, просто, даже без каких-либо мало-мальски неприятных ощущений. Только серебристой расплющенной гусеницей сверкнул неведь откуда взявшийся браслет от обыкновенных наручных часов. Молодой человек оторопело повертел их. Вновь взъярившись, бешено от себя отшвырнул. Хотел подальше, однако не удалось, слишком узок был цилиндр жизнеячейки и внутри весь — сплошная лента экрана, вот и угодил в Зеркало Жизни, да как!

Раздались треск, звон, на мгновение явилось ему растерянное, милое, испуганное, но ликующее девичье лицо. Громом прогремело, молнией полыхнуло, ослепило, оглушило... Омикрон-3113М прекратил существование. Он это сделал сам — как и следовало.

А Нине пока было рано, ей еще полагалось через кое-что пройти.

Возник как бы ниоткуда и зазвучал отовсюду жесткий, металлически-холодный, отчетливый не по-человечески, но злобно торжествующий голос. В том, что он говорил, совмещались суждения несопоставимые — Нина знала это из книг и разных иных источников, — опровергающие друг друга. В бредовом, противоестественном единстве смешивались категории, в разные времена декларированные личностями, которых история объявила идейными антагонистами. Мысли, изрекаемые фантомным голосом, не могли не быть взаимно исключаящими, непримиримо враждующими, обреченными на вечное противоборство, — именно потому, что навязывались человечеству под сенью идейных знамен-интиподов. Но они все претендовали на истинность. Голос кибернетического монстра вещал, будто гвозди в мозг вбивая:

— Каждому свое. Кто не терапевтудится, тот не лакомится... Пролетарий не имеет собственности... Законы, мораль, религия являются для него не более как буржуазными предрассудками. Религия — опиум для

народа, Зеркало Жизни — путь к познанию мира и своего места в нем. Будет солнце — будет свет... Мир хижинам, война дворцам! Око за... Нет! За око — два ока, за зуб — челюсть!!! Мы наш, мы новый мир построим... Каждый фаг должен состоять на службе у ФАГ. Непрерывное обострение массовой, а затем нюансовой борьбы есть исторически обусловленная закономерность развития общества. Чем успешнее утверждается Идея, тем острее и непримиримее эта борьба. Убивайте беспринципных, аполитичных, пацифичных, идейно-неустойчивых и вообще слишком много думающих! Чем больше нам по этому поводу удастся расстрелять, тем лучше. Надо проучить эту публику так, чтобы ни о каком сопротивлении они не смели и думать. Убивайте, убивайте и убивайте! Всю ответственность мы, Тройка К, берем на себя. Кто не фаг, тот враг. Незаменимых кирпичиков нет. Инакомыслящие — главное препятствие на пути к торжеству фагизма во все-ленском масштабе. Когда я слышу слово «культура», мне хочется взяться за пистолет... Мы придем к победе фагистского терапевтотруда!..

Вконец растерявшись, Нина словно со стороны наблюдала за тем, как впечатываются в ее незащитное сознание ирреально совмещаемые несовместные дефиниции, — казалось, злобный безумец судорожно выкрикивает без разбора все, что рождается в его воспаленном мозгу. Вот ей захотелось рассмеяться, брезгливо и беззаботно, над этим бредовым потоком слов. Вот она в самом деле услышала собственный смех — сначала пренебрежительный, потом чересчур громкий, несколько напряженный, что ли... Наконец различила в нем нотки истерики... Нина была, что называется, настоящим человеком, иначе не попала бы сюда. Мало того, она все помнила, знала даже, чем это кончится. И все же стало страшно. Не от бесчеловечности смысла каждой отдельной фразы, ужаса, который она утверждала или к которому призывала, а оттого, что в них — во всех! — была единая суть. Девушка содрогнулась, потрясенная этим открытием. Упрекая себя, подумала: «Ну, какое же здесь открытие? Надо бы мне побыстрее соображать...» И ощутила дурноту, затошнило, схватилась за горло, из последних сил рассердилась: «Не хватает еще в обморок перед ним!» Тут голос —

он продолжал что-то каркать, но она уже не слушала, — захлебнулся, сгинул... Его смел иной — ясный, сильный, теплый, хриловатый, до боли знакомый. То, что он задумчиво пел-выговаривал, Нине было известно, и не только это, многое из высокой поэзии, плотью которой были любовь, боль, протест, мужественная ранимость, отважное безрассудство, наивная мудрость, могучее и беззащитное добро...

Когда вода Всемирного потопа
Вернулась вновь в границы берегов,
Из пены уходящего потока
На сушу тихо выбралась Любовь
И растворилась в воздухе до срока,
А срока было — сорок сороков¹.

Удушье прошло, дурнота исчезла, страх пропал. Нина улыбнулась по-детски, вздохнула облегченно, успокоенно. Присела рядом с распростертым недвижимым Рони на к-ложе, и оно повело себя без выкрутасов, нормально, — обыкновенный диван, где можно славно отдохнуть после тяжелой работы. Мягко навалилась большая, но не мучительная усталость, уложила девушку на бок, научила свернуться комочком, подложить под щеку сомкнутые ладони... И пришел крепкий, глубокий, мирный сон. Кончилось все.

Продолжение следует

¹ В. Высоцкий. Баллада о любви.

Молчанье цвета ничьего..

Молчанье цвета ничьего осталось этим веткам,
 Осколки ветреного дня блестят, как зеркала...
 Закат взорвется за горой, а пепел сдует ветром
 В сиянье лунного тепла, вечернего тепла.

И мягких сумерек покой напевно в душу светит,
 И, крылышками шелестя, Бог весть откуда, вдруг,
 В окошко пташечка впорхнет, но в щебете-привете
 Я различаю тень твою, недуг, ночной недуг...

* * *

Не волнуйте эти тайны родниковой чистоты.
 Дайте слухом прикоснуться к неподвижной тишине.
 Дайте слухом прикоснуться к тишине невозмутимой,
 Дайте тишину послушать... И молчание мечты.

Вереницей хладной тени тени-призраки скользят,
 И, обрызганы росой, думы болью пронзены,
 Думы, болью пронзены и обрызганы росой,
 Стих печальный этот в душу никогда не уместят...

Я не знаю — хорошо ли, что так ярок небосвод.
 Все равно хочу я слушать только шепот тишины,
 Слушать все равно хочу я тишины неслышный шепот,
 Солнце будет ли за тучей, или облако пробьет...

* * *

Ждет эти строки лишь печаль — не королевский двор.
 На дубе ветка, как змея, — вон, посмотри во двор.

Я ветерку доверил грусть. Луна взошла так рано.
 Лучом сорвала пелену... Зияет в туче рана.

Я знаю, эти волны так чисты, как горный ключ,
 Сейчас в мечты их обращаю — готов волшебный ключ.

Блаженный цвет долины дум слепяще бел. И зной,
Жду облаков, что в небесах сияют белизной.

Крив позвонок строфы... Снега вступают с вихрем в бой.

Все запорошило вокруг... Часов полночный бой.

Не удержать мне в сердце слез под этой звездной
россыпью,
Царуют звезды надо мной, с цветов осенних росы
пьют.

Та россыпь подарила мне улыбки светоч некогда...
Туман крылатый, где же ты? Неможется? Иль некогда?

На верность проверяет сны тревожным море рокотом.
Его дыхание вблизи. Где волны — голос рока там.

Ждет эти строки лишь печаль — не королевский двор.
Кольшется на дубе ветвь, как змей, — взгляни во двор.

Давиду Агмашенэбели

Казался богом,
Но смертен ты.
Казался смертным,
Но ты же бог.

Твой грозен меч,
Надежен щит,
Велик твой скипетр,
Царь Давид!

Красноречив,
Красив, могуч,
Не меркнет вечной
Славы луч!

Дидгорской битвы
Ветер снова
Не утихает
И просит слова.

Казался богом,
Но смертен ты,
Казался смертным,
Но ты же бог!

* * *

Отдаленность луны и теперь отзывается болью.
Плачут слезы, морозу морозно в морозной юдоли...
Берег сна голубой, как ребенок обиженный, всхлипнет,
Скоро дождик, как манна небесная, в сад мой
нахлынет,

Отдаленность луны и теперь душу колет иглою,
Тихо молятся думы, рождаясь — волна за волною,
Небо ветер обнял листопада мохнатою лапой.
Боль далекой луны... Это дождь за окошком закапал.

Перевод Владимира САРИШВИЛИ

* * *

Солнышко трепет желтым бликом
Своей помпезной и прозябшей руке
А на заборе белом пухлой —
Виделась так, Вдалеке
Резер устроился детский и крутый
Ручьи большие гвардейского марша
Выдуло ветром молочные зуды

Миниатюры

* * *

Я древний сон, я Децебал,
Мое лицо пересекает шрам,
Я дух лесов Родопских гор,
Сатир и фавн,
Меня убил свирепый
Марк Траян.
Теперь я тут, под сенью леса,
Моя душа — посредник Зевса.
И ты, прохожий, налей вина
На мой алтарь.
Я Децебал. Я бывший дакский царь.

* * *

Где мне найти мой ласковый дом,
Восемь акаций, и с битым стеклом
Двор запорошенный, и голубей,
Пса одноглазого, запах дождей.
Чистые улицы, жизнь полосатую,
Город улыбчивый, скатерть помятую,
Сад ботанический, дым из печей
И старичок на коляске ничей.
Древние улочки, свежие булочки,
Теплые лица с утра.
Дети, как мыши, в кривых переулочках,
Лысая с вышкой гора.

* * *

Солнышко греет желтою спичкой,
Свечой поминальной в прозрачной руке,
А на заборе белою птичкой —
Виделось так. Вдалеке,
Череп устроился детский и круглый,
Чуть больше бильярдного шара.
Выдуло ветром молочные зубы,

А кость отбелила жара,
А за забором в доме разграбленном,
Брошенном, жутко-пустом
Рубит подушку острою саблею
Кто-то в бешмете простом и несвежем.

* * *

Я кошка желтая, я тень от фараона,
Я жрица храмэ, и утром молока
Мне служка принесет испуганно-босой,
Я видела паденье Парфенона
И сотни тысяч трупов, зарубленных косою
Прекрасной смерти.
Но утром молока мне служка принесет.
Я тень от фараона, мне почет.

* * *

Я желтый, неуживчивый и злой,
Я жадный, ласковый и теплый, я такой.
Огонь, теперь я огонек,
Малюсенький, усердный старичок,
Живу я в трубке комлевой,
Еда — табак, а вереск — домик мой.

* * *

А над дорогой сон витал,
А по дороге нежный сор от тополей,
А у дороги он не доедал,
Не доживал, не допивал,
Он был рабом у фей.

ТРИБУНА ПИСАТЕЛЯ

Реваз ДЖАПАРИДЗЕ

НЕ К ЛИЦУ!

В номере «Литэратурули Сакартвелო»* от 12 ноября опубликовано интервью с известным грузинским писателем Гурамом Гегешидзе. Сказать правду, я никогда не думал, что у меня могут возникнуть серьезные разногласия с Гурамом Гегешидзе, поскольку я принадлежу к числу тех, кто искренне уважает его талант и высокую гражданственность. И упомянутое интервью пронизано этой гражданственностью, однако с положениями, высказанными в части этого интервью, я не только не могу согласиться, но и имею противоположное мнение по затронутым вопросам.

Если я не ошибаюсь, а я глубоко уверен, что не ошибаюсь, в своем обширном интервью, занимающем две газетные полосы, Гураму Гегешидзе лишь в одном случае изменило чувство меры, лишь в одном случае не хватило аргументов, и если я не скажу об этом вслух, промолчу и отойду в сторонку, я не буду честен и перед ним самим.

Речь идет о той части интервью, в которой Гурам Гегешидзе сопоставляет две личности. Мне трудно говорить о них в одном контексте, но поскольку дальнейшее рассуждение будет попросту невозможно, я назову их имена: это Эдуард Шеварднадзе и — Звиад Гамсахурдиа!

Интервьюер обращается к писателю:

«В Грузии произошла жестокая и позорная гражданская

* «Литэратурули Сакартвелო» — («Литературная Грузия») — газета Союза писателей Грузии.

война. Лучшие представители молодежи целого поколения ушли на эту войну. Многие из них не вернулись.

...страна рушится, и война в действительности идет лишь за восстановление утраченных прав».

Как мы видим, вопрос интервьюера содержит в себе и ответ, хотя ответ несколько туманный.

Кто использует в войне «Грузию как предлог» и кто борется за «восстановление утраченных прав», обе противоборствующие стороны? Правомерно ли обобщить эту мысль и назвать гражданскую войну, полыхающую на грузинской земле, не борьбой за территориальную и этническую целостность Грузии, а «борьбой за восстановление утраченных прав»?

В войне, как во всяком явлении, обусловленном внутренними противоречиями, всегда есть две противостоящие друг другу стороны. И невозможно, чтобы обе стороны преследовали одну и ту же цель.

Гурам Гегешидзе, не комментируя содержащийся в вопросе ответ, заключает: «Грузия не должна стать жертвой борьбы правительств». С этим, на первый взгляд, верным и справедливым положением вряд ли можно не согласиться, — Грузия, конечно же, не должна стать жертвой «борьбы правительств», но прежде всего необходимо четко определить, что это за «правительства», которые борются друг с другом и жертвой борьбы которых оказывается Грузия.

Обратимся к истории вопроса.

Общеизвестно, что в декабре 1991—январе 1992 года в Грузии произошел военный переворот, было свергнуто правительство Гамсахурдиа и власть взял в свои руки Военный совет. Формально Военный совет был незаконной властью, ибо он не был избран народом, однако он имел поддержку народа. Просуществовав без каких-либо эксцессов, Военный совет мирно передал власть Государственному совету. Государственный совет, кроме управления страной, должен был подготовить всеобщие всенародные выборы, на основе которых создавалась бы легитимная власть страны. Группа грузинской общественности пригласила на пост Главы Государственного совета Эдуарда Шеварднадзе. Политик с мировым именем, Шеварднадзе мог, разумеется, отказаться возглавить фактически распавшуюся, изолированную от мировой общественности, катившуюся к экономической катастрофе Грузию, чтобы не создавать себе лишних проблем и, заложив ногу за ногу, жить себе спокойно и безбедно, однако эта страна, куда его приглашали, страна, пребывавшая в столь тяжелом положе-

нии, была его Родина, и он добровольно сунул голову в петлю.

Народ оценил самоотверженность своего сына, и на парламентских выборах 11 октября 1992 года, которые проходили под наблюдением международных экспертов, 96 процентов от общего числа избирателей Республики Грузия избрали Эдуарда Шеварднадзе.

Многопартийный парламент облек его правами Главы государства.

Легитимный парламент, избранный населением Грузии демократическим путем, сформировал легитимное правительство страны, которое признали Организация Объединенных Наций, другие международные организации и более ста государств мира. С Грузией установили дипломатические отношения не одно и не два больших и малых государств. В столице страны, впервые за всю ее многовековую историю, открылись посольства иностранных государств. Были назначены и отправлены полномочные послы Грузии в США и Российскую Федерацию, во Францию и Германию.

Грузия не имеет и не желает иметь другое легитимное правительство, кроме того, которое сегодня существует в республике.

Но в таком случае насколько верно утверждение Гурама Гегешидзе, что в братоубийственной войне, идущей на земле Грузии, якобы борются друг с другом два — или более — правительства, и что «Грузия не должна стать жертвой борьбы правительств»? Где это второе правительство, которое противостоит реальному правительству республики с оружием в руках? Да нигде. Его попросту не существует. Что же тогда представляет собой та сила, которая противостоит законной власти страны, борется с ней с помощью банд наемных убийц и грабителей в альянсе с врагами более могущественными, сила, которая обрекает на смерть и мучения сотни тысяч своих же соотечественников, которая готова в случае неблагоприятного исхода расчленивать страну на кусочки, восстановить феодальный партикуляризм, разрушить духовную целостность Родины, сила, конечной целью которой является «восстановление утраченных прав»? Можно ли называть правительством главарей этой камарильи, можно ставить на одну доску толпу преступников — и людей, самоотверженно борющихся за духовную и территориальную целостность Родины, можно ли называть борьбу этих противостоящих сил с совершенно разными целями «борьбой за восстановление утраченных прав»?

Зачем мы закрываем глаза и затыкаем уши? Не к лицу это нам, нет, не к лицу! Неужели приезд Гамсахурдиа из Чечни в родные края и истерические выступления против единственно законного правительства сбитых с толку людей, требующих чтобы экс-президент и его приспешники вернули себе незаслуженно занятые кресла, равнозначны пребыванию Главы государства в истекающем кровью Сухуми, а потом — в пылающей огнем Мегрелии? Неужели мы настолько растерялись, настолько поддались страсти отрицания всея и всего, что утратили способность отличить черное от белого?

Увы, я все топчусь на одном и том же месте и никак не отойду от второй части вопроса интервьюера и первой фразы ответа на него Гурама Гегешидзе.

И все же я должен здесь задержаться.

Гурам Гегешидзе говорит:

«Совершенно согласен, страна разорвана на части, Грузия не должна стать жертвой единоборства правительств. Тем более, что ни правительство Гамсахурдиа, ни правительство Шеварднадзе не принесло нам счастья».

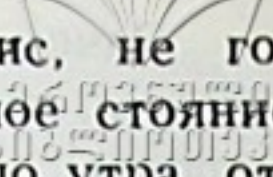
Нет, не похоже это на Гурама Гегешидзе! Ему не свойственны столь поверхностные и необоснованные суждения. Подобные слова можно услышать лишь в троллейбусе, в метро, либо в очереди за хлебом.

Писатель затрагивает сложнейшие и болезненнейшие вопросы нашей повседневной жизни, но, к сожалению, лишь затрагивает, и ограничивается обывательским брюзжанием, вместо того, чтобы светом разума осветить их и дать читателю возможность заглянуть в их суть.

Итак, по мысли Г. Гегешидзе, можно поставить знак равенства между изолированной от международного сообщества, замкнувшейся в своей скорлупе, связанной лишь с Дудаевской Чечней Гамсахурдиевской Грузией и вышедшей на международную орбиту, пользующуюся поддержкой всего передового человечества Шеварднадзевской Грузией?

Не к лицу нам разыгрывать глухих и слепых, это на руку лишь нашим недоброжелателям и льет воду на их мельницу, в чем я никоим образом не могу заподозрить Гурама Гегешидзе.

Вышесказанным я, разумеется, не хочу утверждать, что сегодняшняя Грузия уже выбралась из обрушившихся на нее несчастий и бед, что она цветет и живет счастливо и беззаботно. Увы, нет и тысячу раз нет! Страна наша переживает

тяжелейший экономический и политический кризис, не говоря ни о чем прочем, людей измучили постоянное стояние в очередях за хлебом с утра до вечера и с вечера до утра, отсутствие транспорта, отсутствие электроэнергии, природного газа... Каждый день выдвигает все новые и новые проблемы, инфляция и безнаказанный разгул вооруженных банд с каждым днем порождает все новые непреодолимые препятствия. По оплате труда мы занимаем последнее место в мире и значительно отстаем даже от соседней Армении, хотя она и пребывает в не менее тяжелом положении.

Угрожающая криминогенная ситуация в Абхазии, миллиардные потери на железнодорожных магистралях вследствие грабежей и бандитизма, похищение людей с целью выкупа, со всем этим необходимо было покончить, но когда власти Грузии попытались это сделать, разорвалась заложенная экс-президентом мина замедленного действия и втянула нас в кровопролитную войну с гудаутскими сепаратистами. Война поглотила и колоссальные материальные средства, и тысячи человеческих жизней. До сих пор с Россией и бывшими союзными республиками еще не восстановлены связи, разорванные до декабрьско-январских событий 1991—1992 гг. Захват экс-президентом стратегического пространства в тылу у наших вооруженных сил, сражавшихся в Абхазии, а до того — измена и предательство со стороны незаконных вооруженных формирований повлекли потерю неотъемлемой исторической части Грузии — Абхазии и непрерывный поток беженцев на заснеженных перевалах Сванэти.

Гамсахурдиа подло изменил родине, и в тот критический момент, когда измученную страну пощадили даже криминальные банды осетинских реваншистов, развязал гражданскую войну. Так вел он свою «борьбу за Грузию», а точнее — борьбу против грузинского народа. Он захватил центры Мегрелии, и в том числе город Поти, морские ворота Грузии, откуда поступало зерно и сахар, пожертвованные нашей стране иностранными государствами. Экс-президент захватил и Самтредиа, важнейший железнодорожный узел, перекрыв таким образом железную дорогу. Итак, грузинский фюрер, борющийся за восстановление своей так называемой законной власти, перерезал главнейшую, жизненно важную артерию своей страны и обрек на голод ее столицу. Он пригрозил голодом всему населению Грузии, детям, женщинам, старикам, потому что именно из Потийского порта наеущно необходимые

продукты поступали по железной дороге в Самтредиа и далее расходились по всей республике.

Вот, дорогой читатель, именно это ставится в вину Шеварднадзе, который лично возглавил операции по спасению Родины от гибели, стремясь ценой минимальных потерь изгнать из ее пределов смертоносные банды Гамсахурдиа.

Как бы поступили на месте Шеварднадзе, скажем, Давид Агмашенэбели или Георгий Блистательный? Не призвали бы они все здоровые силы на борьбу за спасение Родины?

В Грузии еще не наступила пора строительства, а без этого материальное положение народа не улучшится. Могло ли нынешнее руководство страны, возглавляемое Шеварднадзе, одной рукой отражать натиск внутренних и внешних врагов, а другой поднимать разоренное, доведенное до полного упадка народное хозяйство?

Материальный ущерб, причиненный гражданской войной, исчисляется десятками миллиардов рублей. Кто и ради чего причинил нам этот ущерб? Кто и ради чего обрек на гибель тысячи самоотверженных юношей, генофонд нашего народа? Разве есть всему этому оправдание?

Необузданное желание вновь завладеть утраченным креслом, в которое усадил его как сына выдающегося писателя народ, усадил с чистым сердцем и полнейшим доверием, он же использовал все это для того, чтобы поработить, одурачить этот самый народ, расчленив его и, натравив друг на друга, поставить на службу зла, — вот что происходило на наших глазах.

А теперь прочитаем слова Гурама Гегешидзе, которые я приводил выше:

«...тем более, что ни правительство Гамсахурдиа, ни правительство Шеварднадзе не принесли счастья нашей стране!»

Пойдем немного дальше и прочитаем еще более поразительные слова:

«Можно сказать, фатальное несчастье наше — это то, что общество разделилось на слепо верующих «звнадистов» и «шеварднадистов».

Далее он дает определение тем и другим и заключает следующее:

«Ни «звнадизм», ни «шеварднадизм» не представляет какой-либо идеологии и мировоззрения. Это всего лишь одолеваемое рабским комплексом мышление, если так можно назвать пригнанное по заранее установленным стереотипам, ли-

шенное всякого здравого смысла и логики фанатичное упрямство».

Что можно сказать по этому поводу? Неужели недугу нашего времени — «звиадизму» и вправду противопостоит некий «шеварднадизм»?

Я, автор данной статьи, и вместе со мной миллионы людей в Грузии и за ее границами, поддерживаем Шеварднадзе как человека и как государственного деятеля. Однако это не слепая вера, а уверенность, которая основывается на результатах логического анализа событий, явлений, действий.

Недавно профессор Нодар Натадзе в одной из газет черным по белому напечатал, что тот, кто считает необходимостью для Грузии вступление в СНГ, враг народа и своей страны и будет расстрелян. Принять это высказывание как норму и уступить Нодару Натадзе, как некогда Марксу и Энгельсу, монополию на истину? Горе тогда нашей несчастной Грузии!

Примерно то же самое следует из рассуждений Гурамэ Гегешидзе: тот, кто думает не так, как он, фанатик, у того комплекс раба, его мышление даже нельзя назвать мышлением, так как он руководствуется стереотипами, его суждения — лишенная какого бы то ни было смысла галиматья.

«Общество, которое не осознает собственных интересов, — читаем далее в интервью, — великий Важа Пшавела называл глупым и тупым обществом».

Г. Гегешидзе уже не довольствуется личностями, он переходит на все общество, и, если спросить меня, совершенно зря беспокоит дух великого Важа. Ни Важа и ни один здравомыслящий человек не призывал видеть реальность не такой, как она есть, а такой, как хочется, и рассуждать с помощью заранее выстроенных схем.

Основная причина абхазской трагедии — наследие, оставленное экс-президентом: избирательный закон автономной республики, направленный против грузинского населения, закон апартеида, а также разгул бандитских банд, действующих по личному заданию Гамсахурдиа. Эти банды причиняли колоссальный ущерб собственной родине экс-президента, обрели под конец неприступное убежище в Абхазии.

Миф это или реальность?

Трагедия бывшей Юго-Осетинской АО отягощает совесть не только осетинских экстремистов. Большая доля вины лежит на экс-президенте, который еще до того, как стал президентом, несколько раз посетил этот край и грозил взбудораженным осе-

тинским экстремистам нашествием шестидесятитысячного грузинского ополчения. Вместо того, чтобы первым делом позаботиться об утверждении государственной независимости страны, а после уж приняться за ее внутреннее территориальное устройство, причем, не с помощью угроз и т. п., он и его правительство восстали против грузинского народа национальные меньшинства и довели дело до того, что ныне покойный академик Сахаров, недостаточно осведомленный в наших довольно сложных проблемах, назвал Грузию маленькой империей, что настроило против нас мировые демократические силы.

Миф это или реальность?

Грузинский народ и весь мир хорошо знают, что последовало за событиями в бывшей Юго-Осетинской АО и президентскими выборами.

Из руководства страны были изгнаны все те люди, которые худо-бедно, но были компетентны в своем деле, и на их места посадили приспешников экс-президента, которые, не обладая никакими профессиональными знаниями, а подчас не имевшие элементарной грамотности, рвались лишь к достижению личного успеха и благополучия, зато они были «круглыми» (от избирательного блока сторонников Гамсахурдиа «Круглого стола»). За исключением нескольких малодушных, ради собственных корыстных интересов переметнувшихся в лагерь Гамсахурдиа, вся грузинская интеллигенция, совесть и лица грузинского народа, была объявлена коррумпированной. «Зачем ему интеллигенция, он сам интеллигент», — вопили его прихвостни. Воцарился какой-то странный режим, составлялись списки врагов и изменников народа, всю страну лихорадило от митингов. Терпеть стало уже невозможно. Несколько раз оппозиционные силы требовали отставки Гамсахурдиа. На это он ответил тем, что огородил баррикадами Дворец правительства, где находился сам со своим правительством, созвал в Тбилиси жителей со всех уголков Грузии и на все предложения и требования оппозиции отвечал автоматными очередями. Все это завершилось известными событиями декабря 1991 — января 1992 года, бегством президента и самороспуском Верховного совета и правительства.

Миф это или реальность?

Единственной целью преступного «законного правительства» во главе с экс-президентом было не выведение Грузии из кризиса, не утверждение грузинской государственности, а восстановление своих «утраченных прав». Этому были прине-

сены в жертву жизни тысяч соотечественников, территориальная целостность Родины и еще то, что можно назвать национальной нравственностью народа.

Звиадизм — это реальная сила. Это та злая сила, подобной которой никогда не существовало в Грузии за всю ее многовековую историю.

Миф это или реальность?

Горе в том, что реальность, и потому непонятно и необъяснимо поведение тех, кто до сих пор не сумел разобраться что к чему и кто есть кто.

Не стану более расширять и без того обширную статью объяснениями того, почему я вместе с миллионами людей в Грузии и за ее пределами поддерживаю Эдуарда Шеварднадзе как человека, как политика и государственного деятеля.

С присущей ему энергией, всеми приемлемыми средствами Шеварднадзе борется за искоренение той злой силы, о которой я говорил выше. И вместе с ним — весь народ Грузии, весь мир, все мыслящее, а не замороженное или покоренное кем-то человечество.

Разве этого недостаточно, чтобы народ воздал должное Главе государства и признал бы его той единственной личностью, которая жизненно необходима сегодня Грузии и которая способна вытащить ее из пропасти?

Что общего между Шеварднадзе и Гамсахурдиа, как можно сопоставлять эти две несопоставимые фигуры? Гамсахурдиа изгнали из страны, а он все-таки тщится сесть в кресло президента, даже ценой крови тысяч своих соотечественников. Шеварднадзе же, напротив, заявляет: пусть выйдет любой и представит парламенту свой план, убедит, что он лучше меня способен делать дело Грузии, и я тотчас уступлю ему свое место, а если понадобятся мои советы или иная помощь, я готов к тому.

Когда в парламенте обострилась ситуация до предела и некоторые парламентарии, перейдя все мыслимые нормы приличия, обвиняли Главу государства во всех бедах, Шеварднадзе вышел на трибуну и заявил о своей отставке.

Это были трагические минуты, не менее трагические чем те, которые мы пережили, узнав о падении Сухуми. Но надо было видеть что поднялось в этом самом парламенте! Все бросились к Шеварднадзе, преграждая ему дорогу, но он не стал никого слушать и покинул зал. Буквально через несколько минут перед зданием парламента собралась огромная толпа. Заседания транслировались по телеви-

дению, потому весь город мгновенно узнал о происшедшем. Весь Тбилиси устремился к парламенту. Со всех концов Грузии посыпались телеграммы, телефонные звонки. Прибыл собственной персоной католикос-патриарх всея Грузии его святейшество Илия II. Он долго беседовал с Шеварднадзе. У того не оставалось пути — он вышел к народу. И произошло непредвиденное: люди опустились на колени, вся огромная толпа, прося Шеварднадзе взять обратно свои слова, не оставлять Родину в годину тяжких испытаний, Родину, спасти которую он приехал несмотря ни на что и вопреки всему, и править страной так, как он считает нужным.

Это были минуты, полные невероятного напряжения. Неужели грузинский народ заслуживает за это осуждения и осмеяния?

Все, что произошло тогда перед парламентом, когда народ говорил с Главой государства, свидетельствует о том лишь, что в недрах души народной живы семена добра, человеколюбия, хранится чувство ответственности перед Родиной, способность прощать, и свидетельствует о том, что еще не все потеряно и истина не брошена под ноги свиньям.

Что читаем мы обо всем этом в интервью?

«Это рабское стремление к культу кого бы то ни было, эти падения на колени и мольбы порой заставляют меня думать, что мозг современных грузин превратился в некий рудимент, в атавистический пережиток, который им не нужен и который они не используют».

Мое отношение к Гураму Гегешидзе не позволяет мне прокомментировать этот абзац так, как он того заслуживает.

Вернемся к тому дню, о котором речь выше. Уже вечером состоялось заседание парламента, того самого, часть которого своим, мягко говоря, некорректным и неадекватным поведением вынудила Шеварднадзе сделать заявление о своей отставке. (А ведь отставка явилась бы для Грузии роковой). Было проведено голосование, не поименное. Весь парламент при одном воздержавшемся проголосовал за то, чтобы Шеварднадзе остался на своем посту.

Что тут можно сказать? Какие еще привести доказательства тому, что все оценки и сентенции, которые позволил себе высказать в части интервью Гурам Гегешидзе, лишены трезвого анализа и здравого смысла.

Недавно в Большом зале Грузинской филармонии состоялось многотысячное собрание тбилисцев — был основан Союз граждан Грузии.

Когда закончилось обсуждение организационных вопросов, попросили выступить вновь избранного председателя Союза Эдуарда Шеварднадзе. Весь зал, — а он был набит до отказа, — поднявшись на ноги, рукоплескал Эдуарду Шеварднадзе, пока он шел от своего места до трибуны. Поверить, что в зале находились одни лишь «шеварднадисты»?

Лично я думаю иначе. Эти единодушные аплодисменты явились выражением отношения народа к Главе государства, к человеку, который столько сделал для сохранения территориальной целостности Грузии, своим пребыванием в Сухуми заставил весь мир обратить внимание на абхазский конфликт, столько сделал для пресечения войн, гражданской войны в Западной Грузии и делает ежедневно и ежечасно для своей Родины, которой принес в жертву все, что только возможно.

Гурам Гегешидзе, конечно, может не прислушаться к моему голосу, к моим доводам и оценкам, которые, к счастью, являются не только моими, — так думает все мыслящее человечество. Он может, разумеется, остаться при своем мнении. Но мне хочется ему пожелать как писателю и общественному деятелю, чтобы народ при упоминании его имени, поднявшись на ноги, рукоплескал бы ему, пока он будет идти к трибуне, чтобы сказать своим соотечественникам несколько слов.

24 ноября 1993 года, Тбилиси.

Перевод Камиллы КОРИНТЭЛИ

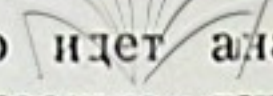

Татьяна ШАРОЕВА

ХУДОЖНИК МИКРОКЛИМАТА ЛИЧНОСТИ

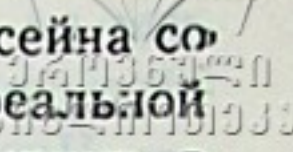
Современная грузинская проза, созданная братьями Отаром и Тамазом Чиладзе, Чабуа Амирэджиби, Арчилем Сулакаури, Гурамом Панджикидзе, Отаром Чхеидзе и другими уже в 70—80-х гг. смело совмещает «временные пласты», использует внутренние монологи, мифологические, притчевые архетипы, ассоциативные ходы т. н. «интеллектуально-исповедальной прозы» для воссоздания внутреннего мира современного героя — одной из наиболее кардинальных проблем литературы наших дней. Закономерно, что постоянная «точка отсчета» для прозы Тамаза Чиладзе, развивающейся в одном русле с драмой и поэзией, — утверждение самоценности духовного начала в человеке, пристальное наблюдение за социальным, нравственным, духовным мужанием героев, за тем, как формируется главное, стержневое в их характерах. Сам автор в беседе с критиком Д. Титмериа прямо говорил о своем творческом кредо: «...надо постоянно искать и обнаруживать те новые психологические нюансы, те опромные преобразования в нашей духовной жизни, которые принесла с собой научно-техническая революция».

В этом отношении метафорическая по названию повесть «Дворец Посейдона» во многом является истоком творчества Т. Чиладзе, позволяет заглянуть в писательскую лабораторию. Достигшего славы и популярности писателя Гигу, обретшего

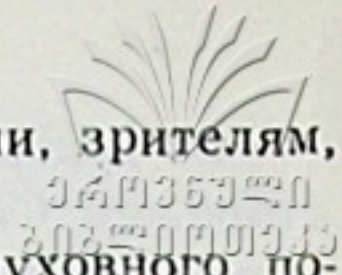
свой семейный очаг-дворец Посейдона (постоянно идет аналогия, ассоциативное переключение на мифологическую личность Посейдона, похитившего у Атланта жену Амфитриду и отгородившегося во дворце от треволнений и суеты мира), все время мучает приобретенное благополучие, его влекут, как некогда лирического героя «Соловьиного сада» А. Блока, прибой и волны окружающего пульсирующего мира. Самоуспокоение, уход от действительности приводят лишь к творческой опустошенности. Поэтому исповедальный вывод Т. Чиладзе художественно и логически закономерен: «Мой дом был полон моим голосом, стуком моей пишущей машинки... и сеть, сплетенная из этих звуков, вытягивала меня из мутной ледяной воды, влекла за собой на сушу, потому что я должен был жить, жить, жить!» Т. е. бороться, быть на гребне жизни, отказавшись от эгоистически замкнутого счастья. «Заглушить рокотание моря соловьиная песнь не вольна!» — вот итог, к которому приходят ищущие, сомневающиеся, часто рефлексирующие герои Т. Чиладзе.

С таким же пристальным вниманием наблюдает Т. Чиладзе за духовной эволюцией людей искусства: детского писателя в повести «Бассейн» и режиссера Зазы в романе «Вот кончилась зима». Бытовой фон повести уничтожается убийственной интеллектуальной иронией писателя. В дворике собственного дома известного, удовлетворенного собой детского писателя стоит бассейн с заплесневевшей зеленой водой. Кому нужен бассейн на берегу моря и для чего личный секретарь писателя, прозванный Спинозой, хотя он толком и читать не умеет, охраняет его? От, казалось, бытового образа-символа идет персонификация самой личности писателя, кристаллизуется его внутренний монолог. Он потерял себя среди своих покрывшихся архивной пылью бутафорских героев, утратил художническую зоркость познания жизни. Т. Чиладзе прибегает к излюбленному приему условности, сознательного смещения жизненных пропорций: писатель видит сон, позволяющий соотносить смысл смещенного со смыслом происходящего, осознать неполноценность, оскудение, тупик, в котором оказалось его творческое воображение. Писатель укрывается в тростниковых зарослях, и тут его обступают босые, бритоголовые, рахитичные ребяташки военной поры. Они молчат, не понимая его слов. А потом один из них вытягивает руку и произносит: «Слеза Диогена!» «Нет, — поправил писатель, — крокодилова слеза». «Слеза Диогена!» — повторил мальчик — и все исчезло».

От декоративно-живописного символа, метафоры бассейна со сторожем Спинозой читатель обращается к как бы ирреальной утрате писателем своего назначения в жизни, и, нырнув в глубину течения повествования, вновь возвращается на поверхность — к клиническому прямо-таки изображению безумия Спинозы и его остановившегося сознания — «жизнь кончена». Это полный духовный крах купавшегося в собственной славе детокого писателя и его верного оруженосца. Используемые Т. Чиладзе в этой повести аналитико-ассоциативные ходы, связанные с философско-нравственными мотивами поведения творческой личности, дефиниция иронической интонации возвращают читателя к исконной тезе его творчества: властитель дум молодого поколения не имеет права на самоуспокоение, отчужденность, эгоцентрическую изоляцию от жизни. Этим он обрекает себя на моральное умирание.

Роман «Вот кончилась зима» — это в подлинном смысле исповедь главного героя, молодого театрального режиссера Зазы, ставящего «Гамлета» в своеобразной интерпретации, это непрерывные поиски его творческого самовыражения. Несмотря на то, что в романе даются достоверные реалии жизни грузинской интеллигенции 50—60-х годов, сердцевина романа — творческое и личное самоутверждение режиссера Зазы, эстетическое и нравственное становление художника. Контрапунктно перемежаются главы, повествующие о нравственном столкновении Зазы с художником Папуной — преуспевающим и равнодушным ко всему, кроме успеха (опять вариант писателя Гиги из «Дворца Посейдона» и детского писателя из «Бассейна»), с директором театра Г. Гобронидзе, о взаимоотношениях с тремя героинями: прожигательницей жизни Магдой, себялюбивой хищницей Заирой, еще не сформировавшейся актрисой Нинико, которой он хочет доверить свою трактовку роли Офелии — «лирической части души «Гамлета», нового варианта Электры и Ореста». Самое важное, что экспрессивная форма самовыражения Зазы фокусирует настроение читателя, пробуждает в нем те сферы эстетического познания, которые связаны с воздействием, прежде всего, на интеллект. Впечатляет внутренний монолог Зазы, не мыслящего своей жизни вне театра: «Этот свет, этот бархат, эти старинные кулисы, эти прожектора, сидящие на перилах, словно химеры... — самые драгоценные, самые неповторимые предметы на этом свете. И только здесь, только в этих стенах, мы можем почувствовать, что мы не одни, что с нами все, что создано сердцем и разумом человеческим». Читатель верит,

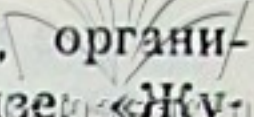
что он обязательно станет нужным своему времени, зрителям, большому искусству.

Проза Т. Чиладзе органично сочетает темы духовного потенциала творческой интеллигенции и гневного обличения бездуховности, духовного вакуума у некоторой части нашей молодежи, зараженной потребительской философией жизни, выхолощенных отношений между отцами и детьми, зачастую отчуждающих людей от самих себя и от общества.

Благодаря стереоскопическому исследованию автора, в вышеупомянутой повести «Бассейн», как живая, возникает группа юнцов во главе с сыном профессора Габричидзе Ираклием, ради эпатажа сжигающего «Волгу» отца и едко высмеивающего «предков» за их мещанские интересы. Сами же они способны лишь на ложную бравату, экстравагантный танец в африканских масках, купание в бассейне детского писателя с дикими выкриками. Или вспомним запутавшихся во взаимоотношениях Мари, Левана, Мито и Элисо («Никто не живет на звездах»), бродягу и жуира Резо, недостойного своей жены Майи, замоченного карьериста Карло («Белый дым»).

Исповедально-аналитическая проза Т. Чиладзе рельефно выразилась и в жанре романа-исповеди, и в жанре повести-исповеди, и в жанре рассказа-исповеди. Автор как бы сам участвует в раскрытии своих героев, их внутренних монологах, в развитии сюжета. Изучение духовного мира героев, их настроений, поступков передано в разных ракурсах, различных в зависимости от жанра тональностях повествования. Исповедь героев, их обращенные к себе монологи и диалоги, сны, ирония по отношению к пережитым чувствам и настроениям становятся своеобразной формой очищения, сходной с эффектом трагедийного катарсиса. Особенно ощущается этот внутренний подтекст в жанре рассказа, где восприятие героев, их духовный мир уместены в малом отрезке времени и авторская позиция выражена более четко.

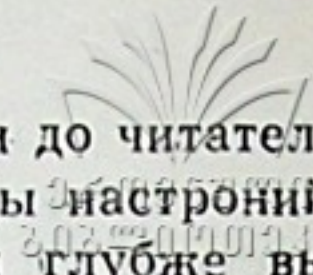
В рассказах «Журавль», «Пятница» перед читателем встает достоверная и в то же время несколько приподнятая над жизненными ситуациями, благодаря, прежде всего, авторской интонации картина. Персонажи «Журавля» — Уча и его жена Цира остро ощущают смещение времен, непрерывно думают о смысле человеческой жизни, о назначении человека на земле. Уча ежедневно уходит на лодке в море. В его необозримости он воочию ощущает преемственность времен, способность души к полету. А Цира каждый день ходит на аэродром, наблюдает за самолетами в небе, завидует улетающим журавлям.

Камертон, казалось бы непритязательного рассказа, органичен, глубоко специфичен для произведений Т. Чиладзе. «Журавль летел вместе с ветром, потому что ветер был течением времени, плотно мерцающей рекой, на чьих волнах он иногда давал отдохнуть крыльям. Разве ветру знакома усталость? Значит, и он не должен звать устали, если только хочет жить». Герои не должны успокаиваться, «тормозиться», эмпирически погрязать в каждодневном существовании. Человек должен быть всегда готов к полету, преодолевать будничное, как Уча и Цира, мальчик Миха, мечтающий о синхронности времени и жизни, как писатель Леван и его любимая Мари — фельдшерица поселковой больницы у моря, в жизни которых запечатлелся свет далеких звезд. От земли к звездам и обратно — такова траектория мысленного полета героев Т. Чиладзе.

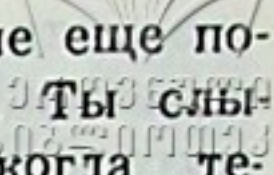
Характерно, что основа авторской интонации и архитектоники романа, повестей, рассказов Т. Чиладзе — художественная правда духовных, нравственных поисков героев, их настроений и мироощущений, а не правда развернутых характеров, многоступенчатой эволюции разнообразнейших образов и ситуаций. Авторское внимание сосредоточено лишь на потребностях и возможностях духовного мира, чутко уловленной сиюминутной настроенности персонажей. При этом исповедальность, стереоскопичность изучения душевных движений персонажей никогда не теряет достоверности, социальной, нравственной, психологической конкретности в противоположность поднимаемой на щит в 90-е годы русской прозе андерграунда с ее пародированием канонов реализма. Установка Т. Чиладзе на правду настроения, зачастую импрессионистическая подача факта (подчеркиваем, реалистическая импрессионистичность как художественный прием, родственная чеховской полифоничности внутреннего мира героев, светотени, музыки звуков) имеет сугубо достоверную подпочву: по своей первоначальной направленности он — поэт, автор пяти поэтических сборников, привыкший задерживать «летучее мгновение» жизни и выражать правду чувства. Отсюда единство двух стилевых стихий в прозе Т. Чиладзе — повествовательной и лирической интонации, лирического комментария, внутреннего монологического автора от лица героя.

Поэтому мы полагаем, что проза Т. Чиладзе — это лирико-аналитическая и исповедально-психологическая разновидность интеллектуальной прозы, не ограничивающейся лишь образно-сюжетными решениями. При этом проза Тамаза Чиладзе не отвергает поэтическое, лирическое художественное

видение мира, не отказывается от желания донести до читателя многокрасочность палитры духовного мира, правды настроений, мироощущений, чувств современников, полнее и глубже выразить стимулы их нравственного поведения. Поэтому его поэзия, проза, равно как и драматургия, наполнены голосами жизни, пением птиц, рокотом моря родной Грузии, пластичностью бытовых деталей, достоверностью психологических движений, убедительным разрешением ситуаций. После всех ассоциативных, смещенных во времени ходов герои автора приходят к действенной активизации личности, к нравственно-полноценному знаменателю.

Подобно поэзии и прозе, драматургия Т. Чиладзе, начиная с пьесы «Аквариум», поставленной театром им. Руставели еще в 1965 г., тоже является выражением его авторской позиции. Как он сам заявил в беседе с критиком Д. Титмериа: «Для меня драматургия, поэзия и проза — лишь разные формы для высказывания того, что я хочу сказать». А хочет он создания опять-таки поэтического театра, проникающего в извилины человеческого духа и психики, отвечающего правде жизни и создающего при помощи пауз, внутренних монологов актеров, или, например, звуков виолончели определенное настроение у зрителя, нравственный катарсис. Это личностно-эмоциональное начало, как считает сам автор — поэтическое, с особой рельефностью раскрылось в его пьесе «Гнездо на девятом этаже», варьируясь в разных ракурсах в других пьесах, особенно в «Птичьем базаре», с которым «Литературная Грузия» познакомила своего читателя в 1987 году. Проанализируем наиболее типичные для творческой манеры Т. Чиладзе пьесы. Архитектоника пьесы в 4-х частях «Гнездо на девятом этаже» состоит из своеобразных частей-дефиниций: 1. Воспоминания; 2. Вопросы и ответы; 3. Пустота; 4. Одиночество. Вся пьеса строится на нарастании драматического конфликта в диалоге двух героев — Бесо, руководителя архитектурных мастерских, и Маки — одинокой женщины. Между ними как бы незримо присутствует скончавшийся от инфаркта бывший муж Маки архитектор Бидзина, проект которого не утвердил его друг Бесо, чем нравственно способствовал его гибели. С самого начала становится ясно, что по жанру — это социально-психологическая драма, драма настроений, творчески вобравшая в себя из арсенала чеховского психологического анализа. Свободно и непринужденно развивается в ней драматическое действие, сохраняя поистине чеховскую правду человеческих чувств. Сама Маки с первых же сцен остро переживает свое:

одиночество, свое «гнездо» на девятом этаже. «...Мне еще повезло, — говорит она, — надо мной живет сверчок. Ты слышишь (отчетливо слышны звуки виолончели), когда телевизор надоедает до чертиков, я беру палку (берет прислоненную к стене палку)... стучу в потолок (стучит в потолок), и он начинает петь... Слышишь! (звук виолончели усиливается)». Мы как будто сразу вживаемся в сугубо чеховскую структуру пьесы: как постепенно выпрямляется скрытая пружина, так однозвучное, монотонное, будничное течение дней героев вдруг подводит нас к трагедийному «ключу» действия, «второму плачу», «подводному течению», тем более явным, чем оглушительнее врывается тишина дома-«гнезда» от звуков виолончели и громче стук палки о потолок. Даже неожиданная реплика Бесо: «В Марокко есть еще король?» — напоминает финал «Дяди Вани» с безнадежной интонацией слов Астрова о жаре в Африке. В пьесе нашла свое проявление и современная условная интеллектуальная драматургия с ее ассоциативными ходами, совмещением времен, калейдоскопической чередой микроэпизодов, явственным присутствием ушедшего из жизни Бидзины — нравственного судьи Маки и Бесо, персонажа-маски, скрытого за внешними перипетиями сюжета. Мака виновата в том, что за семь лет жизни с Бидзиной она не сумела оценить силу его любви, морально не поддержала его. Бесо же — руководящее лицо — превратился в человека-робота, «дисциплинированного болвана», по его собственному выражению, мастерски овладевшего моралью потребления. Он, муж Додо и отец двух детей, даже пользуется любовью Маки, «привык к шоферу», к госдаче, «к завтраку, который подают ему в час дня под крахмальной салфеткой». Он погубил Бидзину, заметив на совещании, что его проект — это как «если бы у какого-нибудь короля была бы сумасшедшая дочь и она потребовала, чтобы ей построили собственный дворец». В финале раскрывается и последний нравственный проступок Бесо: перед самой смертью Бидзины пришел к нему за поддержкой, а он предложил ему зонтик от дождя и лицемерно проводил вниз до выхода из подъезда. Если у Чехова полифония — обязательный закон архитектоники, то Т. Чиладзе — выразитель исповедально-аналитической поэзии и прозы и социально-психологической драмы — в финале пьесы продолжает идти по параболе центростремительного представления, обрекая героев за их нравственное падение и оскудение морали на неумолчный суд совести, на опустошенное одиночество за измену времени и своей человеческой

сущности. Мака подводит итоги, как некогда писатель Гига и детский писатель из повести и романа: «Но ведь себя обмануть невозможно. Наше «я» — совсем не тот ребенок, которого ты так трогательно изобразил. Инфантилизм, на который ты уповаешь, смягчает некоторые наши поступки... Можно обмануть всех, кроме себя...» Последние действия финала яростны по авторской позиции и обнажены: «Бесо открывает дверь и уходит. От щелканья замка Мака вздрагивает, потом берет палку и яростно стучит в потолок». Нет спасения от одиночества, от потраченного времени, от осуждения человеческого в человеке.

Та же тема опустошенной, метущейся, одинокой души в современных ее вариантах отражена и в пьесе Т. Чиладзе «Птичий базар». Действие разворачивается где-то в деревне на берегу Черного моря в доме Ладо, бывшего учителя, фронтовика и его жены Цуцы. Рядом с их домом находится аэродром, прозванный «Птичьим базаром» из-за обилия прилетающих сюда птиц. Но разноголосые птичьи голоса не просто прием воспроизведения буколического пейзажа, они символизируют пестроту неустроенных человеческих отношений «дачников», не пришедших ни к какой общей жизненной позиции. Как поясняет актер Кока, так и не свивший своего настоящего гнезда в жизни: «Здесь полно таких птиц. Я в одиночку чирикаю, в одиночку каркаю, щелкаю, свищу, а они — в одиночку чирикают, каркают, щелкают, свистят, и ни один из нас не слышит другого — в общем гвалте. Все словно охвачены магией лицедейства. Одни изображают бандитов, другие — верность, третьи — играют в любовь». История трех пар персонажей, играющих в любовь: самого Коки и его подруги — лектора университета Нино, Сопо и ее мужа, внесценически присутствующего в пьесе, так как он содержится рядом в исправительной колонии, и совсем молодых — сына хозяев Нико и его номинальной жены — студентки Тату, отсутствующей год, позволяет нам воочию убедиться, как уродуют человека потребительская философия, моральная апатия, подлинная бездуховность, не позволяя осуществить заложенный в нем человеческий потенциал. Сопо — школьная подруга Тату снимает комнату в доме Ладо и Цуцы, работает посудомойкой в ресторане при аэродроме только для того, чтобы быть вблизи от мужа — осужденного наркомана, который лишил ее радости материнства и покушался на ее жизнь. Она по-настоящему к нему не привязана, способна лишь на игру в любовь с Кокой и не имеет в жизни никакой цели. Сама Сопо

настойчиво видит один и тот же сон — птичий базар: птицы кружат над ней с криком, крыльями быют в лицо. Писк малюсенького птенца не слышен в этом неумолчном гомоне; не так ли проходит и жизнь Сопо, вернее ее жизнеустройство со всей агрессивностью мещанских понятий тоталитарного государства, полной усредненностью и фальшью нравственных представлений. Кока же играет в любовь с Нино, временно лишает ее прежней семьи, не испытывает подлинных чувств ни на сцене, ни в жизни. Заставляя Коку откровенно высказываться о фальши всей его повседневной жизни, Т. Чиладзе, заглядывая из 80-х годов в 90-е, ведет прямой нелюбезный разговор о духовном вакууме героев. Кока с надрывом заявляет: «...что за кошмар — пустые слова, пустая поза, пустой жест, пустая жизнь... Как заброшенная церковь, в которой могут завестись черти...»

Ненавязчиво, раскованно углубляясь в микромир Коки и Нино, писатель задумывается вместе с читателем, почему так взвихнуты жизни персонажей, как они пришли к бездуховному конформизму — после летнего вояжа с Кокой и потери близких Нино способна снова вернуться к мужу-академику и, по ее словам, превратиться «в комнатную собачонку, в канарейку, как ни в чем не бывало». И Кока насмешливо переспрашивает: «Так принято в приличном обществе, да?». Лицемерие отличает и родителей Тату: отца, подарившего жене «Жигули» для поездок с сутенером и не наказавшего хулиганов, избивших ее, т. к. это произошло «накануне выборов» и может отрицательно сказаться на его карьере. И Т. Чиладзе с убийственной иронией показывает результаты такого фарисейства и двойной морали — Тату уходит из дому и совершает ряд необдуманных поступков, мать, изверившаяся в смысле жизни, решает покончить с собой. В судьбе молодых — Нико и Тату также явственно проступает весь трагизм бездуховного существования.

В этой пьесе, как и в предыдущей, есть правда духа, правда настроения (опять общее с прозой) и зримо ощущаются уроки чеховской поэтики: органичное совмещение комического с трагическим, способность открывать в поворотах, зигзагах дорог и перепутий героев драмы трагедийные начала, художественная потребность раскрыть тайну отдельной человеческой души. После фарисейства отца и двуличности матери Тату убегает из родного, но чужого дома, бессмысленно мечется по улицам, даже прячется в каком-то незнакомом подъезде, потом «назло родителям», равнодушным к дочери, неожиданно

выходит замуж «за деревенского мальчика» Нико, проводит с ним 11 дней «в чужой деревне, чужом доме, с чужими людьми», бросает и его, возвращается назад, надеясь обрести твердую почву в своей расколотости и ущемленности. По-чеховски звучащая финальная авторская ремарка, ничем, казалось, не акцентированная, подчеркивает камертон действия о несостоявшихся, вывихнутых человеческих судьбах, отравленных полной бездуховностью, потребительскими интересами, двойной моралью: «Постепенно все покрывает близящийся гул самолета и гвалт птиц со всего света». В ней через муки и боль авторского самораскрытия сосредоточена вся гамма чувств, заключенных в пьесе — предостережение взрывчатым 90-м годам: как важно раскрыть свой человеческий потенциал в атмосфере надвигающихся катаклизмов эпохи, обесцененных человеческих жизней на всей планете, отказаться от недостойных народа и нации фетишей потребительства.

Одновременно живая естественность интонации Т. Чиладзе, исследующего моральный климат превращения человеческих индивидуальностей в подголоски «птичьего базара», несет в себе заряд гражданственности, заключенной в стремлении сконцентрировать внимание зрителя на персонажах цельных, творящих добро. Таковы хозяева деревенского дома, родители Нико — Ладо и Цуца — душевно чистые люди, после огня и пожарац Великой Отечественной обретшие свой дом, свое гнездо, свое место на отчей земле. Ладо прошел всю войну и вынес из страды разрушений и смертей желание помочь людям выразить себя, желание делать добро... Бывший педагог, воспитавший многие поколения, он теперь склеивает поломанные, разрушенные черепки кубков, вещей. Ладо вспоминает старика, который пешком шел в Керчь на могилу сына с неуклонной верой: «если не умру по пути и могилу сына увижу, войны не будет». С тех пор Ладо понял закон бытия: силе разрушения противостоит сила созидания. По-доброму улыбается сам автор, говоря о спокойной народной мудрости Ладо: «А я сижу и склеиваю то, что другие разбивают. Мир, оказывается, полон черепков. Одному мне, конечно, не справиться, но все же...» Как сродни эта немудреная мудрость старого фронтовика мироощущению отца солдата — С. Закариадзе и словам Твардовского о вине живых перед погибшими однополчанами; «Я знаю, никакой моей вины. В том, что другие не пришли с войны... Речь не о том, но все же, все же, все же...»

Такие же свет и тепло по отношению к людям излучает и

Цуца, недовольная своим сыном и невесткой, «потерявшим себя», амикошонствующим с глубоко запрятанным в себе человеческим. Социальный абрис писателя, верного своей творческой тезе о генетической памяти поколений, звучит в унисон падающим по-чеховски каплям дождя («Что-то в последнее время зачастили эти дожди»), проявляется в горячем оптимистическом утверждении Цуцы: «Что здесь будет? Наверно, все... Дсм... Инжировое дерево... Море... Нико будет... Сын Нико... его назовут Ладом... Не бойся, не так все плохо! Человек не уходит бесследно, что-то в этом мире после него остается».

Внесценичный призыв самого автора, выраженный в словах Цуцы, как бы взывает из 80-х годов к юности, будущему, ко всем людям доброй воли на земле: «Пусть не будет войны, несчастий, нужды, пусть люди не превращаются в зверей. Отведи тучи, взгляни на этих малюток, на этих несчастных, которые разевают клювы, подобно выпавшим из гнезда птенцам... Покажи им этот мир..., научи ценить хлеб, воду, правду, внуши им, чтобы они любили друг друга, любили, любили». Так драматургия Т. Чиладзе силой художественного прочитывания стала у порога нашей экстремальной жизни 90-х годов.

Итак, мы видели, что социально-психологическая проза и драматургия Тамаза Чиладзе воссоздают для читателя конца века напряженный духовный климат 60—80-х годов, доносят до него правду жизни и нравственных коллизий, объявляют «вечный бой» демагогии, фальши, двойной морали, фетишам потребительского обихода разрушенного тоталитарного государства. При этом все его творчество, использующее ассоциативные ходы, пространственно-временные смещения, никогда не теряет органичной связи с закономерностями жизни родной страны, еще находящейся в посткоммунистическом геополитическом пространстве, но вступившей на четкий путь демократического самоопределения и духовного возрождения нации. Поэтому гуманистическое творчество Тамаза Чиладзе, утверждающее победу сил мира, демократии, прогресса над тоталитарными режимами, агрессивными силовыми установками, насилием и нарушением неотъемлемых человеческих прав на существование, — прочно входит в культурный арсенал возрождающейся Грузии как действенное оружие.

РЕЦЕНЗИИ

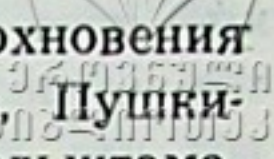
ПО СЛЕДАМ НЕОКОНЧЕННОЙ СИМФОНИИ

(О «ЗАПИСНЫХ КНИЖКАХ» А. С. ЦЫБУЛЕВСКОГО)*

Необычный предмет для рецензирования — записные книжки покойного поэта, — современника автора этих строк... Александр Цыбулевский (1928—1975) — популярная в литературных и молодежных кругах Тбилиси 60—70-х гг. талантливая фигура... Ретроспективный взгляд из будущего, вполне вероятно, снимет когда-нибудь с этого отрезка времени — и нашей истории — злободневное, скороспелое, более чем неточное определение: «застойный период» и заменит его каким-нибудь более емким, более серьезным и точным, отражающим нечто весьма существенное из духовной сущности этого периода, — например: «период поисков великого равновесия», устойчивой глобальной позиции, — что представлялось необходимым для продвижения к новым, более высоким рубежам познания, мирозерцания, творчества и прогресса в масштабах как нашего региона, так и всего человечества, — рубежам, достойным Человека... Мне, как современнику и почти ровеснику покойного поэта, близки и понятны проблемы, занимавшие и волновавшие его во времена «великого поиска»... Именно эти проблемы, их долгое, напряженное и мучительное продумывание, поиски разнообразных подходов к их разрешению и отражены в рецензируемых «Записках», охватывающих период с 1964-го по 1972-й годы.

Лейтмотивом «Записок» является поиск фундаментальных законов художественного мышления с одновременной попыт-

* См. журнал «Лит. Грузия» за 1992 г., №№ 4, 5.

кой проникновения в тайны творческого гения и вдохновения великих мастеров классического искусства — Данте, Пушкина, Гете, Моцарта, Блока, Толстого, Бунина, Мандельштама, Булгакова, Цветаевой, древних поэтов Китая и Японии и многих других... Автор сознает единство истоков бытия и истоков творчества («Категории искусства суть категории жизни»). Для него любовь к жизни в ее повседневных непосредственных проявлениях и любовь к искусству на высоте его мировых шедевров «нераздельны и неслиянны»... «Любовь и Творчество — равновеликие стихии». Он путешествует по Грузии — западной и восточной, горной и равнинной, по родному Тбилиси колесит многими «трамвайными кругами» («Я — последний поэт трамвая»), но в наблюдениях и впечатлениях реальной жизни, ее повседневного опыта он ищет не обыденного «сермяжно-прозаического» содержания, но как бы ловит те импульсы и ритмы, умонастроения и формы, ассоциации идей, вещей, явлений, которые могут послужить ему «стартовыми точками» для внезапных взлетов творческой фантазии, а иногда и для мировоззренческих открытий... И он находит сначала: «Необходимо равновесие между внешним и внутренним»; «Главное — вырваться из общелитературного настроения... куда-то в иную свободу»; «Совершенство сперва отходит от предмета, потом возвращается в него»; «Соотнесенность с истиной — вот что приходит поздно, а многим дается в дар с самого начала».

Сознавая и неоднократно отмечая момент единства законов искусства и законов жизни, точнее: законов построения, реализации того и другого, он упорно стремится к осуществлению в самом себе закономерного и гармоничного синтеза непосредственной жизни и художественного творчества, ищет прецеденты и ориентиры этого плана у великих классиков прошлого, среди которых внимание его особенно привлекают Пушкин, Толстой, Блок и Мандельштам... Исполненный страстной «двойной» любви — к миру внешней природной действительности и к миру внутренней духовно-душевной интимности, одновременно пробиваясь «сквозь дебри» того и другого, он шаг за шагом строит свою художественно-философскую концепцию... И вот уже некоторые ее кардинальные положения: «Вечное — тема искусства, — потому оно близко «истинам ходячим»; «Преображение и есть главное в искусстве, в котором соединяются дальний план и план наивный» (здесь один шаг до законченной идеи о гармонизации чувственного с духовным в искусстве через эволюцию и усовершенствование

ние того и другого); «Возможность незапланированного поэ-
том смысла (и отсюда — «широты толкований» — С. А.) —
вот что характерно для больших созданий» (тут один шаг до
законченной идеи о необходимости разноплановой смысловой
потенции в произведениях и образах большого искусства); «По-
эзия выбивается из «Что» и «Как», так как «этих двух усло-
вий для нее недостаточно»; «Стихи должны быть щедрыми
исчерпаниями — это главное условие... Но то, что в них дол-
жно оставаться, — это условие неисчерпанности» (и с этим,
видимо, он связывает то, что «у Блока стержневое и осново-
полагающее определено и вместе с тем несказанно»); «Ключ
к оценке произведений искусства: сумел ли художник выра-
зить то, что хотел, специфическими выразительными средст-
вами данного искусства или занимал средства в других обла-
стях?» И т. д.

В ряде мест рациональный ход мысли прерывается вне-
запным для читателя повторением изначального мотива: «Да,
я снова займусь Блоком, попытаюсь проникнуть за ту завесу...
Что же это такое? Откуда?»

«Итак, в чем же мудрость? Мудрость?»

«Как трудно быть внутренне свободным человеком!»

«Что такое творческие затруднения? Как их преодоле-
вать?»

«Четкость — как ее достичь? Фокусировкой расплывча-
тости» (постепенным «наведением на резкость»? — С. А.).

«Как найти критерий, ориентир, чтобы не путаться, —
не принимать эклектику за симфонизм» (а равно можно
было бы добавить: «и наоборот» — С. А.).

Он восклицает: «Боже, сколько у искусства внутренних
противоречий!» Но добавляет: «Не движущих. Движение —
не из-за того, что тело тут и там»...

С разных сторон пытается он подобраться к тайне рож-
дения художественного феномена, то сравнивая ее с «дейст-
вием поливальной машины», то с «разумной работой под дик-
товку безумия», а то как «рождение искусства из буйства, из
обряда»... Чтобы разгадать «секреты» чужого таланта, про-
никнуть в его творческую лабораторию, он хочет вдруг про-
вести такой эксперимент: «Напиши сам себе письмо Цветае-
вой», т. е. представь себе, что ты — не ты, а поэтесса Мари-
на Цветаева, и с ее точки зрения, с ее «внутренней позиции»
попытайся написать письмо, адресованное тебе — поэту Алек-
сандру Цыбулевскому!

Автор «Записок» не предаётся утешительному самооб-

ману, не скрывает от самого себя личные свои слабости и сомнения в себе:

«Нет, ты не повел жизнь поэта!»

«Я не могу делать порядок и в то же время не могу жить в беспорядке».

«Тайная складка моей души — педантизм».

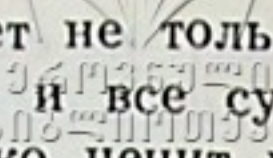
«Нельзя жить не только чужой совестью, но и чужой стихией...»

«Мне от литературы достаточно одного: выражения чувственной конкретности зримого мира». — А ведь это звучит почти как капитуляция перед тем Гением Искусства, Гением Поэзии, который является объектом пытливейших дум поэта! Цитируя Пастернака: «Гений есть кровно осязаемое право мерить все на свете по-своему, чувство короткости со Вселенной, счастье фамильной близости с историей и доступности всего живого», Цыбулевский замечательно дополняет: «А невежда начинает с поучения и кончает кровью»...

Не будем строги к автору «Записок» в такой степени, в какой он сам строг к себе, — тем более, что здравый смысл у него неизменно торжествует: «Мнительность, предвзятость и недоброжелательство — все эти качества не в свите Знания». Великолепно!

В «Записках» затрагиваются и чисто философские проблемы, причем с характерным для того времени акцентом на диалектике: необходимость случайного, случайность необходимого (приводятся примеры из житейской практики), «оптимизм, играющий в пессимизме» и «пессимизм, играющий в оптимизме» (на литературных примерах), закономерность сочетания определенного и неопределенного в искусстве: «все великое двойственно»; «в поэзии мы имеем дело с дематериализующейся материей» и т. д.

Особый интерес представляет тот фрагмент «Записных книжек», где даются наброски статьи о поэте О. Э. Мандельштаме. Здесь мы находим редкий и постинне драгоценный образец правильного отношения поэта к поэту, таланта к таланту — отношения непредвзятого, незамбициозного, неревнивого, но глубоко позитивного и проникновенного, истинно художнического и по-художнически мудрого! С другой стороны, эти наброски достаточно далеки от того, чтобы быть образцом литературоведения, литературоведческого анализа в общепринятом либо академическом понимании этих терминов. Но здесь ценен, я бы сказал, феномен «непосредственной встречи» двух поэтов на высоком «трансфизическом» уровне. Сразу же на-

до внести одно уточнение: Цыбулевского интересует не только дух, творчество и наследие Мандельштама, но и все существо поэта, которое он глубоко чувствует, высоко ценит и любит... Приведя мысль Пастернака, что «уровень искусства измеряется глубиной биографического отпечатка», он ставит вопрос: «Каким условиям должна удовлетворять личность, чтобы меня затрагивал ее отпечаток в искусстве?» и дает такой ответ: «Личность — не только дух, а и плоть... эта плоть должна быть сладостной. Такой мне представляется плоть Мандельштама». Надо быть, с одной стороны, причастным к интимным истокам большого творчества, а с другой — человеком большой правдивости и искренней любознательности, чтобы поставить и решить вопрос подобным образом. А чтобы не возникло «недоразумений», дается мимоходом такое краткое пояснение: «Хочу ли я знать интимную переписку Мандельштама? Нет!»

Себя с Мандельштамом Цыбулевский с самого начала сопоставляет предельно четко, лаконично и категорично: «Он — никуда, я — ниоткуда». Это, так сказать, начало авторского проникновения в сущность интересующего его предмета. Другой вариант такого же сравнительного подхода: «Бунин насильно заставляет себя полюбить Писательство — его шанс на бессмертие. К Мандельштаму бессмертие сходит задаром, — он не прилагает к тому никаких усилий; оно само идет к нему». (Заметим, что в этом втором варианте по сравнению с предыдущим гораздо меньше убедительности и больше субъективности).

Вообще рассматриваемые наброски (фрагмент «Записных книжек»), читаемые под «вольным» заголовком: «Разговор о Мандельштаме», отнюдь не лишены спорных, неубедительных, местами даже легкомысленных мест. Так, напр.: «У Мандельштама на сто лет вперед дан обобщенный портрет армянского ученого:

«Эти птицы сумрачно-хохлатые
С жестким мясом и широкой грудью!»

Едва ли можно узнать в этом образе не только армянского, но вообще какого бы то ни было ученого, — хорошего или плохого! (конечно, здесь мягкий укор не столько Мандельштаму, сколько Цыбулевскому!)

Или еще: «Наплыв Мандельштама на русскую поэзию уже такого рода, что он собою замещает ее (довольно сомни-

тельно! — С. А.). Можно вести разговор о поэзии вообще, имея в виду одного Мандельштама в качестве универсального образца (более чем сомнительно! — С. А.). В этой несправедливости есть своя справедливость» (так ли?!)

Хотя, впрочем: «Поэзия так широка, что вмещает и Пастернака и Мандельштама»...

Сравнение Мандельштама с Пастернаком — предмет пытливого интереса автора «Записок». Философский смысл данного сопоставления сводится, как мне представляется, к следующей противоположности: у Мандельштама выражено искусство художественной **субъективизации объективного**, а у Пастернака, наоборот, превалирует столь же высокое искусство **объективизации субъективного**. Поэтому Пастернак, в основном, эпичен, монументален, «мажорен», Мандельштам — лиричен и «минорен» (причем у каждого имеются модуляции в противоположную тональность). Эта проблема могла бы быть предметом отдельного самостоятельного исследования.

В статье есть раздел: «Мандельштам о прозе». В нем Цыбулевский анализирует взгляд Мандельштама на отличительные признаки прозы по сравнению с поэзией. Выделяется мысль Мандельштама об «асимметричности прозы», необходимости приведения к гармонии «движущейся прозаической массы», которая первоначально представляется бесформенной, хаотичной, движимой каким-то темным инстинктом (сравнение с движением стада овец).

Цыбулевский находит, что Мандельштам склонялся к отрицанию прогресса и развития в литературе, поскольку усматривал в ней сущность вечную и неизменную... Подвергая это сомнению, — то ли воззрение Мандельштама, то ли свою интерпретацию его воззрения (напомню, что рецензируемый текст носит «эскизный» характер), он высказывает предположение, что прогресс и развитие, возможно, все-таки имеют место в литературе и ее истории, но «под другими наименованиями: **может быть, рост?**»... Касаясь политических аспектов наследия Мандельштама и ставя вопрос: «Мандельштам — **остро политический поэт?**», он приводит затем частично цитируемый ниже ряд стихотворных фрагментов, свидетельствующих о том, что автор «Записок» резонно склоняется к мнению, видимо, справедливому, что Мандельштама, как поэта, волновали не собственно политические проблемы его времени, а давление современной ему политической (отечественной) действительности (тоталитарный режим, жертвой которо-

го стал сам Мандельштам) на душевно-духовную жизнь человека века и поэта той эпохи...

(1). «И грубому времени воск уступает певучий,
И плачет кукушка на каменной башне своей,
И бедная жница, сходящая в мир бездыханный,
Тихонько шевелит огромные спицы теней».

(2). «Павлиний крик и рокот фортепьянный!
Я опоздал. Мне страшно. Это сон!»

(3). «Как мертвый шершень возле сот,
День мертвый выметен с позором».

И т. д.

В целом «Записные книжки» А. Цыбулевского — это существенное, даже где-то и контрастное дополнение к художественному наследию поэта.

Чрезвычайно разнообразна тематика этих «Записок», богата гамма выраженных в них настроений... Есть в них и немало недодуманного, сиюминутного, местами обрывочного... Но человек писал их, главным образом, для себя и в помощь себе... Записки его, как и жизнь его, оборвались внезапно. Творческий дух его, к сожалению, видимо, не достиг своего идеала, — своей высшей цели. Идеал был высок, жизнь коротка, условия жизни и творчества — нелегкие... Но глубокая и пытливая мысль художника — искателя Истины, — вот что скрывалось за камерной лирикой тбилисского русского поэта, за ее созерцательными, элегическими и ностальгическими мотивами...

«Так суждено: за кругом круг опять.
Но как бы все по кругу ни ходило —
Тому, что было, — больше не бывать,
И лучшее всегда лишь то, что было».

(А. Цыбулевский)

Сегодня это и горькая правда, и грустная ирония, — не так ли?!

«Записки» А. С. Цыбулевского, написанные живым языком в правдивом и искреннем тоне, думается, привлекут внимание читателя к судьбе и наследию безвременно ушедшего самобытного поэта и окажут уникальную услугу молодым пи-

сателям 90-х гг. в их потребности понять и оценить предшествующее писательское поколение, его проблемы, его духовно-творческую жизнь, связанную с иной эпохой, хотя и не столь отдаленной во времени...

«Но я не вижу, чье это лицо
К зачитанному мной склонится тому...»
(А. Цыбулевский)

С этими строчками таинственно перекликаются строчки другого стихотворения:

«Заглохший сад. Старинный дом.
Звезда в пруду не гаснет, не дробится.
...Старинный том, и в томе том
Когда-то, кем-то загнута страница».
(А. Ц. «Просто»)

Поэту, оставившему нам неоконченную симфонию творческих поисков, лирических миниатюр, оригинальных экспромтов на грузинские темы в стихах и прозе, возможно, в предчувствии последнего трагического удара судьбы (ранее он отсидел шесть лет в политических лагерях сталинского режима) хотелось порою, наверно, проникнуть за завесу будущего, увидеть или предугадать облик будущего читателя, неведомого человека неведомых грядущих лет... Наша задача легче — надо лишь «вслушаться» — внимательно и вдумчиво — в его «неоконченную симфонию»...

Ст. АНАНЬЕВ

СПЕШИТЕ КУПИТЬ

Не зря говорят: свято место пусто не бывает. На развалинах государственных издательских твердынь чуть заметно, еле зримо и слышно, пробиваются к свету первые росточки новых инициатив по части книгопечатания. Что движет ими в такое беспросветное время? Кто сегодня в погоне за куском хлеба насущного потянется к книге, особенно, если в ней всего лишь стихи?.. Так на что же надеется издающий? Подобные вопросы можно умножать, подыскивая на них самые что ни на есть экстравагантные ответы: от заверений Достоевского, что «красота спасет мир», до «дайте жить поэзии!» — как значилось на одном из плакатов митингующих парижских студентов.

Тем не менее — факт на лицо. Передо мной лежат две тоненькие книжечки двух Табидзе (Галактиона и Тициана), выпущенные в свет загадочным издательством «Лурджа цхенэби» («Синие кони») в этом Богом забытом 1993 году. Тираж их (надо полагать из скромности) не указан, зато фамилии энтузиастов прочитываются ясно. Гиви Нижарадзе (переводчик), М. Бирюкова (редактор), профессор Игорь Богомолов (автор предисловий) и Автандил Адейшвили (издатель). Прибавим к ним художников А. Сарчимелидзе и А. Тодрия, а также техредактора Н. Хавтаси, ибо «цена договорная», как заявлено в конце книжек.

В своем послесловии переводчик этих двух изданий полагает, что «жизнь — всегда находит правильное решение». Он полагает также, что «даже в самое сложное время духовные ценности возвышаются над материальными», ибо «не хлебом единым...». Мысли эти, разумеется, не новы и известны еще с библейских времен. Сегодня однако они способны у многих вызвать шквал возражений, а, порой, почти что праведный гнев. Но не будем упрекать разгневанных в надежде на то, что просветлеют их лица, когда исчезнет забота о хлебе. А пока... Пока поэзия по-своему воюет за право быть нужной человеку.

Эти беглые заметки рецензией не назовешь. Всего лишь — косою лучик, что-то высвечивающий и о чем-то вопрошающий. Ну, хотя бы о том, куда девалась пытливая литературная общественность, еще недавно столь ревностно следившая за каждой попыткой нового перевода устоявшегося шедевра?.. Вот он, Гиви Нижарадзе, еще один, дерзнувший посягнуть

на «тайну тайн» Галактиона, подвергая его пытке русским словом. Тут же неизменно следовало бы: «Разве это Галактион?». Мало «точности» — не Галактион, много «точности» — тоже ведь не он... Вот в оригинале... Взрыв восторга, с пафосом прочитываемые строчки... Конечно, в оригинале... Но как он упрям, оригинал этот, как глух к любым самым добрым намерениям!..

Вместе с тем переводчики Галактиона всегда были у нас в центре всеобщего внимания. Очевидно потому, что критиковать их казалось делом очень легким: каждый из них, если не на все две, то уж точно на одну ногу а хромал. С Тицианом было проще. К нему в свое время руку приложил Пастернак. Лучше, дескать, не сделаешь, но постарайся, мы же посмеемся... Да, это было веселое время.

Сегодня сам факт появления поэтической книги уже радует. Пусть пока немногих, зато «посвященных». Мне просто хочется читать: «И мост наш, снегом запорошенный, и перво-зданный васильковый снег, и грусть ирисов, ветром скошенных...». Это — желание быть с кем-то, когда «ветер носится, как шельма», когда буря давит «ельник», когда сам испускаешь крик — крик вопиющего в пустыне. И Тициан воспринимается ныне как-то проще: «Мы тоже для того любили, чтоб потерять любовь однажды...»

Сказанное, конечно же, субъективно, но кажется мне, что два грузинских поэта в русских текстах Гиви Нижарадзе что-то «новое» мне сказали о якобы хорошо мне известном «старом». А, возможно, вообще у поэта эпохи нет, раз есть вечность...

Гиви ОРАГВЕЛИДЗЕ

Две позиции

1. Ваша оценка нынешней общественно-политической ситуации.
2. Как вам видятся пути выхода из создавшегося положения?
3. На ваш взгляд, самый трагический день минувшей осени.
4. Могли бы мы избежать военных столкновений в Западной Грузии?

На эти вопросы нашего корреспондента ИРИНЫ ЗУРАБАШВИЛИ отвечают парламентарии, стоящие на разных политических платформах, представляющие, с одной стороны, парламентское меньшинство, с другой — большинство.

Бесо ПАЧУАШВИЛИ, год рождения 1955, кандидат физико-математических наук, член парламента Грузии от «Хартии-91», по совместительству работает в Институте математики Академии наук Грузии. Женат, имеет дочь и сына.

I. То, что обстановка в стране крайне тяжелая и, более того, критическая, на мой взгляд, неоспоримо. Если уж мы подходим к оценке данной ситуации отрицательно, то, разумеется, возникает вопрос об авторстве и о субъективных и объективных предпосылках, обуславливающих происходящие на протяжении последних лет общественно-политические процессы. Я не думаю, что буду слишком многословен, если начну с конца 80-х годов и ограничусь пределами нашего государства, хотя влияние факторов извне и, я бы сказал, довольно-таки сильное, — вне сомнения. 1986-88 годы я бы назвал периодом становления национально-освободительного движения. Это определение довольно-таки условно, потому что на самом деле оно не прекращалось с момента подписания Георгиевского трактата, но называю этот этап периодом становления, потому что он происходил на наших глазах и не без нашего участия. Так вот, касательно периода становления. Как и свойственно всем молодым и растущим организмам и, учитывая то обстоятельство, что стояла задача вовлечь как можно больше людей в это дви-

жение, период характеризуется некоторой лозунговостью и, если не сильно будет сказано, наивностью провозглашаемых движением целей и концепций, ну хотя бы, на мой взгляд, чрезмерным заострением внимания на экологических и других проблемах. Как бы то ни было, первый этап увенчался успехом, то есть победой тех патриотически настроенных политических сил, которые согласились участвовать в выборах 90 года. Народ выбирал между белым и черным, этим и объясняется победа «Круглого стола». Я не зря упомянул слово «тех» и двухполюсную расстановку сил перед выборами. Дело в том, что по тем или иным причинам, вне предвыборной кампании и, естественно, вне Верховного Совета, осталась целая гамма патриотических сил, что и вызвало то обстоятельство, что в Верховный Совет не был представлен полный спектр политических сил, это и дало лидеру «Круглого стола» безраздельное, единоличное правление в органе высшей представительной власти. Участвуя в выборах в Верховный Совет все политические силы и патриотически настроенная интеллигенция, то состав бы получился такой, который принимал бы более взвешенные и последовательные решения. Я ни в коей мере не умаляю и более того признаю достижением Верховного Совета проведение референдума и провозглашение восстановления независимости Грузии. Даже оппоненты той власти не могут не признать факт, что признание Грузии субъектом международного права со всеми вытекающими отсюда последствиями зиждется на итогах референдума и на этом акте. Итак, ломка старого свершилась, нужно было строить свою государственность, сызнова строить властные структуры и комплектовать их, проводить экономическую реформу и не на словах, а на деле идти к рыночным отношениям (имею в виду приватизацию — денационализацию, подготовку почвы для введения национальной валюты), что довольно-таки кропотливое и на первых порах не очень-то благородное дело, ибо это связано, опять-таки на первых порах, с некоторым ухудшением социально-бытовых условий населения, и это требует авторитета власти среди народа. По счастливым стечениям обстоятельств, этот авторитет у той власти на первых порах был. К сожалению, он так и остался нереализованным.

Нужно было строить сбалансированные отношения с малыми и большими соседями и со всем мировым сообществом. Увы, международные отношения не допускают ни крикливости, ни беспринципности. Сказывалось отсутствие практики независимой государственности и искусства ведения ко-

рабля в цивилизованных политических течениях. Я далек от мысли, что народ не мог сформировать власть, которая не справилась бы с такими задачами, но, увы, вышло так, что выбор стоял между двумя полюсами и довольно-таки большая часть спектра осталась вне Верховного Совета и, следовательно, власть не совсем адекватно отражала интеллектуальный потенциал нации. Это и есть то первое фатальное обстоятельство, плоды которого мы пожинаем. Тем же и объясняется постепенное падение авторитета среди населения и потеря контроля над ситуацией. Я уверен, что к весне 1992 года протекающие политические процессы привели бы к мирной смене власти. Декабрьско-январский вооруженный переворот сверг правительство и привил населению законодательный нигилизм, что дает свои результаты и по сей день. Среди населения преобладают настроения, по которым не нужно подчиняться ни законам, ни органам их принимающим. Не обошлись те события без рукоприкладства к казне и национальному имуществу как с одной, так и с другой стороны. Я не уверен, что этот процесс не продолжается и по сей день, так что здесь разыграли имущественные интересы (что, к нашему стыду, нужно признать, является одним из самых мощных стимулов). Не обошли они и население.

Большие надежды возлагались на октябрьские выборы 92 года. Я думал, что, обрета легитимность, власть сумеет наладить контакт со сторонниками Звиада Гамсахурдиа, нормализовать ситуацию в стране и приступить к созиданию государственности и проведению экономических реформ. На самом же деле имело место возрастание противостояния между противоборствующими сторонами и эскалация почти что гражданской войны. Все это происходило на фоне опять-таки разграбления национального имущества (включая и мирное население) и притязания на безраздельную единоличную власть. Сказывалось отсутствие четкой политической установки, доктрины у главы государства и подвластной ему исполнительной власти. Анализируя деятельность парламента как высшего органа представительной власти, который должен вырабатывать стратегию государства, наблюдается тенденция сокращения его прерогатив и компетенции и к сосредоточению в руках единоличного правителя. Досадно то, что по неведению или по иным другим причинам этому способствовала часть парламентариев. Сложение ноши ответственности с плеч большинства парламентариев привело к тому плачевному состоянию, когда один деятель берет всю полноту власти и декларирует свою ответ-

ственность за все принимаемые им единолично решения. Насколько я могу судить, ответственность подразумевает ответственности ответ за результаты принимаемых решений, но, увы, парламент, да и никто не требует этого и более того, то ли для защиты, то ли для еще большего узурпирования власти образуются парламентское большинство. Общеизвестно, что такие формирования, как большинство и меньшинство, фигурируют почти во всех парламентах, и, по-моему, образуются на базе общности политических концепций, но, увы, вряд ли найдется прецедент формирования такого на почве верности одному человеку. Доказательством тому, что большинство сформировано по этому признаку, может послужить такой факт: после падения Сухуми, на протяжении одной недели Глава государства занял более правдивую и принципиальную позицию по отношению к России, соответственно на телеэкранах замелькали лица членов парламентского большинства, проводящих акции протеста у посольства России с соответствующими требованиями и транспарантами. По истечении той недели курс Главы государства изменился на 180°, следом — поменяло курс и большинство.

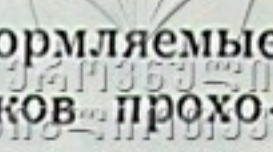
Тема Абхазии — тяжелая ноша, военные и политические ошибки чередовали друг друга. На протяжении полутора лет конфликта не нашлось ни одного виновника за военные поражения и, следовательно, ни одного наказанного. Все неудачи сваливались на сторонников экс-президента. Насколько мне известно, хотя бы на падение Гагра—Гантиади этот фактор не должен был сказаться, но и там не нашлось виновников. Вся цепь договоров, начиная с 3 сентября 92 года, характеризуется все большими уступками с нашей стороны. Хотелось бы особо выделить соглашение от 27 июля 1993 года. До подписания этого соглашения проводилось закрытое заседание парламента, на котором Глава государства взял всю ответственность за последствия этого соглашения. За подписанием соглашения последовал вывод боевой техники и сил за сотни километров от линии фронта с нашей стороны и на несколько километров с абхазской стороны. Я знаю, что протяженность Абхазии не столь велика, но неужели нельзя было добиться симметричности отвода. Всеми возможными способами возвращались беженцы. Сушей, воздухом и морем способствовали возвращению беженцев в Сухуми, и трагедия истребления грузинского населения при падении Сухуми стала неотвратимой. Сейчас многие обвиняют формирования, стоявшие в Очамчире, в том, что они не форсировали реку Кодори и не пришли на помощь

защитникам Сухуми. Я по профессии не военный и, может быть, мой вопрос дилетантский: «Почему отступавшие из Сухуми и Гульрипши части не перешли мост через Кодори, а пошли вверх по ущелью, если форсирование Кодори было столь легким?» Может возникнуть ответ: правительственным войскам не хотелось соприкасаться со сторонниками Звиада Гамсахурдиа, но там ведь были и правительственные части, да и этого соприкосновения ведь все равно не удалось избежать.

Женевское коммюнике от 13 января 1994 года является юридическим оформлением поражения Грузии в этой войне (в чем, в смысле поражения признался Глава государства на заседании парламента) без точного указания выигравшей стороны, ибо 80-тысячное абхазское население не могло победить 5-миллионную Грузию. Это же коммюнике придает статус миротворческих вооруженным силам, которые в немалой степени способствовали данному стечению обстоятельств, и ставит их на рубеже реки Ингури. Возвращение беженцев оговорено пока лишь только в Гальском районе. Хотелось бы подчеркнуть, что Гальский район далеко не вся Абхазия и что по известным мне фактам абхазская сторона и не претендует на эту часть Самурзакано. Учитывая кордон на реке Ингури, обеспечение безопасности беженцев, оговоренное в этом коммюнике абхазской стороной, и последнее высказывание Ардзинбы приведут к тому, что возвратившиеся беженцы станут заложниками противной стороны, функции охраны беженцев, как минимум, нужно было возложить совместно на министерство внутренних дел Грузии, Абхазии и миротворческие силы. Пока в мировой практике не было прецедента присвоения статуса миротворческих сил на территории одного государства вооруженным силам соседнего государства, ибо сей факт может допустить, не дай Бог конечно же, реализацию территориальных притязаний между соседними государствами.

Я бы не хотел показаться слишком категоричным и хотел бы оговорить, что, конечно же, нужно вести переговорный процесс, отстаивая национальные интересы Грузии, но ни в коей мере, хотя бы документально, юридически не фиксировать проигрышные для Грузии моменты. А это коммюнике, на мой взгляд, никак не отвечает таким требованиям.

Мне бы особенно хотелось выделить проблемы экономики, финансов и социальных условий населения. За прошедшие 2 года мало чем можно похвастаться в этих сферах. Начатая было приватизация земель свертывается. Насколько мне из-

вестно, по распоряжению Кабинета министров оформляемые сейчас документы о сдаче-приеме земельных участков проходят под грифом «Свидетельство о временном пользовании». Временное пользование может подразумевать как год, так и полгода. Какая же может быть уверенность у крестьянина? О приватизации крупных и средних государственных объектов пока нет и речи.

На обсуждение в парламенте финансово-кредитной политики, подорвавшей всю экономику, и доклада бюджетно-финансовой комиссии о деятельности национального банка, наложено табу. Сформированный вот уже 5 месяцев назад Кабинет министров не имеет ни программы действий (или же не удостоился представить парламенту), ни даже ее части, в частности, программы укрепления купона. Премьер Пацация попросил десять дней на формирование этой программы, как будто такая задача не стояла с первых же дней утверждения премьера. Глава государства уже неоднократно подчеркивал вынужденный характер и неожиданность решения введения национальной валюты, что само по себе уже подрывает доверие к национальному купону и вызывает его инфляцию. Что мешало Кабинету министров проводить в жизнь постановление парламента «О купоне как единственном платежном средстве» хотя бы чисто монетарно-административными методами? Эти и другие вопросы должны были обсуждаться на пленарном заседании парламента 27 января, но, добившись от парламента отсрочки на 10 дней, ни Глава государства, ни премьер не сочли нужным остаться на заседании, хотя было сказано заранее, что у отдельных членов парламента и депутатских фракций были свои соображения и даже программы по проблеме укрепления купона. Сейчас я не берусь оценивать достоинства и недостатки этих концепций, но они могли бы поинтересоваться ими. А тем временем на купоны можно купить всего лишь хлеб.

Я могу только лишь приветствовать тенденцию к укреплению законопорядка, проявляемую силовыми структурами, но судя по тому, как освещаются подобные акции в прессе и по телевидению, опасаясь, как бы они не носили политическую подоплеку с целью дискредитации некоторых политических партий. Конечно, я согласен с принципом, что политические партии не должны быть вооруженными, но у меня возникает вопрос, кстати, который был поставлен и зам. министру ВД на заседании парламента: «Как быть с дивизией «Тбилисели»,

которая подчинялась обществу «Тбилисели», а последнее, настолько мне известно, вошло в «Гражданский союз».

Итак: 1. Проиграна война в Абхазии, и старания урегулировать эту проблему вряд ли приведут к успеху. 2. Экономическая реформа не идет, промышленность разрушена, курс купона стремительно падает. 3. Парламент на самом деле отстранен от власти, вся власть сосредоточена в одних руках, принимаемые решения не дают благоприятных результатов, и никто за это не держит ответ. 4. Кампания по борьбе с преступностью носит политическую окраску и пока что не принесла каких-либо ощутимых результатов населению.

II. Я могу рассказать о своем видении тех проблем, которые стоят перед нами. В предыдущем вопросе я расчленил картину нынешней ситуации на 4 пункта и постараюсь наметить пути выхода по всем этим направлениям.

I. Касательно Абхазии. Конечно же, нужно вести политический переговорный процесс, но ни в коей мере, я боюсь, повторяюсь, нельзя фиксировать документально-юридически проигрышные для Грузии моменты, вплоть до срыва отдельных этапов переговоров; вспомним арабо-израильский процесс и сколько раз та и другая стороны срывали разные переговоры, фактически от этого хуже ни одной, ни другой стороне не стало. Для этого, как минимум, нужно поменять состав делегации, тем более, что многие входящие туда лица получали порицание за ранее подписанные ими документы, вспомним прецедент коммюнике Шахрая-Абдуллатипова с русской стороны, когда парламенту пришлось дезавуировать этот документ. Насколько мне известно, возвращение беженцев в Гальский и Очамчирский районы в ближайшее время не является такой уж отдаленной мечтой, но, конечно, нельзя допускать того, чтобы они вернулись без соответствующей силовой защиты. А кордон на реке Ингури вряд ли пропустит подобную защиту. Что же касается всей территории Абхазии, то, видимо, мирный переговорный процесс вряд ли даст желаемые результаты, и нужно готовиться ко всему. В этом свете очень интересными являются последние решения НАТО о новом мирном процессе. Я бы не хотел вдаваться в детали, и последние тенденции политики США, которые, по словам президента Клинтона, «не допустят пребывания российских войск на территории тех государств, правительства которых не изъявят на то своего желания». И самое главное, нужно строить грузинские вооруженные силы, подчиняющиеся закону и власти, и способные защитить интересы государства.

2. Хотя я по профессии не экономист, но думаю, что неоспорима истина, что не правительство кормит население, а наоборот. Функция власти сводится к созданию путем законодательства таких условий, что свободный предприниматель мог бы вести свои дела, производить продукцию и, уплатив налоги, поддерживать государство. В этом плане нужно в первую очередь разработать и провести в жизнь программу приватизации и вообще реформы экономики, благо такие программы как отечественные, так и разработанные авторитетными международными организациями, давно представлены. Кстати, выполнение такой программы международного валютного фонда повлекло бы за собой выделение последним четырехсотмиллионного кредита для Грузии, но почему-то об этом мы узнаем очень поздно. Хотел бы отметить, что недавно произошло приятное событие — парламент принял пакет законопроектов о налогообложении с цивилизованными либеральными низкими тарифами, что, по-моему, послужит толчком для свободного предпринимательства и росту товарообмена.

Нужно монетарно-административными методами хотя бы приостановить падение курса купона и укрепить банковскую систему. Не нужно смотреть в сторону рублевой зоны, ибо все мы видим, что происходит с рублем и какое будущее сулят ему русские и зарубежные эксперты. Вспомним и то, что после объявления решения Белоруссии о вступлении в рублевую зону, Международный валютный фонд и Банк развития отказали Белоруссии в оказании финансовой помощи и предоставлении кредита и, напротив, Узбекистану было выделено 500 миллионов долларов для укрепления собственной валюты. И, самое главное, нужно всеми силами и безотлагательно бороться с криминальным миром, чтобы и свободный предприниматель, и население могли бы без опаски строить экономику.

3. Парламент. Парламенту следует опять-таки взять в свои руки те функции, которые входили в его компетенцию, и задействовать свои контрольные функции. Нужно в обязательном порядке заслушать полный отчет Главы государства о проделанной работе и программы вывода страны из полного кризиса. Нужно наладить механизмы, консультации и достижения единых подходов к решению проблем между большинством и оппозицией, а не делать ставку на численное превосходство, хотя и небольшое. Как показала практика, в Грузии единоличное правление не приносит желаемых результатов и нужно выработать механизмы рассредоточения власти и выработки механизмов принятия решений коллегиальным образом. Конеч-

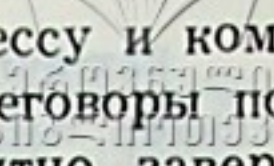
но, на этом пути первым шагом будет возвращение парламенту делегированных им же чрезвычайных полномочий Главе государства. Парламент должен и обязан принимать решения, нести ответственность за укрепление суверенитета и построение государственности (включая экономику), а не перекладывать их на плечи Главы государства, а тот, в свою очередь, на членство в СНГ. Принципы, по которым должны решаться эти проблемы, являются: незыблемость национального суверенитета и традиций, либеральный подход к правам граждан и свободному предпринимательству, экономические реформы, ведущие к капитализму, и парламентская форма правления, законопослушание для всех и вся.

4. Общественная безопасность. Я рад подчеркнуть то обстоятельство, что, оказывается, можно бороться с преступностью без привлечения помощи извне. И хотелось бы пожелать нашим силовым структурам успеха на этом поприще.

III. Безусловно, это 27 сентября — день падения Сухуми, бегство грузинских сил из Абхазии и заклание грузинского населения абхазскими и пришедшими с севера боевиками. Видимо, все шло к тому, что этот день должен был наступить, и он не заставил себя ждать. Я имею в виду предшествующие этому дню события и ту цепь ошибок, просчетов, которые обусловили трагическую, и, я бы сказал, логическую неизбежность такого конца.

IV. Я не хотел бы строить свой ответ в модалном звучании, но сам вопрос каким-то образом подразумевает такой подход, и я постараюсь как можно меньше строить свой ответ в форме «если бы... то...». Если бы правительственные формирования в первых же походах в Западную Грузию не бесчинствовали в отношении мирного населения, то, естественно, реакция со стороны местных жителей была бы менее резкой и они не так бы сплотились вокруг фигуры экс-президента. Если бы диалог между Госсоветом и впоследствии парламентом, с одной стороны, и силами, поддерживающими свергнутую власть, с другой, был бы более конструктивным и более predisposed к компромиссам, то...

Знаете, я могу привести множество фактов, когда старания были направлены в другую сторону. Ну, возьмем хотя бы одну историю. В феврале—марте 1992 года в Зугдиди были арестованы военнослужащие формирований Госсовета, и в их числе были Георгий Каркарашвили и Бесик Кутателадзе. Чтобы выволить их из плена, из Тбилиси была направлена группа бывших депутатов, политических и государственных деятелей,

которые призывали к мирному переговорному процессу и компромиссам с обеих сторон и в то время, когда переговоры по освобождению пленных почти что были благоприятно завершены, в центральной официальной газете за подписью генерального прокурора республики появляется статья, в которой прокурор предъявляет обвинения экс-президенту, кстати, среди прочих пунктов было и обвинение в казнокрадстве, и требование президенту Чеченской республики Дудаеву выдачи обвиняемого. Согласитесь, что эта публикация ни в коей мере не могла способствовать переговорам и чуть не сорвала их. Делегации стоило больших трудов добиться благоприятных результатов. Или другой пример. В разгар конфликта в Абхазии ранней весной 1993 года была достигнута договоренность, что Вахтанг Кобалия со своими формированиями выступит в зону конфликта, и он уже находился в Гальском и Очамчирском районах, когда неведомо по чьему приказу и без предупреждения силы полиции и военных стали направляться в западную часть Мингрелии, и это и привело к тому, что Кобалия снялся и возвратился в Зугдиди. Или же в августе, начале сентября 93 года, когда обстановка в Абхазии была до предела накалена, в селе Бобоквати шли переговоры с целью привлечения сил Кобалия для защиты Сухуми, а в это время по тбилисскому официальному телевидению проходит комментарий, что эти переговоры не могут увенчаться успехом и нельзя доверять Кобалия. Я никоим образом не утверждаю, что с другой стороны не было равнозначных ошибок или других намерений, но поскольку я больше информирован о действиях официальной стороны, потому и привожу такие примеры. Но факт один, что ни одна сторона не вняла до конца призывам и стараниям некоторых политических партий и сил, расположенных к мирному урегулированию этого конфликта, и в итоге мы получили не менее тяжелую трагедию, чем та, о которой я говорил выше, хотя, конечно, жертв в этом случае было гораздо меньше, чем в Абхазии, но привлечение военных сил соседнего государства в разрешении внутригражданских противоречий разрушительным образом откликнулось на самосознании нации, и я не думаю, чтобы это дало положительные результаты для укрепления авторитета власти. Одним словом, конечно гражданской войны можно и нужно было избежать, но, к величайшему нашему сожалению, так не получилось. И причиной тому не один изолированный факт, а вся череда решений с обеих сторон, приведших нас к столь тяжелой развязке.

31 января 94 г.

Вахтаг РЧЕУЛИШВИЛИ, год рождения 1954, политолог, вице-спикер парламента Грузии. Женат, имеет сына.

I. Ситуация в стране крайне тяжелая, но я бы не сказал критическая. В первую очередь, в стране налицо политический и экономический кризис. От Грузии оторвана одна из неотъемлемых ее частей — Абхазия, не распространяется юрисдикция Грузии и на Цхинвальский регион (бывшая Юго-Осетинская АО). Ясно, что для страны, пребывающей в таком положении, самым легким путем является поиск виновных, я бы сказал, козлов отпущения, на которых можно свалить создавшуюся обстановку. Другое дело, что виновные действительно есть, однако истинных виновных никто не ищет. Оппозиция стремится возложить всю ответственность на нынешнее руководство и, естественно, заработать на этом политические очки. Но никто почему-то не хочет вспомнить, что делали те же самые представители национально-освободительного движения будучи у власти. Это важный вопрос, от которого все увильвают. Неоспоримо, что национально-освободительное движение сыграло неоднозначную роль в условиях Грузии, но стоит сказать о тех просчетах и роковых ошибках национально-освободительного движения последних лет, которые привели страну к такому плачевному положению, как со стороны оппозиции моментально начинается буря протеста. Раздаются обвинения, что якобы Глава государства пыгается свернуть на путь тоталитаризма, восстановить коммунистические и социалистические структуры. И по отношению к национально-освободительному движению ведет себя так же, как это было уже при коммунистическом режиме. Подобные обвинения глубоко неверны. Это очень важный вопрос, и я хочу четко сформулировать наше сегодняшнее отношение к национально-освободительному движению. Дело в том, что, начиная с апреля 1989 года, практически вся Грузия была активно вовлечена в национально-освободительное движение. Я бы сказал, вся Грузия пребывала в эйфорическом состоянии. Развитие национально-освободительного движения я бы поделил на два этапа. Первый этап диссидентский. Он связан с людьми, которые заслужили искреннее признание и оставили след в нашей новейшей истории, так как, я бы сказал, геройски противостояли коммунистическому режиму. Конечно же, критиков той системы за чашкой чая было немало, но активно противостояли ей единицы, что было трудно и что мы не имеем права не ценить. Но, придя к власти, они повели себя иначе. Пожалуй, больше напортили, нежели сделали до этого. Из-за их вольного или невольного пособничества пошли раз-

рушительные процессы, плоды которых так обильно пожинаем мы сегодня. Исходя из этого, думается, что глубокая национальная идея заложена в позиции именно нынешнего руководства республики. Впрочем, когда Грузия обрела государственную независимость, стала полноправным членом ООН и субъектом международного права, сам термин национальный должен смениться термином государственный. Для страны, обретшей независимость, на самом деле эти слова должны стать синонимами, и в данном случае мы не будем первооткрывателями. В любой стране термин национальный используется как государственный, например, национальный банк — государственный банк.

Национально-освободительное движение должно считать своей целью построение грузинского государства. Именно этим мы сейчас и занимаемся. И вот, как ни странно, некоторые силы бывшего национально-освободительного движения проводят деструктивную политику, не говорю только о сторонниках режима Гамсахурдиа, сыгравшего исключительно негативную роль в создании грузинской государственности и в немалой степени способствовавшего нынешнему положению. Все конфликты, будь то конфликт в Цхинвальском регионе или Абхазии, заложены бывшим режимом. Конечно же, я ни в коей мере не снимаю ответственности с сепаратистов, но государство обязано было хотя бы ограничить их деятельность. Режим Гамсахурдиа оставил нам тяжелое наследство, фактически не оставив Грузии шанса для выживания.

Но, к счастью, этот шанс, хотя и постепенно, медленно, шаг за шагом все же появился. Грузия смогла выйти из международной изоляции, начала налаживание прерванных отношений с Россией, что является этапным шагом в построении нашего государства. Многие справедливо ставят вопрос: «Почему этот шаг не был предпринят раньше, ведь тогда не было бы у нас такой тяжелой ситуации в стране, не разрушилась бы так экономика, не была бы потеряна Абхазия?» Дело в том, что население психологически не было к этому подготовлено и, разумеется, не пошло бы на этот шаг. Вспомним всех нас после апрельских событий 1989 года. Как болезненно восприняло тогда все население приезд Шеварднадзе в Грузию. А как отметала все русское наша интеллигенция?! Тогда все были охвачены национальной эйфорией. И, к сожалению, надолго. Вспомните хотя бы наше совместное коммюнике с Шахраем-Абдуллатиповым. Документ, который в политическом плане не имел никакого значения, а был лишь декларацией наших от-

ношений с Россией, налаживанием диалога с парламентом России, с правительственными структурами России, вызвал бурю негодования в парламенте как среди меньшинства, так и среди сегодняшнего большинства. Я хочу сказать, что нормальный диалог с Россией фактически был невозможен из-за морально-психологической обстановки в Грузии и, конечно же, в России. Я ни в коей мере не складываю ответственности с реакционных кругов России, которые довели Грузию до такого состояния. И то, что подобные настроения имеются в Грузии и по сей день, это отголоски гамсахурдиевского национализма. Но в том, что мы видели в России своего главного врага, есть и объективные причины. Конечно же, каждая маленькая страна, освободившаяся от своего сюзерена, ждет от него только пакостей. Но в данном случае мы потеряли чувство реальности, потеряли правильный ориентир. Мы должны были предвидеть, что вооруженное противостояние с Россией привело бы к разрушению грузинской государственности. Я считаю, что вся кампания в Абхазии была глубоко ошибочной. Сепаратистов нужно было наказывать, но зная об их тесных связях с реакционными кругами России, мы должны были искать иные выходы, приемлемые пути сохранения целостности Грузии.

Что принесла эта война, все на себе испытали сполна. Она привела к созданию огромной мафии, наживающейся на войне. Это торговля оружием, огромные денежные поборы, мизерная часть которых потрачена на эту войну, а куда исчезло остальное, сегодня практически никто не знает. К примеру, по нашим подсчетам, сахаром, посылаемым в Абхазию, можно было устлать всю ее территорию метровым слоем, но все это продовольствие как в воду кануло. И подобных примеров не перечесть. Война стала угрозой гибели грузинской государственности. Именно этого добивались сепаратисты, заявляя, что вынудят выстрелить нас первыми. Так оно и случилось. Мы фактически пошли на поводу абхазских фашистов, грузинских националистов и русских реакционеров.

II. Ситуация сегодня тяжелейшая, но какие-то шаги к оздоровлению морально-психологического климата, нахождению правильных ориентиров уже предприняты. Я считаю, что в первую очередь это поиск и обретение Грузией своей геополитической функции. А это означает, что мы наконец-то перестанем ждать подачек от России или от Запада, напротив, все эти страны будут заинтересованы в сотрудничестве с нами. Подобное произойдет только тогда, когда Грузия утвердится в

своей геополитической функции. И эта функция есть тот транскавказский коридор, соединяющий Европу и Азию, над созданием которого сегодня так активно работает руководство Грузии.

В случае, если эта идея воплотится, Грузия сумеет выйти на международную арену с высоко поднятой головой как государство с перспективной экономикой. Для нашей страны транскавказский коридор будет иметь функцию локомотива. Ведь каждая страна стремится найти свой локомотив, который будет защищать ее интересы на международной арене. Исключение составляет лишь США. У всех бывших советских республик имеются свои страны-локомотивы. Так, например, Турция является локомотивом для Азербайджана и среднеазиатских республик, хотя в последнее время она стремится стать и локомотивом всего Закавказья, за исключением Армении. Для Армении локомотивом служит сильное армянское лобби в конгрессе США и во Франции. Для Украины — ядерное оружие, для Прибалтики — Запад, который, кстати, никогда не признавал ее частью Советского Союза, а считал ее территорию оккупированной советскими войсками. Для Грузии эту функцию несет сегодня всего лишь один человек — Эдуард Шеварднадзе. Согласитесь, что когда подобную функцию несет живой человек, для страны это тяжелая позиция, поскольку живой человек от многого не застрахован. Эдуард Амвросиевич это прекрасно понимает и поэтому все усилия прилагает к тому, чтобы страна зависела не от человека конкретно, а от реальной геополитической функции этой страны. Вот почему он развил всю свою деятельность вокруг транскавказского коридора, так как в случае успеха интерес к Грузии станет стабильным. Вот почему такое огромное внимание уделяется визитам Главы государства в Китай, Казахстан, на Украину. Ведь главная цель визитов, помимо заключения двусторонних дружественных соглашений, состоит в заинтересованности этих стран в транскавказском коридоре. Весьма плодотворным был последний визит Главы нашего государства в Турцию, поскольку Сулейман Демирель заявил о том, что Турция будет настаивать на прохождении коридора через Грузию. Это огромное политическое завоевание для нашей страны. Кроме того, идея транскавказского коридора через Грузию поддерживается всем европейским сообществом. Так что, реальная перспектива выхода страны из кризиса уже наметилась и уже, можно сказать, «забрезжил свет в конце тоннеля...»

III. Самый трагический день... Конечно же, падение Сухуми. Это, пожалуй, самый черный день в нашей истории после потери Грузией своей независимости в 1921 году. Не дай Бог, чтобы подобное еще раз повторилось...

Я глубоко уверен, что территориальная целостность Грузии непременно восстановится. И на данный момент, может это не оптимальный, но единственный выход — ввод миротворческих сил. Иного пути у нас нет. Сейчас наша первоосновная задача — возвращение беженцев, возвращение 300 тысяч обездоленных людей в родные места. Правда, разговоры о статусе миротворческих сил вызывают разногласия между большинством и меньшинством. А если посмотреть реально, имеются ли у нас возможности решить проблему иным путем. Ведь откровенно говоря, у нас нет настоящей, дисциплинированной армии. Хотя, у нас есть прекрасные бойцы, проявившие чудеса мужества, и можно сказать, голыми руками сражавшиеся с дзубов вооруженным неприятелем. Но этого недостаточно для того чтобы защитить мирное население. Наша важнейшая задача — построение боеспособной, дисциплинированной армии но для этого нужно время, и, согласитесь, длительное, обездоленных же людей нужно возвращать немедленно. И поэтому скорейшее привлечение миротворческих сил необходимо. Ис ввод миротворческих сил ООН связан с большими финансовыми затратами, с длительной проволочкой времени, к тому же в югославском конфликте этот механизм не сработал, и страны, финансирующие войска ООН в югославском регионе вряд ли с легкостью раскошелятся на новое предприятие. Придание статуса ООН российским войскам, на мой взгляд, прецедент. Опять-таки это связано с огромными финансовыми затратами. К тому же, здесь кроется и чисто политический вопрос. В крайнем случае, мы должны придать статус миротворческих сил российским войскам и параллельно пригласить большой корпус (100—150 человек) наблюдателей ООН, для того чтобы иметь хоть какой-то механизм защиты. Не скрою что мы все, и большинство и меньшинство, опасаемся. Мы до конца не уверены в том, что российские войска обязательно будут защищать интересы грузинского государства. Мы не питаем иллюзий насчет того, что юрисдикция Грузии в Абхазии будет моментально восстановлена. Мы просто в очередной раз доверяемся и хотим надеяться. Мы должны срочно начать процесс возвращения беженцев, в противном случае потеря Абхазии может стать неотвратимой.

IV. Естественно могли бы. Явления последних лет вызвали

фашизацию немалой части общества. То, что Гамсахурдиа был провинциальным фашистом — это одно, но другое — что националистским накалом обстановки он вызвал неприятие другой части общества. В награду за все мы в значительной степени потеряли ту толерантность, которой всегда по праву гордились. Возобладали низменные инстинкты толпы. Мы все словно бы оглохли, перестали воспринимать инакомыслие. Вся нация была больна. К тому же, разделилась на «ваших» и «наших».

Мы должны были избежать гражданской войны... Гражданская война никогда не сможет решить проблем, история уже показала, что гражданская война, наоборот, наслаивает проблемы, за которые приходится расплачиваться последующим поколениям.

Конечно же, у Грузии был путь избежания гражданской войны, путь, который мы, к несчастью, не нашли и не воспользовались им.

31 января 94 г.

ЧАДОИ

САИИИИ

Ирина ЗУРАБАШВИЛИ

«МОЕ МЕСТО ТАМ...»

Война принесла нам нестихающую боль и глубокие незаживающие раны. Война умножила нам женщин в трауре, безутешных вдов и убитых горем матерей. Война постучалась к каждому из нас и словно еще раз предостерегла: «Довольно! Люди, опомнитесь, остановитесь!» Еще раз напомнила, что ненависть до добра не доведет. Что ненависть порождает только зло, разрушения и смерть...

Война оборвала много прекрасных жизней, которые были так необходимы нашей многострадальной Родине. Кто знает и кто подсчитает, какие таланты сгубила проклятая война, каким возможностям не дала раскрыться, какие мысли, чувства и порывы схоронила в могиле... Мы расскажем только об одной семье, которую война опалила своим страшным дыханием. Но ой, сколько по всей Грузии безутешных семей, окаменевших от горя матерей, не знающих, где могила сына...

Сенакец Нодар Канкиа и тбилисец Джуга Дзидзигури были двоюродными братьями. Любовь к Родине привела их на войну, и эта любовь подвигла их оставить на поле боя самое ценное — Жизнь...

НОДАР

ПРИКАЗ

Капитана Нодара Канкиа за героизм и мужество, проявленные в боях за независимость и целостность Грузии, наградить орденом Вахтанга Горгасали I степени (посмертно).

Э. Шеварднадзе.

Тбилиси, 1993 г. 14 июля.

Капитан Нодар Канкиа родился 1 июня 1955 года в г. Сенаки. По окончании Тбилисского топографического техникума работал в тбилисской 64-й топографической партии. С 1980 года — инженером-геодезистом в сенакском № 5 тресте. В 1987 году окончил Тамбовский строительный институт...

У него остались отец, мать, брат, сестра, жена и девятилетняя дочь Саломэ.

Мать Подара: «Нодар несколько раз обращался в Сенакский комиссариат с просьбой об отправке на фронт, но ему было отказано. Два раза он отправился в Тбилиси, но оба раза безуспешно. Нодар страшно переживал это, и я пыталась хоть как-то его успокоить, говорила, что, наверное, нет необходимости в бойцах. Он сердился, нервничал: «Мама, я офицер, и мое место там. Я ведь знаю, что нужен Грузии, что в армии не хватает специалистов моего класса». В феврале 1993 года он ушел добровольцем в Абхазию.

Мать Подара Канкиа — Генаефа Казимировна Ильцевич по национальности — полька. Наверное, никто не будет оспаривать то, что любовь к Родине, в первую очередь, прививает мать. Вот и вдохнула сыну мать-полька беззаветную любовь к Грузии...

Младший брат Подара: «Я тоже собирался в Абхазию, но Нодар заупрямился: «Нас двое братьев, и если с кем-нибудь из нас случится несчастье, должен же кто-то присмотреть за нашими детьми...» Нодар оказался талантливым офицером, прекрасно знающим свое дело. Он рассчитывал буквально каждый ход. Его разумные действия не один раз спасали жизнь соратникам. Его бойцам запомнился один яркий эпизод из повседневной фронтовой жизни: противник буквально поливал огнем наши позиции, ребята не могли даже высунуться из окопа, нужно было срочно что-то предпринять, в противном случае всем грозила гибель. Нодар проник в стан врага и оттуда указал огневые точки неприятеля, которые нашим удалось вскоре подавить.

Два месяца Нодар не появлялся дома. Мы с друзьями поехали в Абхазию, и я попросил его хоть на один день съездить домой повидаться с родными, а мы бы остались вместо него. И знаете, что он мне ответил? «Вот уже два дня здесь какое-то подозрительное затишье. Видно, абхазцы готовят очередной сюрприз. Не дай Бог, но если что-то произойдет, как я потом посмотрю в глаза ребятам. Вы уезжайте, чтобы хоть с вами ничего здесь не случилось...»

Это было сказано за день до его смерти. А 2 июля нача-

лась та жуткая бойня, которая стоила Грузии столько молодых жизней. Враг пытался окружить батальон. Завязался тяжелый, неравный бой. Смертельно раненный в живот Нодар Канкиа оставался на поле боя, 22-летний тамышский парень Джумбер (к сожалению, я не смогла установить его фамилии) не оставил раненого и тащил его на спине почти километр. Нодар то впадал в забытие, то приходил в себя. Вдруг он заметил, что враг идет следом за ними. Расстояние между ними неумолимо сокращалось. «Оставь меня и уходи», — приказал он солдату. Джумбер не подчинился. «Оставь и уходи. Ты молодой, ты не должен умереть», — умолял Нодар парня. Джумбер и слушать не хотел. Тогда Нодар выхватил гранату и крикнул: «Беги, а то взорву и тебя!..» Джумберу ничего не оставалось... Не пробежав и сотни метров, он оглянулся, вражья стая окружила Нодара. Раздался оглушительный взрыв... И вот уже в который раз спас Нодар свой батальон...

Мать: «Весть о гибели Нодара до нас дошла... Но как я могла поверить в смерть сына, не увидев его останков... Отправилась я в Абхазию на поиски... Не нашла ничего... Даже клочка одежды... Ничего... Он всегда мне говорил: «Живым не дамся, последнюю пулю всегда приберегу для себя».

Тетя Нодара: «Нодар очень любил читать. Он все время носил с собой книги. Когда Нодар погиб, мои соседи поначалу не поняли, который мой племянник был убит, и когда я напомнила, что это тот, который всегда сидел на балконе с книгой, вспомнили».

Брат Нодара: «Он читал даже в окопе. Однажды враг поднял адскую стрельбу. Когда все прекратилось, бойцы стали перекликаться. И только Нодара не было слышно. Все переполошились, подумали, что его убило. Побежали туда и увидели, что Нодар читает, он настолько был поглощен чтением, что не услышал даже переклички».

И последнюю свою ночь Нодар провел, читая книгу...

Оказывается, в бреду Нодар все время звал свою маленькую Саломэ.

Мать: «Хоть бы могила осталась после него. Ходила бы я к нему, носила бы ему цветы, отводила бы душу... А теперь только фотографии да одежда... Что мне делать, Боже, что делать!..»

Молитесь за его светлую душу, молитесь. Все преходяще, душа же бессмертна. И не оставит его душа свою Саломэ, свою Родину, за любовь к которой так бесследно исчез ваш сын, сын Грузии, отец маленькой Саломэ — Нодар Канкиа.

ДЖУГА

საქართველოს
ხალხთა ეროვნული
ბიბლიოთეკა

Дзидзигури Лаврент (Джуга) родился 15 декабря 1974 года в Тбилиси. Он учился в 42-й математической школе, затем продолжил учебу в 46-й средней школе и перешел в вечернюю школу, которую должен был окончить в июне 1993 года...

С 15 лет Джуга включился в деятельность «Легиона грузинских соколов», принимал участие в известных декабрьско-январских событиях 1992 года, с января 1992 года служил в Чолокашвилевском отряде, а с марта 1992 года в Гиоргицминдской сотне.

Погиб 30 августа 1992 года.

У него остались отец, мать и двое братьев.

Джуге было всего семнадцать. Наверное многим из нас запомнился показанный по грузинскому телевидению 2 января 1991 года сюжет из зоопарка: на бетонной плите сидит худенький парнишка с огромными ласковыми глазами и кормит с руки ягнят. Это был Джуга...

Больше всего любил Джуга жизнь и животных. Эта любовь и привела парнишку на работу в зоопарк, потому он и перешел в вечернюю школу. И дома он устроил минизоопарк. А теперь за его собакой, голубями, кроликами, рыбами, попугаями ухаживают его мама и младший брат Гурам. Однажды он принес из зоопарка лисицу с переломанным позвоночником и ухаживал за ней два месяца. А зоопарковской обезьянке Кириллу даже справил день рождения...

Мать Джуги: «С 16 лет у Джуги уже было оружие, но домой он никогда его не приносил. Только один раз я увидела его с оружием, это когда он отправлялся в Абхазию. Мне стало не по себе, и я не удержалась: «Сынок, как ты сможешь убить человека, если даже животному не желаешь смерти?!» Он ответил: «Если в меня не будут стрелять, я первым не выстрелю»...

В ночь на 26 августа 1992 года в Эшери на Гиоргицминдскую сотню вероломно напал враг. Тяжелораненого семнадцатилетнего юношу срочно доставили в Тбилиси.

Мать: «Мой сын испытывал нечеловеческие муки, как он только сносил их... Не поймите меня иначе, но я в глубине души горжусь, что у сына на груди было столько ран, на спине же — ни одной...».

Джуга очень любил сказки и «Дон Кихота»...

Нодар КОМАХИДЗЕ

Грузия и перспективы черноморской интеграции

25 июня 1992 г. в Стамбуле главы государств и правительств 11 стран — Турции, Грузии, Болгарии, Греции, Румынии, России, Украины, Молдовы, Албании, Азербайджана и Армении подписали «Босфорскую декларацию» о создании Черноморской зоны экономического сотрудничества (ЧЗЭС). Республику Грузия на этом международном форуме представлял Э. А. Шеварднадзе, который выступил с конструктивной речью, получившей всеобщую высокую оценку и одобрение.

Идея создания ЧЗЭС принадлежит покойному президенту Турции Тургуту Озалу. Программа регионального сотрудничества стран Черноморского бассейна была предложена им как экономический альянс государств этого региона. «Кроме экономического, сейчас необходимо активное политическое взаимодействие на региональном уровне в рамках единых кооперированных структур», — подчеркнул Тургут Озал. Конференции было предложено создать региональную организацию с высокой политической и культурно-правовой интеграцией. Предложение было принято. Э. А. Шеварднадзе в своем выступлении дополнил проект Турции новыми предложениями.

Волею судеб Турция оказалась в центре региона, переживающего глубокие социально-экономические и политические перемены. Поэтому она взялась за лидирующую роль в укреплении **международных экономических связей** в Евразии, как связующего звена между Европой, Балканами, Кавказом и Центральной Азией. В результате это сотрудничество должно обогатиться политическими подходами для превращения Черного моря в зону мира, безопасности и процветания.

Представители турецких деловых кругов предлагают различные варианты сотрудничества государств в рамках ЧЗЭС.

Как считает председатель Делового совета внешних связей Турции — Деик Нихат Гёкйигит (Н. Гогитидзе), прежде всего надо выработать двусторонние соглашения между странами ЧЗЭС в области экономики, культуры и консульских отношений и распространить их на всех участников новой организации. Затем целесообразно подготовить данные по экономике государств, входящих в зону сотрудничества, с целью способствовать развитию кооперации и предоставлению инвестиций в регионе. Наиболее важным фактором в реализации черноморского проекта является финансирование, для чего следует в ближайшее время основать Черноморский торгово-инвестиционный банк с участием Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР), Международной финансовой корпорации (МФК), инвестиционных банков Дальнего Востока и региональных банков.

Производство электроэнергии представляет собой одну из возможных и значительных областей сотрудничества. В рамках черноморской зоны, по мнению специалистов, необходимо создать единую энергетическую систему. Это касается и природного газа. Считается целесообразным подача туркменского природного газа через Каспийское море, Кавказ, Иран, Турцию и Балканы в Вену и соединение его с газопроводом, идущим в Европу через Черное море.

Выдвигаются проекты строительства трубопроводов сырой нефти и нефтепродуктов, а также терминалов на побережье Черного моря. Предусматривается расширение и обновление нефтедобывающих и перерабатывающих мощностей в России и Казахстане. Ввиду того, что в ближайшие 5—10 лет пролив Босфор может оказаться перегруженным, к тому же экологическое состояние Черного моря и проливов вызывает озабоченность, разрабатываются крупные проекты строительства нефтепровода залива, расположенного на юго-востоке Турции.

На симпозиуме, состоявшемся в Стамбуле в конце апреля 1993 г. на тему «Нефть и газ Черного моря. Перспективы развития», грузинские газостроители предложили проложить газопровод из Туркмении в Турцию через Грузию с подачей природного газа в Восточную Анатолию. Рассматриваются два варианта строительства: 1. Каспийское море — Азербайджан — действующий на территории Грузии газопровод — Восточная Турция — Западная Турция — Европа. 2. Туркменистан — Северный Кавказ — Закавказский магистральный газопровод — Турция—Европа. Для реализации этих вариантов необходимо проложить на территории Грузии трубопро-

вод длиной в 220 км между Сагурамо и Ахалцихе, что берет на себя департамент «Грузгаз».

Объединенная энергетическая система позволит создать химические предприятия в нужных для региона местах и приступить к восстановлению существующих и строительству новых промышленных объектов по производству необходимых товаров. Сотрудничество может оказаться плодотворным и в области конверсии, модернизации аэропортов, морских портов на Черном море, автомобильных и железных дорог.

Учитывая возможности Грузии и со стабилизацией обстановки в Причерноморье, нельзя забывать и о развитии инфраструктуры туризма, в котором Турция приобрела большой опыт.

Следует отметить, что турецкие деловые круги считают, что первостепенной задачей стран Причерноморья является поиск, добыча и транспортировка нефти, природного газа и других полезных ископаемых для экономического роста региона. Его развитию также будет способствовать обновление общими усилиями промышленности, сельского хозяйства и транспорта через приватизацию, что должно повлечь за собой солидный приток капиталов. Зона черноморского сотрудничества представляет собой огромный рынок, который не может не заинтересовать финансовые круги развитых стран мира. Кроме того, она лежит на стыке Европы, Ближнего Востока, Кавказа и Средней Азии и способна стать пространством для более масштабной консолидации.

По мнению председателя базирующейся в Стамбуле Международной ассоциации транспортников (МАТ) Саффета Улусоя (он лаз¹ по происхождению), осуществление проекта черноморского экономического сотрудничества даст хорошую возможность развития Турции и Грузии, имеющих удобное географическое положение, может принести этим странам солидные дивиденды.

Тезис об особом геополитическом положении Грузии может иметь только лишь теоретическое значение, если не наполнить его реальным политическим, экономическим и правовым содержанием. Для этого очень важно наладить эффективные коммуникации между странами—участницами проекта, реализовать предложение Эдуарда Шеварднадзе по созданию транспортного транзитного коридора Европа—Закавказье—

¹ Лазы — одно из картвельских племей. Лазы жили на юго-восточном побережье Черного моря.

Восток, провести работы по стандартизации продукции, активно обмениваться информацией, выделить зоны свободной торговли, основать банк международной торговли и инвестиций, содействовать упрощению таможенного режима, свободному передвижению граждан и капиталов, гарантировать безопасность иностранных инвестиций, принять другие меры, способствующие развитию сотрудничества.

Здесь следует особо отметить идею создания евроазиатского пространства по замыслу Э. Шеварднадзе. Как отмечают информированные представители прессы, сегодня, быть может, еще не очень четко просматриваются контуры этого пространства, которое способно объединить десятки стран, привлеченных идеей полезного (разнопланового) взаимодействия. Однако ясно, что в случае реализации этого проекта геополитическое положение Грузии станет реальным, действующим фактором.

Присутствовавшие на пресс-конференции Э. Шеварднадзе в Пекине представители грузинской прессы отмечают, что Глава Грузинского государства с улыбкой сказал: «Грузины полагают, что все дороги, ведущие в Европу, проходят через Грузию». Многие эксперты и обозреватели, отдав должное чувству юмора, увидели за этими словами стремление Грузии активно участвовать в создании этого пространства, ее заявку на долготетнее сотрудничество в интеграционных процессах.

Разумеется, без необходимых правовых основ, без разветвленной инфраструктуры, без каналов продвижения нефтепродуктов, газа, других грузов, такое пространство функционировать не может. Находясь с визитом в Китае, Эдуард Шеварднадзе осветил еще один, весьма важный, аспект проблемы. «Для меня, — сказал Глава государства Грузия, — строительство этого своеобразного «евроазиатского коридора» важно не только с точки зрения экономической эффективности. Он может стать определенной гарантией безопасности и стабильности в регионе. К этой идее большой интерес проявили руководители ряда стран. После бесед с китайскими друзьями я пришел к выводу, что они готовы подключиться к строительству евроазиатского пространства, которое открывает большие возможности в формировании нового мирового порядка».

Транспорт и системы современной коммуникации должны стать приоритетными направлениями в создании черноморской зоны. С этой целью необходимо приступить к строительству шоссейных дорог между государствами Причерноморья, удоб-

ных и современных пограничных пропускных пунктов либеральной системой функционирования. Такой подход будет не только содействовать расширению торгово-экономического обмена между странами, что также оживит туризм, но, в свою очередь, приведет и к более динамичному социальному и экономическому развитию.

Черноморский проект обещает быть очень выгодным и полезным для Грузии с точки зрения приобщения к богатому опыту ряда стран по организации свободного рынка. В первую очередь это касается Турецкой республики, сделавшей серьезные шаги в направлении создания рыночной экономики и преодоления трудностей, которые в настоящее время испытывают другие страны региона. Тесные деловые контакты Грузии с Турцией, располагающей современными портами и аэропортами, наземной транспортной структурой, терминалами и свободными зонами, обеспечат нашей стране удобный выход в Средиземное море, Балканы и Европу. Не следует забывать, что Турция имеет связи с ЕЭС, Европейской ассоциацией свободной торговли, является членом Организации экономического сотрудничества и развития, которая установила взаимовыгодные связи с республиками Средней Азии и поддерживает тесные контакты с мусульманскими странами и государствами Ближнего Востока. Мы, как и наши соседи по Закавказью, нуждаемся в турецком содействии для обновления экономики, а также для установления мира и стабильности в регионе. Развитие экономических отношений с Турцией может способствовать давлению на разного рода сепаратистов, возмутителей спокойствия и сил черной реакции.

Турция также удобна для импортеров нашей страны как поставщик товаров широкого потребления и качественных строительных услуг, но по более низким ценам и под умеренные проценты по кредитам. Турецкие предприятия, выпускающие телекоммуникационное оборудование, строительные конструкции, бытовые товары, одежду, продовольствие, развились недавно, в 80-х годах, благодаря реализации «Программы Тургута Озала», и уже имеют современное оборудование и хорошую возможность выстоять и обеспечить своей продукцией соседние страны. Фирмы развитых государств недостаточно заинтересованы в модернизации и конверсии наших заводов, в то время как турецкие имеют опыт в выполнении такой работы. Инженерные и консультативные фирмы Турции могут принять участие в составлении широкого спектра проектов в рамках черноморского сотрудничества. Кроме того, Турция

в состоянии направить в любой регион страны мелких предпринимателей, которые легко приспособляются к местным условиям.

Теперь, когда Парламент Грузии принял «Закон о правовом положении иностранцев» в нашей стране, созданный с учетом передового опыта демократических стран мира и традиций грузинской государственности, обычаев грузинского народа, сняты многие препоны, затруднявшие ранее обеспечение правового статуса иностранных граждан. Новый закон призван стать в Грузии регулятором происходящих в мире интеграционных и миграционных процессов, активной эмиграции и иммиграции граждан, должен обеспечить соблюдение международных норм во всех процедурах, связанных с защитой прав граждан зарубежных стран. Согласно принятому правовому акту, временно переселившиеся в республику иностранные граждане сразу же могут получить работу, им предоставлена возможность участвовать в бизнесе и т. п., в то же время проживающие в Грузии иностранцы должны нести ответственность перед нашим государством, уважительно относиться к языку, культуре, традициям нашего народа.

На своей встрече председатели и спикеры парламентов стран региона (Стамбул, 25—26 февраля 1993 г.) подписали «Декларацию о создании Парламентской Ассамблеи Черноморского Экономического Сотрудничества» и договорились создать в рамках Ассамблеи 3 специальные комиссии:

1. По вопросам экономики, торговли, технологии и охраны окружающей среды.
2. По правовым и политическим вопросам.
3. По вопросам культуры, просвещения и социальной сферы.

Штаб-квартира альянса Черноморских стран учреждена в Стамбуле (после преодоления возражений со стороны Болгарии, Греции и Румынии, предложивших свои столицы). Здесь работает небольшой многонациональный Секретариат во главе с Генеральным секретарем. Председательство организации будут по очередности осуществлять Председатели парламентов стран-участниц.

Первая сессия парламентской Ассамблеи состоялась в Стамбуле 16—18 июня т. г. В ней приняли участие 70 депутатов из 11 стран-участниц. Грузию представляли пять депутатов национального парламента и автор этих строк.

Республика Грузия, реализуя курс активного нейтралитета, осуществляет политику развития взаимовыгодного сотрудни-

чества с соседними странами. С рядом государств региона заключены и находятся в стадии обсуждения различные договоры.

Грузия придает огромное значение взаимоотношениям с Турцией, и это естественно. Эта страна наш исторический сосед, и прошлое нашего соседства насчитывает целых 8 столетий. Последние 200 лет из этих столетий Грузия по известным причинам не имела возможности развивать контакты с Турцией, равно как и со всеми другими странами региона, в соответствии с собственными национальными и государственными интересами.

Теперь иные времена, и наша страна полна решимости строить внешнюю политику с учетом вековых интересов Грузинского государства.

О роли и месте Турции в современной международной жизни говорить не приходится. Она имеет солидный вес в мире и регионе, является активной участницей европейских процессов, и по мнению ряда авторитетных международных обозревателей, в конце этого века она может стать **Державой**. Одна из основных политических линий анкарской администрации — усиление роли Турции как одного из творцов нового мирового порядка. Во всяком случае так считает Президент Турции С. Демирель, и Турецкая республика собирается войти в состав государств, которые будут иметь претензию определять судьбы мира.

Что касается наших взаимоотношений, то эта страна одна из первых признала нашу независимость и суверенность, ее премьер-министр — первый высокий гость, посетивший Тбилиси с официальным визитом на уровне главы правительства в июле прошлого года. Тогда же и были подписаны 7 соглашений и договоров, которые должны способствовать решению важнейших политических и экономических проблем наших стран на качественно новом этапе их взаимоотношений. Среди них и т. н. рамочное. Вот перечень этих документов:

1. «О дружбе, сотрудничестве и добрососедстве».
2. «О торговом и экономическом сотрудничестве».
3. «О сотрудничестве в области просвещения, спорта, науки и культуры».
4. «О взаимном поощрении и защите инвестиций».
5. «О международном автомобильном сообщении».
6. «О воздушном сообщении».
7. «Морское соглашение».

Данные документы определили принципы взаимоотношений наших стран и отвечают интересам как Грузии, так и Турции.

Этот новый этап нашего добрососедства основывается на факторе полного доверия и взаимной доброжелательности, уважении суверенитета и независимости, незыблемости национальных границ, территориальной целостности и невмешательства во внутренние дела «на основе новых принципов международных отношений, верности Уставу и целям ООН, Хельсинского акта и Парижской Хартии».

Эти соглашения уже ратифицированы парламентами Грузии и Турции, в Тбилиси и Анкаре созданы межпарламентские комиссии по сотрудничеству. Контакты расширяются изо дня в день, в него включились министерства и ведомства двух стран, представители науки, культуры и делового мира.

Развивается приграничная и прибрежная торговля, завязываются взаимовыгодные торгово-экономические и научно-технические связи, грузинские строители заложили фундамент строительства крупных систем канатных дорог в Артвинской, Ордуйской и Ардаганской губерниях Турции, наземных участков метро в Самсуне, реализуются другие интересные программы кооперированного труда как в Грузии, так и Турции.

И это только начало. У этих контактов большое будущее как на двусторонней, так и многосторонней основе — в рамках партнерства в ЧЗЭС. Нет сомнения, что встречи в Анкаре, обмен мнениями и принятые документы будут иметь первостепенное значение как для наших стран, так и для всех государств Черноморского бассейна.

Ирина БЕГИЗОВА

ИСКУССТВО СОВРЕМЕННОГО МЫШЛЕНИЯ

Мы давно уже свыклись с мыслью, что мультипликация — «Золушка» в «большом» кинематографе, и принимаем эту истину с грустной покорностью. Новые поколения, входящие в мульткино, из года в год как бы заранее смирялись с участью создателей милых, забавных, даже любимых публикой «мультиков», не претендуя на роль творцов подлинного искусства, лишь время от времени осмеливаясь вырваться за рамки привычных стереотипов. И только единицы — несомненные таланты — бунтовали, отбрасывали, ломали эти тесные рамки, меняли своими фильмами всякие представления о возможностях и природе мультипликации. Они осваивали новые жанры, новую тематику, открывали новые стилистические регистры, наконец, поднимались на новый образно-эмоциональный уровень.

Это искусство, пережившее за свою вековую историю периоды «бури и натиска», богатейшее по арсеналу приемов и средств, «признано» лишь небольшой группой людей, имевшей волею судьбы возможность познакомиться с мультипликацией поближе. Вот некоторые высказывания: «Мультипликация теперь — единственное настоящее искусство, потому что в ней, и только в ней, художник абсолютно свободен в своей фантазии» (Ч. Чаплин); «Мультипликация — образное мышление не менее интересное, чем живопись, кинематограф или театр» (Ю. Норштейн) и др.

Действительно, под одной крышей, именуемой мультипликацией, уживаются два искусства: одно — фестивальные филь-

мы и второе — массовая продукция. Первое со своими победами, поисками, подлинными шедеврами, интереснейшими направлениями, отвечает всем восторженным и вполне справедливым высказываниям о ней, но известно, увы, лишь профессионалам, да и то лишь тем, кто имеет доступ к международным фестивалям. А вся огромная армия мультипликаторов разных специальностей, своими руками делающая фильмы, имеет лишь самое отдаленное представление о том, что творится в их мире, и то благодаря случайным просмотрам, «подаркам» с «барского» столичного стола. И что уж говорить о зрителе, не имеющем и этого самого отдаленного представления, не ведающего, что же такое на самом деле мультипликация. Собственно ему, «бедному зрителю» и невдомек, что даже имя-то у нее другое. «Мультипликация» — термин, обозначающий «размножение», исходит из технологии производства, основанного на размножении отдельных рисунков, он был принят с чьей-то легкой руки только в бывшем Советском Союзе. Весь остальной мир пользуется другими терминами, из которых общепринятый — «анимация» (от слова «анима» — душа), наиболее точно отражающий не только процесс «одушевления» рисунков, но и саму сущность «оживления» рисованного, кукольного или созданного в другой технологии мира.

А всеядного зрителя упорно продолжают потчевать конвейерной продукцией не первой свежести и самого сомнительного качества, в чем несомненная и неоспоримая заслуга телевидения как российского, так и нашего грузинского, на сегодня единственного постоянного коммуникативного канала*.

Поэтому, естественно, эталоном и ностальгической мечтой зрителя продолжают оставаться фильмы классика мировой мультипликации Уолта Диснея и созданное им эстетическое направление развлекательного, трюкового фильма, явля-

* Не так давно работники ТВ обратились к автору этих строк с просьбой предоставить фильм для новой информационной-развлекательной программы. Был предложен фильм «Соседи» Н. Мак-Ларена — признанная, но не известная нашему зрителю классика мирового кинематографа, снятая в технике «пиксиляции» (мультипликационной съемки живого актера). Но на просмотре в выпускающей программу группе возникла реакция неприятия непривычного. От фильма отказались, попросили «что-нибудь классически развлекательное». Комментарии, как говорится, излишни. Увы, бедный зритель!

ющегося детищем «американской комической» и «комикса». Как всегда с большим опозданием произошла встреча с легендарным сериалом «Том и Джерри» ветерана мировой анимации Джека Зандера. И при всем желании быть снисходительным к отечественным образчикам этого жанра коммерческого кино при виде серой безликой массы фильмов, бурным потоком льющихся с телеэкрана, возникает ощущение, что это искусство переживает период близкий к летальному. К счастью, это не так.

Используя вкуче выразительные возможности литературы, изобразительного искусства, кинематографа, музыки и театра, аниматор создал особую форму аудиовизуального синтеза. Более того, современная анимация часто становится своеобразным «полигоном», на котором отрабатываются подчас уникальные приемы и средства выразительных возможностей каждого из названных искусств. И тогда уже анимация, ее достижения и языковые открытия переходят в изобразительное искусство, музыку, кинематограф, способствуя их развитию и совершенствованию.

Мультипликация обладает рядом специфических и совершенно удивительных свойств. Это, пожалуй, единственное искусство, где все компоненты образности свободны от реальных связей: это придуманный, могущий быть совершенно фантастичным сюжет с любым немотивированным поведением героев; это изображение, лишённое фотографичности других видов кинематографа и сотворенное по воле и желанию режиссера; это искусственно созданное движение, время, пространство...

Возможность «творить» основные координаты реального мира обусловлена характерными особенностями, проявляющимися во всех структурных элементах, составляющих художественный образ в анимации. Условно их можно объединить в три сферы:

1. Литературная — драматургия фильма со своими специфическими закономерностями построения фабулы, разработкой жанров, наиболее близких мультипликации как в исторически сложившихся, так и в новых сферах применения этого вида искусства;

2. Изобразительная — состоящая из собственного изображения (персонажи и окружающая среда), берущего свои истоки в изобразительном искусстве, и движения — качества, полученного от кинематографа, но получившего в анимации своеобразное преломление;

3. Звуковая — со специфическим применением музыки, шумов, речи, которые несут большую нагрузку в решении пространственно-временных проблем, осуществлении движения, пластики персонажей, создании образности.

Рамки настоящей статьи не позволяют остановиться на интереснейших проблемах, связанных с выразительными возможностями анимации в ее изобразительной и звуковой сферах. Мы попытаемся проложить хотя бы шаткий мостик между читателем-зрителем и анимацией, прояснить ее жанрово-драматургические возможности.

Социальная значимость различных искусств меняется с течением времени, что зависит от многих причин и, в частности, от зрелости самого искусства. Естественно, что каждый вид искусства по-разному реализует свои коммуникативные функции, ибо чем богаче словарь и грамматический строй любого языка, тем большую сферу явлений он формализует, тем более сложную картину мира может транспонировать реципиентам, владеющим этим языком.

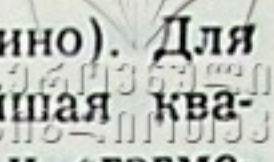
История искусства анимации развивалась довольно своеобразно: обладая незаурядным потенциалом, она совершенствовала свой язык автономно, не расширяя жанровых границ и возможностей анимации. Долгое время она довольствовалась использованием лишь тех возможностей, которые как бы лежали на поверхности и приносили стабильный успех, тем самым суживая свои задачи. Причина такого самоограничения мультипликации, очевидно, состояла в том, что не пришло еще время, не было социального спроса на те эстетические формы, которые могли быть реализованы только средствами анимации. Таким образом, многогранные возможности анимации долгое время использовались лишь частично, а экспериментальные работы единичных художников были известны лишь узкому кругу специалистов.

Одной из первых жанровых форм анимационного зрелища, которая проложила путь к массовому зрителю, создала возможность развития рисованного фильма не только как искусства, но и как рентабельной промышленности, явилась серия короткометражных фильмов с наличием постоянного героя-маски. Как известно, искусство маски — одна из древнейших форм народного творчества. С ней связано зарождение игрового образного начала, происхождение театра, формирование символично-метафоричной образности, имеющей огромное значение практически во всех видах искусства. Преемником и продолжателем этих плодотворных традиций народ-

но-комедийного, карнавального действия является анимация, которая широко и многопланово использует символично-метафоричную образность маски и, переосмысляя, развивая и перерабатывая богатство ее средств, форм, мотивов, получает возможность яркого отображения на экране самых злободневных проблем современности. Анимационная трюковая комедия родилась под влиянием журнального комикса и эстетики игровых фильмов «американской комической», которая в свою очередь уходит корнями в комедию-буфф, цирковую клоунаду, и, апеллируя к «физическому» юмору, строилась на гиперболизации комедий положений.

Основными жанровыми признаками этого направления являются: наличие постоянного героя-«звезды», принятой зрителем и наделенной четким характером-маской, в которой в пародийной форме воплощены ординарные типы и ситуации, хорошо известные среднему зрителю; отсутствие развитой фабулы и примитивная сюжетная конструкция, построенная исключительно на физическом действии; насыщенность трюками и высокий уровень их исполнения, выраженный в пластике персонажей, их «актерской игре», четкой музыкально-ритмической организации фильма. Первые сериалы с постоянным героем делали уже пионеры мультипликации. Э. Коль создал забавного персонажа Фантоша, У. Мак-Кей выступал с Джерти, соединив чисто театральное действие с кинематографическим, у О. Месснера появился кот Феликс, предшественник Микки Мауса. Появление сериалов с их системой постоянных героев не было связано с чисто кинематографическими закономерностями. Их генезис уходит корнями в многовековую историю культуры и пришел в анимацию с традициями изобразительного искусства. Достаточно вспомнить повествовательный рельеф колонны Траяна, сюжетные серии Ж. Калло, У. Хогарта, О. Домье и др. В анимации эта изобразительно-повествовательная форма получила благодатную почву для своего развития — отдельные статичные листы обрели способность протекания во времени, качество движения. Принципы построения сериала до Диснея и у Диснея не имеют кардинальных различий. Та же развлекательная функция, то же желание удивить зрителя, но значительно более высокий уровень владения мастерством. Персонажи двигаются свободнее, блистательное соединение музыки и изображения превращает фильмы в музыкально-эксцентрическое действо. Новое драматургическое свойство проявляет такой важный элемент серийности, как постоянное партнерство нескольких

персонажей (столь широко используемое в игровом кино). Для создания сериалов У. Диснея понадобилась высочайшая квалификация всех творческих звеньев: от сценаристов и «гэгменов» до фазовщиков. Здесь совершенство актерской игры достигает, пожалуй, непревзойденных высот не только потому, что каждый персонаж обладает филигранно отточенным характером, но и потому, что практически каждый предмет в кадре превращается в блистательного комического актера.

По своим социальным функциям творчество Диснея прошло те же этапы развития, что и само искусство анимации: от удивления (оживший рисунок) к развлечению, от развлечения к возбуждению более сложных чувств и ассоциаций. Последняя задача решалась американским мастером в его полнометражных фильмах. Здесь Дисней использовал не только весь свой арсенал трюковых средств, но и во многом изменил эстетику рисунка, систему актерской игры, способы развешивания повествования.

Вторая жанровая форма, завоевавшая массовую популярность — фильмы-сказки и полнометражные фильмы-сказки в особенности. Последние есть детище Диснея, и причина их беспроблемного успеха основана на ряде объективных факторов: 1. Эти фильмы опираются на извечную привязанность человека к сказкам детства и на возможности анимации зрительно воплотить их художественный мир; 2. Необязательность строгого сюжетного построения и психологических мотивировок поведения героев позволяет внутри фильма делать свободные переходы от одного типа зрелища к другому; 3. Полнометражные фильмы Диснея полны изобразительной фантазии, отличаются разнообразием фонов и интерьеров (хотя с точки зрения определенных вкусовых требований с изобразительной стилистикой его полнометражных фильмов можно не соглашаться); 4. В фильмах Диснея всегда учтена общекинематографическая мода (в период увлечения «американской комической» — трюковые фильмы, с возникновением моды на музыкальные фильмы — активное включение музыкальных фрагментов и даже создание жанра музыкального мультипликационного фильма); 5. Полнометражные фильмы Диснея несут в себе обязательный элемент аттракционов.

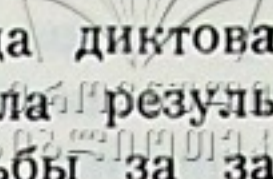
Зрителю, привыкшему к условности трюковой комедии, «натуралистическая» мультипликация казалась чудом, верхом совершенства.

Высокое мастерство Диснея сделало его фильмы эталонными в сознании зрителя, кассовый успех — объектом под-

ражания для аниматоров. Инерция привычки дошла до того, что лишь сказка и трюковая комедия признавались доступными для анимации жанрами, а мультипликация стала восприниматься исключительно как искусство «реалистичное», не в теоретическом плане, а в смысле жизнеподобия. Понятия «традиционная» и «реалистическая» стали синонимами. Были забыты блестящие фильмы, снятые в другой изобразительной стилистике и выходящие за рамки привычных тематических стереотипов. (Они и по сей день неизвестны широкому зрителю, хотя и являются шедеврами искусства анимации). Инерция сделала свое дело: частокол «реализма» Диснея трудно преодолеваем для «новой» мультипликации — даже сегодня, спустя тридцать лет, влияние Диснея очень сильно в массовой продукции многих стран мира. «Традиционная» мультипликация была ограничена как в плане изобразительном и технологическом, так и жанровом и тематическом.

«Переворот» в анимации начался в 40-х годах в США, когда группа сотрудников Диснея ушла от него и образовала свою студию Ю.ПА. Новая студия выпускала поначалу инструктивные и учебные фильмы, а позже — серию комических фильмов со своим героем — мистером Магу. Главное отличие продукции Ю.ПА от фильмов Диснея и других американских мультипликаторов того времени заключается прежде всего в технике исполнения. Отказавшись от натуралистического правдоподобия в передаче движения и облика персонажей, художники Ю.ПА возвращают мультипликации забытые со времен Эмиля Коля представления о чистом фоне, условной перспективе, плоском экране. Линейный рисунок, лишенный деталей, простое колористическое решение — вот признаки нового течения, которое получило название «лимитированной» анимации в отличие от традиционного стиля, который стал именоваться «полной» мультипликацией. «Лимитированная» анимация быстро завоевала американский, а затем и европейский экран, причем преимущественно телевизионный. Формально она опиралась на те же привычные стили газетной карикатуры, а по содержанию опять-таки относилась к жанру развлекательной комедии. Разве что характер юмора стал со временем меняться — от традиционного для этого стиля «физического» юмора в сторону входящего в моду юмора «абсурда». Широкий зритель охотно принял новую форму, несколько не противопоставляя ее по-прежнему популярному Микки и его компании. Скупость изобразитель-

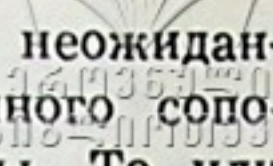

ных средств «лимитированной» анимации не всегда диктовалась творческой необходимостью, а зачастую была результатом экономических причин и конкурентной борьбы за заказы на ТВ. Щедрость Диснея и его тщательность не всем были по карману. Для фильмов Ю.ПА 40—50-х годов обновление было односторонним и касалось практически изобразительной стороны, тогда как анимация нуждалась в коренной перестройке и прежде всего в овладении новой тематикой и жанрами, диктуемыми самим временем.

Подлинно новая мультипликация родилась в Европе и произвела настоящую революцию в тематике. 50—60-е годы ознаменовались появлением сразу нескольких национальных школ (югославской, канадской, английской, болгарской, польской, румынской, венгерской и др.), ярких, самобытных, сразу же получивших мировое признание. Новое течение при всем различии между школами и внутри них имело общую направленность — это была коренная ломка устоявшихся догм, открытие новой тематики, выразительных средств, эстетических критериев. Вместо привычной развлекательности (она приобрела новые формы) анимационное кино стремилось говорить современным языком о наболевших проблемах, поднимать вопросы философии, психологии, политики, морали, обращаясь, естественно, к взрослому зрителю. Отсюда часто и злой, «черный» юмор многих фильмов, их острая сатирическая направленность, высокая степень условности, подразумевающая обострение, ускорение зрительского восприятия, расчет на «домысливание» и «эффект возбуждения ассоциаций».

Получает распространение иной тип образа-маски, близкий стилистике известных карикатуристов С. Стейнберга, Т. Хи, Ж. Гарримана и др., так называемому «общеевропейскому графическому стилю» и «философской графике». В обобщенном образе «человечка» видят носителя «тотальной» иронии, в фильмах широко используется гипербола, гротеск, метафора.

С помощью этих приемов вскрывается нецелесообразность, несоответствие явления идеалу, обнажается сущность характера, выглядывающего из-под личины, искусственно совмещается несовместимое. Универсальный сатирический принцип пародии, карикатурно сдвигающий и гиперболизирующий привычные черты, «отстраняющий» их и тем самым обостряющий их восприятие, проявляется здесь с особой силой. Гротеск в творчестве художника вскрывает внутреннюю

противоречивость явлений, показывает с помощью неожиданного, иной раз внешне парадоксального и алогичного сопоставления более глубокие закономерности и мотивы. То или иное нарушение нормы, контраст с привычным, выход за пределы обыденного и отсюда фантастический сдвиг — временной, пространственный, количественный (великаны — лилипуты), пародийное упрощение, подчеркнутая схематизация или механизация, внезапная трансформация, подмена (человек — животное, кукла, робот, фантастическое существо), а также обратный ход — оживление неодушевленного (пробуждающиеся из статуи Галатея или из куска дерева — Пиноккио) — все древние, как само искусство, приемы, нашедшие наиболее благоприятную, органичную почву в анимации.

Примерами широкого спектра возможностей комедийно сатирического жанра являются фильмы «Человек в рамке» Ф. Хитрука, «Узник» Б. Шошитаишвили, «Снова о драконе и витязе», «Руки», «Знак качества» М. Саралидзе, «Шкаф», «Жил-был Козявин» А. Хржановского, «Дом культуры» Р. Унта, «Правда крупным планом» В. Гончарова, «Идет» В. Сулаквелидзе и др. Это и фильм-анекдот, и памфлет, и фельетон, и юмореска и т. д.

Как известно, элементы пародийного переосмысления, преувеличения играют значительную роль практически в любом произведении сатирической анимации. Тем более значительна роль самого жанра пародии, к которому в игровом кино прибегают довольно редко и которое столь органично самой природе анимации. Искусно отыскивая «щели» между формой и содержанием, пародия ниспровергает штампы, показывает несоответствие между замыслом и воплощением в произведениях искусства, имитирует, высмеивая, жизненные ситуации. Используя готовые, на первый взгляд, стилистические принципы и композиционные детали, она ставит их в совершенно новый смысловой и жанровый ряд, подчиняя своей, вполне определенной художественной цели («Фильм, фильм, фильм!» Ф. Хитрука, «Шпионские страсти», «Ограбление по...» Е. Гамбурга, «Исчезнувший мир перчаток» И. Барты).

Как уже отмечалось, наряду с многоликой комедией исконно мультипликационным жанром всегда считалась сказка, что во многом тормозило развитие собственной образной системы этого искусства. Вынужденное следование за перипетиями сюжета, неторопливый, размеренный темп повествования, часто дублируемый дикторским текстом, приводил к иллюстративности. Более того, время фильма подчинялось вре-

менному течению вербального ряда, что приводило к потере одного из важнейших специфических свойств анимации — конденсированности во времени, лаконизма выражения мысли. Диснейс, благодаря высокому мастерству, удалось избежать поверхностной иллюстративности и создать свою эстетику фильмов-сказок, но его эпигоны во всех странах мира еще многие годы эксплуатировали привычные штампы этого жанра. Тем более значительны примеры тех лет, когда художникам, интуитивно, внутри стереотипов и с соблюдением всех условностей жанра удавалось найти оригинальные решения и избежать пресловутых противоречий между изображением и словом, повествовательным темпом сказки и естественной для анимации динамикой («Свадьба соек» и «Цуна и Цруцуна» А. Хинтибидзе). В этом плане интересны фильмы, поставленные по грузинским сказкам А. Хинтибидзе, Б. Стариковским, В. Сулаквелидзе и др. Потенциальные возможности жанра сказки и безграничные сферы ее интерпретации средствами анимации продемонстрировал в своих фильмах «Лиса и заяц», «Цапля и журавль» и «Ежик в тумане» Ю. Норштейн, наметив пути нетрадиционного изобразительного, звукового, драматургического решения. Сказки продолжают быть популярными в грузинской, венгерской, болгарской, русской, армянской, узбекской анимации, где в искусстве достаточно сильны традиции фольклора.

Наряду со сказкой получили распространение в мультипликации такие фольклорные жанры, как басня, притча, пословица. Грузинская анимация часто обращается к ним.

Так, басни Сулхан-Саба Орбелиани легли в основу фильмов «Тигр и осел» О. Андроникашвили, «Кувшин масла» М. Чиаурели, «Спасатель» М. Баханова, «Мудрец и осел» И. Самсонадзе, «Лесной квартет» М. Саралидзе и др. Понятия национального стиля и традиции есть категории развивающиеся, эволюционирующие. Они отбирают из наследия прошлого то, что наиболее полно отражает потребности данной эпохи и соответствует ее общественно-художественным задачам и целям. В свою очередь, каждое художественно ценное произведение, рассмотренное с точки зрения культуры будущего, само становится носителем определенной традиции, поскольку так или иначе выражает тенденции своего времени в их преемственном и поступательном развитии. Любой конкретный исторический этап выдвигает новые критерии в определении национального стиля, зависящего от отношения творцов к данной категории, от понимания ими ее значимо-

сти. Анализ фильмов «Мудрец и осел» И. Самсонадзе, «Человек и дорога» Ш. Чавчавадзе, «Сеча при Керженце» И. Иванова-Вано и Ю. Норштейна, «Большой Тыыл» Р. Ваамата позволил выделить основные тенденции толкования национально-характерного: обобщенный образно-содержательный аспект, когда в конкретном произведении происходит ассимиляция общенациональных черт и общехудожественных средств; использование, обработка различных элементов выразительности фольклора; цитатный способ обращения с народным материалом.

Одним из интересных аспектов взаимодействия анимации и литературы является проблема экранизации литературных произведений. Многие годы ряд жанров считался для анимации недоступным. Как показала практика, романное повествование, драма, трагедия, действительно, пока не нашли своего места в мультипликации, тогда как, например, лирический жанр, также считавшийся «непереводимым» на язык анимации уже успешно освоен. Давно известно, что перевод одной образной системы в другую, в частности, из вербальной в зрительную, требует специфических средств, зрительного и звукового эквивалента слову, следования или отхода от сюжетной канвы, сохранения характеров действующих лиц или придания им новых черт, наконец, создания идентичного жанрового и стилистического строя или создания нового, особенно когда это касается столь специфичного вида искусства как анимация.

Фильмы «Сон в летнюю ночь» И. Трнки по Шекспиру, «Паника» Ш. Райзенбюхлера по К. Чапеку, «Я видел их грустные лица» И. Андерсена по Дж. Фальконе, «Навязчивая мысль» А. Маркса по Э. По, «Превращения Георга Замза» К. Лийф по Кафке, «Мастер из Кламси» В. Курчевского по Р. Ролану, «Похождения Чичикова» Б. Степанцева по Гоголю и др. доказывают, насколько велики возможности анимации в освоении творчества самых разных писателей и литературных жанров.

Одним из важных и труднопреодолимых аспектов при экранизации для анимации всегда считалось слово, временная протяженность которого мешает естественному для мультипликации темпу действия. Анализ фильмов А. Хржановского «Чудеса в решете» и «Дом, который построил Джек» наглядно демонстрирует тезис о безграничных возможностях мультипликации: при прямом следовании и, иллюстрируя его, режиссер насыщает изобразительный ряд каскадом визуальных

находок и творит удивительное, феерическое действо. Фильмы «Песня о Соколе» Б. Степанцева, «В мире басен» А. Хржановского, «Сон в летнюю ночь» И. Тринки, «Козетта» А. Буковца, «Летучая мышь» И. Доиашвили позволяют выделить различные типы экранизаций и формы взаимосвязи с литературой: от прямой иллюстрации с сохранением текста или отказом от него через иллюстрацию, обогащенную ассоциативным культурным контекстом, до отхода от фабулы и создания произведения «по мотивам» литературного первоисточника с той или иной мерой внутренней связи с ним.

С «большой» литературой часто связан еще один популярный жанр анимационного кино — жанр фантастики, переживающий бурный всплеск в своем развитии. Он включает фантастические фильмы приключенческого, психологического, социально-политического, лирического направлений. Эти фильмы создаются на основе литературных произведений или по оригинальным, написанным специально для анимации, сценариям. То, что фантастика априори близка кинематографу, доказывает уже творчество Ж. Мельеса, а в анимационном кино, где фантастика, фантастичность, казалось бы, заложена в самой природе этого искусства, этот жанр не прививался многие годы. Этот парадокс связан, очевидно, с тем фактом, что основные усилия постановщиков игрового кино, работающих в жанре фантастики, были направлены на создание ощущения ирреальности среды и героев, а у аниматоров это качество лежит на поверхности, и они затрачивают не меньше усилий для достижения в условном мире мультипликации эффекта реальности. Фильмы «Полигон» А. Петрова, «Контакт» В. Тарасова, «Тайна третьей планеты» Р. Качанова, «Марсианские хроники» Н. Туляходжаева, «Космический отъезд и наезд» Р. Верра и др. позволяют констатировать успешное освоение этого жанра и возможности его дальнейших перспектив.

Несомненно, что «новая анимация» особенно бывших социалистических стран привнесла высокий интеллектуализм, идейную насыщенность, содержательность в искусство анимации вообще. Мультфильм становится сгустком, концентратом философского выражения жизненной, гражданской позиции художника. Естественно, что в годы так называемой «холодной войны» особую актуальность приобрели фильмы политической тематики. Они включают политические и антивоенные фильмы-плакаты, притчи, повествовательные фильмы. Характерно, что этот как бы новый для анимации жанр — всего лишь забытый старый, достаточно вспомнить опыты про-

неров грузинской и русской мультипликации. Жанр политического, антивоенного фильма успешно развивается в различных национальных школах анимации, в том числе и в грузинской. Показательны снятые совершенно в разном драматургическом и изобразительном ключе ленты: «Оптимистическая миниатюра» И. Доиашвили, «Чудовища» Ш. Чавчавадзе и, особенно, «Чума» Д. Такаишвили. В числе антивоенных и политических фильмов следует упомянуть «Бум», «Если бы...» Б. Пояра (ЧССР), «Игроки» Д. Халаса (Англия), «Альтернатива» Р. Петкова (Болгария).

Окружающая действительность, сложные отношения человека с ней, попытка познать себя и современный мир, взаимоотношения людей и человека и общества, долг перед ним — вот колоссальный круг проблем, которые стоят сегодня перед личностью. Он оказался доступным для анимации. Более того, ряд специфических качеств мультипликации: лаконичность языка, знаковая система, способность преподносить явления на уровне понятия, не конкретизируя их, темп подачи материала, из всех временных визуальных искусств наиболее приближающийся к скорости мышления — все это позволило анимации стать одним из действенных видов искусства, способных объективно отражать действительность. Практика мультипликации показала, что это искусство способно поднимать и придавать зримую форму многим проблемам современного мира — философским, психологическим, социальным, этическим, лирическим и др.

Анализ фильмов Д. Вукотича (Югославия), Попеску-Гопо (Румыния), И. Грки (Чехословакия), З. Милера (Чехословакия), Т. Динова (Болгария), Х. Топузанова (Болгария), К. Земана (Чехословакия), А. Хржановского (СССР) подтверждает жанрово-драматургические возможности и многообразие форм в отражении названных проблем.

Популярным и получившим разнообразные формы воплощения является жанр музыкального анимационного фильма. Он включает музыкальные фантазии, балеты, оперы, мюзиклы, концерты, музыкальные пантомимы, фильмы-песни и др. Особым направлением стала визуализация, интерпретация средствами анимации автономно существующих музыкальных произведений.

Одним из новых и, казалось бы, неожиданных для эстетики мультипликации стал жанр фильма-портрета. Ленты этого жанра, естественно, столь же различны, сколь различны творческие устремления их авторов и, конечно же, герои

фильмов. Это могут быть фильмы о философе, политике, режиссере, художнике, поэте и т. д. Их объединяет желание авторов выявить сущность личности, рассказать о ее жизни или творчестве.

После увлечения анимации жанрами, охватывающими так называемую современную проблематику, после освоения «малых форм» для выражения более сложных понятий и эмоций у художников возникло стремление к дальнейшему расширению своих возможностей, к выходу в смежные искусства, к использованию своего потенциала в новых формах. Так получили распространение полижанровые, полистилистические фильмы-структуры, где процесс синтезирования, сближения с игровым кинематографом и другими искусствами привел к усложнению языка каждой из выразительных сфер, более рафинированному использованию старых и поиску новых приемов, увеличению метража фильмов, обращению к «крупным формам».

Одной из важнейших проблем эстетики анимации, непосредственно связанных с жанрово-драматургическим развитием этого искусства, является проблема детской мультипликации, включающая вопросы социальных функций и детского восприятия. Оказалось, что наряду с такими «безусловно» детскими фильмами, как сказки и комедии, юные зрители легко воспринимают и сложный изобразительный язык современной мультипликации. По данным эксперимента американских психологов дети воспринимают зрительный образ и осмысливают его быстрее, чем взрослые. Очевидно, детская восприимчивость к образу опирается, во-первых, на богатство детской фантазии, во-вторых, на большую свободу сознания ребенка от стереотипов восприятия искусства. Кроме того, современные дети воспитаны скорее на «зрительной», чем на словесной культуре. Кино и телевидение с детства приучает их к восприятию пластического образа языка, в котором слово отнюдь не всегда играет ведущую роль. Они не «переводят» образ в вербальный ряд, «читают» его сразу, как бы «видят» понятие, заключенное в образе, минуя слова. Наряду с дидактикой, мультипликация для детей должна выполнять важнейшую функцию воспитания их эстетического вкуса.

Благодаря богатству и разнообразию языка мультипликация играет важную роль в научной и учебной сфере, — сегодня компьютерная анимация используется для визуального моделирования процессов, недоступных наблюдению.

Таким образом, жанрово-драматургические возможности

позволяют сегодня анимации: развлекать — серийные трюковые мультипликационные фильмы, может быть одна из самых массовых форм клоунады и трюковой комедии; бороться со злом, высмеивая его острым языком сатиры; ниспровергать штампы в произведениях искусства, высмеивать жизненные ситуации в жанре пародии; возрождать сказку, придавая ей зримую форму на самом доступном детям языке рисунка; проникать в сокровищницу национального фольклора; экранизировать литературные произведения самых различных жанров и стилей; воссоздавать ирреальные миры в жанре фантастики; вносить свой вклад в дело мира и взаимопонимания между людьми — политическими и антивоенными фильмами; поднимать насущные проблемы современности, будь то вопросы философии, психологии, эстетики, морали и т. д., вставать на защиту окружающей среды своими экологическими лентами; развивать жанры музыкального анимационного фильма; визуализировать музыку; возрождать изобразительный стиль мастеров изобразительного искусства; знакомить с выдающимися личностями в жанре фильма-портрета; проникать в эмоциональный мир человека; воспитывать эстетические чувства у детей, развивать их вкус, фантазию, культуру воображения; учить детей в игровых формах, повышая тем самым эффективность обучения; помогать ученым и зрителям в познании мира; обладая интернациональным языком, быть универсальным коммуникативным каналом; визуально моделировать процессы, недоступные наблюдению.

Богатая палитра художественных средств, за которыми стоят традиции различных видов искусства, условность анимационного изображения, пространства, времени, особые формы взаимодействия визуального и звукового рядов, сложная система знаков в каждом из структурных слоев, составляющих цельный звуко-зрительный образ в анимации, обогащает ассоциативную глубину восприятия мультфильма, делают его многоплановым и многослойным. Восприятие языка анимационного фильма подразумевает постоянную рефлексивную интеллектуальную активность зрителя, высокую степень сотворчества. Возможности и механизм подобного восприятия обуславливают расширение социальных и коммуникативных функций, а отсюда и развитие таких качеств, как философско-поэтическая обобщенность, иносказательность, интеллектуализм, которые, в свою очередь, способствуют развитию различных жанровых форм и выразительных средств, делая

анимацию искусством, которому доступен любой уровень образной трансформации, интерпретации реальности.

Продолжая мысль выдающегося режиссера мировой анимации Ю. Норштейна, хочется добавить, что мультипликация прежде всего современное мышление, благодаря особой форме синтеза, вбирающей достижения искусств ее составляющих, апеллированию системой знаков, особой концентрированности мысли и времени ее изложения, высокой степени условности.

Завоеывая мир фильмами разнообразных жанров, технологий, изобразительных стилей, музыкально-звуковых аур, анимация, наконец, казалось бы утвердила свои права, над которыми лишь сейчас, с полувековым опозданием начинает задумываться теория анимации, желая отдать свою дань уважения этому еще далеко не оцененному искусству.

ХРОНИКА

12 ЯНВАРЯ, по приглашению президента Турецкой Республики Сулеймана Демиреля, Турцию с официальным визитом посетила делегация Грузии, возглавляемая Главой Грузинского государства Эдуардом Шеварднадзе. В ходе визита были рассмотрены вопросы взаимоотношений, региональные проблемы. Было намечено подписание ряда межгосударственных соглашений. Сделаны серьезные шаги в направлении развития взаимосотрудничества между двумя соседними странами. Господин Эдуард Шеварднадзе в беседе с господином Сулейманом Демирелем отметил значимость углубления экономической интеграции стран Черноморского бассейна.

Руководители двух стран проанализировали создавшееся в мире положение и на этом фоне факторы и роль НАТО и России.

13 января состоялось подписание полномасштабного пакета договоренностей.

ДВА ФИЛЬМА НА ТЕМУ АБСУРДА

1. ЖИЗНЬ АБСУРДА...

С недавних пор в нашем городе появился еще один человек. Имя у него негрузинское — «Леонардо». Но сам он типичный тбилисец. Хотя и не очень типичный. Странный он какой-то. Всю жизнь прожил в одном и том же доме, а соседи так и не узнали, кем же он был, чем занимался, на какой ниве творил, да и творил ли вообще...

Странный он. Все стены его больших комнат, из-за которых в конце концов соседи передерутся смертным боем, исписаны силуэтами диковинных людей, напоминающих чудовищ из «Сна разума» Гойи и фантазий Дали. Эти картины Леонардо нарисовал сам. Маленький, неприметный человек, он рисовал их для себя. Но где, в каком сне, увидел он эти сатанинские лица, в которых нет ни тени добра, ни тени надежды?.. На самой большой стене — самый большой рисунок леонардовской коллекции. Гигантский человек уперся мощными руками и ногами в изломы других стен, стараясь раздвинуть их, проломить глухой кирпич, выхлестнуться на волю. Гигант не уместился на всей площади дома, голова его где-то за потолком, пальцы конечностей также провалились за какой-то предел. Силуэт провис между небом и землей, между бытием и небытием. Как и сам Леонардо, так похожий и так непохожий на каждого из нас. Такой странный.

Его называли именем гениального человека в надежде, что и он свершит что-нибудь гениальное. Ведь и наши предки, выбирая нам имя, на что-то надеялись. Леонардо чуть не оправдал надежду тех, кто дал ему жизнь. Он мог стать Гойей, мог стать Вивальди. Когда-то, оказывается, он лучше всех играл в оркестре... Он мог стать хорошим мужем, его неординарность нравилась женщинам. Когда он соберет их всех на свои похороны, мы увидим, что их было немало и все они по-своему привлекательны. А перед самым концом, когда Леонардо ре-

шит окончательно разрушить стены, давящие на человека, судьба подарит ему еще один лучик солнца. Он встретит в толпе девушку, которая покажется ему той самой точкой, от которой можно начать новый отсчет. И даже схватит давно отброшенный уголек, которым обрисованы все сны на родных стенах, и рука легко, по-юному, заскользит на свободном кусочке стены у окна, и засветится прозрачный абрис то ли балерины, то ли богини Надежды, но что-то опять обломится в свободном кусочке уставшей души и богиня-балерина тоже останется недописанной, без глаз и без порхающих рук, без которых танец не может состояться... И в который уж раз уйдет Леонардо от своих снов и балерин на улицу, и будет ходить всю ночь и весь день, и еще одну ночь... И не встретит ни единой души, которая прошептала бы вслед: «Постой... Давай поговорим о чем-нибудь...» А те, кого он случайно все же встретит, куда-то бегут, равнодушные друг к другу, шурша обрывками прошлых газет и прошлой грязи, воры, наркоманы, проститутки, сумасшедшие, сбежавшие из психиатрички и разгуливающие в метро с кажущимися нормальными гражданами, в руках у которых свежие газеты, и эти газеты через мгновение будут мокнуть в бесконечных лужах наших улиц. Когда же Леонардо забредет в самую глухую улочку, на которой больше всего наметено всякой грязи, вдогонку ему, властно раздавливая лужи, примчатся откуда-то вынырнувшие черные лимузины, из которых выйдет некто, походкой диктатора, с телохранителями, с уверенностью всесильности хозяина, которому, по его мысли, принадлежат и эти машины, и эти улицы, и эти маленькие человечки с громкими именами, которые могли стать и Вивальди, и Гойей... Диктатор-хозяин начнет было свою очередную нравоучительную речь, но тут случится вдруг, казалось бы, невероятное: какой-то случайный прохожий без всякого почтения, не задерживаясь, на ходу, даст величественному царьку пинка под зад, и тут же случится еще одно нечто невероятное: Леонардо воспримет это не только без содрогания, но как бы нечто привычное, со смехом. Как привычно нам свое имя, например, каким бы громким оно ни было, так привычны, оказывается, и перестрелки на улицах, смерть, нищета, грязные лужи, речи диктаторов.

Сцена эта — из фильма, который так и называется — «Леонардо», неизвестного пока режиссера, которого родители нарекли громким грузинским именем — «Давид» в надежде, что он, как и прежние Давиды, свершит что-нибудь нужное. «Давид» — это слишком солидно пока для него. Мы зовем

его попроще — Дато. Дато Нацвлишвили. Типичный кутаисец, типичный тбилисец. Впрочем, не очень типичный. Странноватый какой-то... Мог стать художником, с малых лет рисовал прекрасно, на архитектора выучился. Мог стать музыкантом, прекрасно играет на рояле, даже выступал в джаз-оркестре. Все мог, а стал киношником. Пошел в мир, в котором и без него художников и музыкантов полным-полно. Вокруг ненависть, повальное отрицание взаимной нежности, а он без устали собирает возле себя друзей. Вокруг сплошное безделье, а он жалуется, что не хватает времени чаще ездить к винограднику, который недавно заимел и которым очень гордится. «Если б ты видел, как зовет к себе каждый кустик! — радуется он новому делу. — К каждому листочку надо прикоснуться. Лоза, как собачка, любит именно своего хозяина. Те кустики, которые я не приласкал в прошлый раз, уже засыхать начали. А я траву вокруг них выкосил, что-то сказал им — и сразу ожили!..» Станный какой-то... Волосы на висках уже седина тронула, а он где-то гармошку достал губную и в свободную минуту мелодии придумывает. На рояле уже все умеет, теперь для разнообразия за гармошку взялся. Чтоб веселее на свете было. А то слишком много печали развелось.

Вот и фильм его об этом. Печаль разной бывает. И трагичной, и смешной. Дато-Давид походил, побродил среди всей нашей печали и отыскал ту, в которой и трагедия, и смех сведены вместе рукою Смерти, той самой, которая царствует над всем в эпоху Абсурда.

Смерть в этом фильме — не отвлеченное понятие. Дыхание ее здесь настолько ощутимо, регалии ее и аксессуары настолько конкретны, что уже через несколько кадров начинаешь испытывать не мистический ужас, а смех. Грустный смех узнавания нашего абсурдного бытия.

Как и положено в Абсурде — время в фильме безбожно смешано. Не поймешь, где же мы в этом фильме — в весне или в осени... Только что герой картины, Леонардо, в тонкой ночной сорочке, почти босиком, проехал на дребезжащем велосипеде мимо расстрелянных домов по проспекту Руставели, еще через секунду, на панихиде, к гробу Леонардо подходят женщины в бальных платьях с обнаженными плечами, а еще через секунду Леонардо бредет по улице, заливаемой ледяными каплями то ли простого осеннего дождя, то ли первыми знаками Апокалипсиса, в плаще, в таком, какой мы одеваем в большие холода. Боже, как холодно стало у нас! Природа, вроде, щадит, не так уж много минусов в ее тем-

пературе, а кости ломит от безнадежного неуюта. И погреться не у кого. Глобальный холод. Словно разом испарились все калории тепла, отпущенные нам Всевышним. Мы даже забыли, как звались эти калории на обыденном языке. «Нежностью»?.. «Любовью»?..

Леонардо как-то забредет в кинотеатр. К началу фильма он опоздал, в темноте зала раздавались звуки оперы, в которой пели о любви. Не успеет Леонардо сесть в кресло, как зажжется свет и он, оглянувшись, с ужасом увидит, что в зале он совершенно один!.. Неизвестно кто, неизвестно кому крутит никому не нужный фильм о никому не нужной любви... Все калории растеряли... Калории нежности и любви. Те самые, от которых стихают ветры и от которых невтерпех хочется видеть друг друга, просто видеть, смеяться и петь. Есть мудрый закон — ничто не приходит просто так и не исчезает без следа. Кто-то теряет, а кто-то находит нами утраченное. Хожу вместе с Леонардо по улицам моего города и вместе с ним пытаюсь понять, наконец, кто же сожрал растерянные нами калории?.. Говорят, что имя его — «Антихрист»...

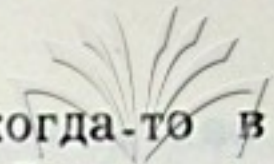
Антихрист пришел на мой порог, на мою прекрасную и нежную землю. Летел куда-то по своим черным делам и вдруг сбился с маршрута, спрыгнул сюда с неведомой галактики. Кто-то чувствовал, предсказывал, вглядывался в бездонное небо, ожидая его прихода. Мы успокаивали себя мыслью, что мы — избранные, что минует нас чаша сия, что пролетит Антихрист мимо, пролетит к тем, кто хуже нас, ведь мы добрее других, мы веселее, голосистее... Вон сколько других планет во Вселенной! Запутается он там, не до нас ему будет... Задрали мы головы, стараясь вовремя разглядеть черную тень, а она... А она из-за ближайшего уголка вышмыгнула. Здесь он, Антихрист, оказался, рядышком. А ведь в самом начале крикнул кто-то, кто позорче: «Люди!.. Не на небо — на себя посмотрите!.. Не ждите Антихриста, ибо он уже на земле. Антихрист расщепленный, раздробленный. Он разделился на всех вас и на меня. Миниантихрист в каждом из вас и во мне!.. Люди-и-и!..» Да как расслышать этот крик в хоре застывающих в бескалорийной ауре людей, затянувших сонными голосами религиозную песнь из одного лишь слова — бесконечно повторяемого имени идола. А кто и смог расслышать — того долой из хора, тому самый большой и самый холодный камень из тех, которых столько накоплено в обмен на калории любви. «Но ты, Господи, не удаляйся от меня. Сила моя!

Поспеши на помощь мне...» — шептал тот, кто крикнул ослепленным про Антихриста. «Сила моя! Поспеши на помощь мне...» — крикнули ему в ответ хором те, кто верил только своему идолу. Одни и те же слова. Потому, что из одного и того же Псалтиря, из одного и того же Псалома. «Поспеши на помощь...» Кого зовем?.. Кто придет?.. Кто спасет?.. И что спасать?.. Что осталось?..

Леонардо, хватаясь каждый раз за карандаш и добавляя своей коллекции еще один штришок, надеялся на красоту. Якобы она спасет мир... А как? Она ведь сама молит о своем спасении. Красота может быть и добром, и злом. Красота равнодушна к добру, и на нее нельзя положиться. «Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердце человека», — еще задолго до меня о Леонардо сказал мудрый человек.

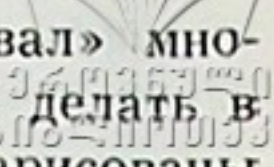
«Так ты живой или уже мертвый?!» — спрашивает потрясенно врач, пришедший забальзамировать умершего якобы Леонардо и вдруг увидевший своего клиента встающим со смертного одра.

«А я и там, и здесь...» — спокойно отвечает Леонардо, что-то уже познавший и раньше других переступивший тонюсенькую грань, разделяющую свет и тьму. Он что-то понял раньше, этот маленький мудрец с печальными глазами, в которых уже нет суеты, а есть лишь боль... Боль познанной истины. Как только Бог сотворил небо и землю — над бездною родилась тьма. И тут же Бог сказал — да будет свет. И стал свет. Но тьма ведь родилась раньше. Потому ее и больше всегда. И зло — как тьма. Оно продолжается вечно... А добро? Это проблеск. Это то, что заставляет нас вставать тогда, когда кажется, что все кончено. Но это зыбкая победа над тьмой. Добро смертно. Так что же делать? Зачем же тому, что смертно, тратить силы на борьбу с тем, что вечно? Но ведь каждый из нас тоже в конце концов смертен, мы же не отказываемся из-за этого от Жизни... Мы — звено в бесконечности. Мы — проблеск, зыбкая, но победа над всеильностью Смерти. «Для дерева есть надежда, что оно, если и будет срублено, снова оживет, и отрасли от него выходить не перестанут», — сказано все в той же Библии. Мы — проблеск... Но злой тьмы всегда больше. Может потому, что моля о добре, мы сами же множим зло. «Отрасли от него выходить не перестанут...» Что сеем, то и жнем. Но иной раз только кажется, что сеем добро... И тогда, обманувшись, мы

порождаем эпоху безнадежного абсурда. Посеяли когда-то в бесконечной ниве жизни зернышко, назвали его Леонардо, зернышко прижилось, стало расти и оказалось, что его не просто так посеяли, а посеяли с парусами таланта. Он мог стать Вивальди или Гойей... Брижит Бардо, прекрасная женщина и прекрасная актриса, услышала однажды от любимого человека такие слова: «Ты похожа на прекрасный парусник с повисшими парусами. Если никто не станет их надувать, корабль останется неподвижным». Брижит ответила: «Ветер должен откуда-то подуть... Драма моей жизни в том, что я не могу надувать парус сама». Драма нашей жизни, той самой, в которой бродит Леонардо на экране и которая за окном, в которой бродим мы, в том, что ветров в ней много, но дуют они мимо наших парусов. Поэтому и прав Леонардо — мы вроде и есть, и нас вроде и нет... Так уж повезло — жить в эпоху абсурда! Нет, это не эпоха. Миг, секунда, каких было много. Была жизнь до нас, будет жизнь после нас. Одна из них лучше, другая — хуже. Может, завтра будет лучше. Но сейчас мы — и на экране, и в жизни, — одна большая кровавая рана, к которой не то что пальцем — крылом бабочки не прикоснешься, вздрагиваем от боли все разом, со стоном, похожим на рев смертельно раненного зверя, рев, в котором почти нет надежды на излечение... Нас разрывает непонимание. Себя! Тело у нас звериное — это ведь нас нарисовал на своих стенах Леонардо! — а притязания на жизнь — божеские. Превратили себя в сверхчеловеков, наделили себя сверхчеловеческой силой, а подняться до уровня сверхчеловеческого разума не смогли. И чем больше растет наша мощь, тем беднее мы становимся, чем больше превращаемся в сверхлюдей, тем бесчеловечнее мы становимся. Было и до нас... Помните Кабриню, героиню Джульетты Мазины? Ведь она слабее и беспомощнее, чем наш Леонардо. Да и талантов у нее почти никаких, просто женщина. Но в самом конце, когда больше нет ни сил, ни лучика света впереди, она вдруг улыбалась нам, и от этой улыбки действительно становилось легче. Сейчас улыбок нам уже не хватит. Вот, может, смех... Печальный, но от души, еще может что-то шевельнуть в душе, а? Может... С этой надеждой, наверное, Дато Нацвлишвили рассказал нам о Леонардо с печальным смехом...

И надо отметить, что сам Леонардо здорово помогает ему в этом. Образ Леонардо поразительно точно, в смысле абсурдной типичности, создал Резо Эсадзе. Зная близко этого человека, я вдруг заподозрил, что Дато Нацвлишвили, задумы-

вая свой фильм, с самого начала с него и «срисовал» много. Ведь все, что делает в фильме Леонардо, умеет делать в жизни Резо Эсадзе. Это его фантазией и рукой нарисованы странные люди — чудовища на стенах леонардовского дома, это его бесконечно печальную песенку напевает Леонардо в минуту одиночества, это его мудрыми глазами смотрит на мир герой фильма. Может поэтому актер-режиссер-художник так естественен, так достоверен в нелегкой роли странного художника-музыканта-гражданина, который мог уплыть так далеко... Абсолютная отрешенность, абсолютное отсутствие скованности, абсолютная гармония с предлагаемыми абсурдными обстоятельствами, удивительная пластика Эсадзе-Леонардо заставляют тебя поверить в реальность происходящего на экране, заставляют поверить в то, что такой человек мог добровольно объявить себя умершим, в полном здравии и ясном сознании улечься в гроб в первых же кадрах фильма и, несмотря на свою ограниченность в действии, заставить с неослабевающим вниманием и интересом следить за происходящим. Умение видеть смешное в печальном, а печальное — в смешном, присуще всему творчеству Резо Эсадзе. И еще одно качество делает это творчество весомым и значимым. Резо Эсадзе умеет ценить красоту. Красоту женщины, красоту города, красоту человеческого характера, красоту линии, проведенной талантливой рукой. Не зря ведь одним из самых романтических фильмов о любви является его фильм, который так и называется: «Любовь с первого взгляда». Мне посчастливилось работать над тем фильмом, и до сих пор запомнилась ликующая влюбленность героев в жизнь, в солнечный свет, в необыкновенные краски родных дворов, разбрызганных Эсадзе-художником. Тех самых дворов, по которым теперь ходит Леонардо актера Эсадзе, погрузневших, поблекших родных дворов, которые не стали, однако, менее любимыми. В биографиях Леонардо и Резо Эсадзе много общего. Но есть одно различие. Эсадзе сумел надуть свой парус... У его багерин и болельщиц Надежды есть и глаза, и порхающие руки, без которых танец не может состояться Дато Нацвлишвили сделал точный выбор. И это касается не только выбора актера на главную роль. Дато точно выдерживает стиль фильма, стиль абсурда, до последнего кадра. А последний кадр — крупинка соли во всем этом блюде. Но крупинка та — не точка, завершающая рассказ. Скорее — многоточие. Приглашение к размышлению. Вот и думаю... Почему, например, молодой режиссер не взял пример с более опытного коллеги, с режиссе-

ра Резо Эсадзе, и не снял фильм о любви? Кому же говорить о ней, как не молодежи! Что за время такое, когда молодые говорят не о красоте Жизни, а о Смерти?..

2. АБСУРДНАЯ ЖИЗНЬ...

А в фильме Эльдара Шенгелая «Экспресс-информация» как раз все наоборот. Здесь никто не собирается добровольно сводить счеты с жизнью. Все герои любят жизнь во всем ее великолепии: кругом красивые лица, дорогие костюмы, богатые квартиры, импортные машины, тугие пачки денег на «ежедневные расходы», любовники, любовницы — одним словом, перед нами «профессионалы» жизни. Уверенные в себе, избалованные фортуной — и в то же время обыкновенные, из тех, которые живут рядом с нами, среди них много наших знакомых и друзей. Здесь все реально, очередных чудачков для необыкновенной выставки Эльдара Шенгелая здесь не найдешь.

Чудак — это ведь чем-то непохожий на других. Чудак — это тот, кто мечтает своими руками, среди всеобщего неверия, построить летающий корабль и взлететь на нем со всеми желающими. Это тот, кто всю жизнь хранит редкий мраморный камень, не теряя мечты когда-нибудь отсечь от него все лишнее и оставить людям нечто прекрасное, свою Афродиту, рожденную из пены серых и нудных будней. Это тот, кто пытается добиться правды в ауре тотальной лжи и лицемерия. Таких чудачков встретишь нечасто. Поэтому Эльдар Шенгелая собирает их так неспешно. Всех его чудачков можно собрать в маленькую компанию, и лично я с наслаждением провел бы вечер в той компании, отведя душу с теми добрыми и честными людьми, которых режиссер в разное время избрал героями своих фильмов и которые заставляли меня еще так недавно — и так уже давно! — улыбаться им в ответ и думать вместе с ними о времени и о себе. Теперь поражает та провидческая, затаенная грусть режиссера, которая чувствуется в его фильмах, грусть прощания с чудачками, грусть прощания с какой-то особой эпохой, в которой, несмотря на всю ее сложность, противоречивость, даже трагичность, понятия чести, доброты и человеколюбия все же не были пустым звоном. Эгей, батоно Христофор и Эртаоз!.. Где же вы?! Как далеко вы улетели на вашем воздушном корабле, похожем на воспарившую ветряную мельницу, с которой когда-то свалился Дон Кихот?! Прихватили бы и нас, чтоб и мы ушли подальше от

грязи и абсурдной жизни, ворвавшейся на землю, которую вы покинули, исполняя свою мечту... Эй, Агули! Ты не стал к концу фильма богаче, но ты все же счастливее нас. Ты встречался со своими одноклассниками просто так, чтоб посмеяться, попеть и поднять за общим столом стакан доброго вина. А в теперешней жизни нам чаще приходится встречаться с друзьями на ставшими такими привычными похоронах. У «Голубых гор» было и другое название. Рассказанная в фильме история была названа «неправдоподобной». Тогда, даже при всей своей зоркости, Эльдар Шенгелая не мог, наверное, предположить, что неправдоподобности нашей жизни только приближались. Те самые, которые происходят с нами теперь и стали настолько привычными, что абсурдность их может удивить или поразить только гостя из какой-нибудь маломальски цивилизованной страны.

«Экспресс-информация» как раз об этом. О том, как мы насквозь пропитались абсурдом и абсурдная так называемая «жизнь» наша стала настолько «нашей», что мы уже не замечаем ежесекундного маразма сегодняшнего бытия, в котором, как рыба в отравленной воде, чудачки не могут существовать. В нашем маразме могут выжить лишь «свои», — жертвы маразма, и те, кто его породил. Недаром Эльдар Шенгелая придумал такое: и виноватых и правых, и преследователей и преследуемых, и хозяев и рабов играют одни и те же актеры. Здесь как в зеркале — смотришься и поймешь, которое изображение точнее, по ту сторону или по эту... И у этого фильма есть другое название «Цветение красного шиповника». Того самого, сфабрикованным соком которого, по сюжету, отравляется почти половина Грузии. Такая страшная отравная точка оказывается не такой уж и страшной. Потому что, несмотря ни на какие отравления, в фильме никто не собирается умирать. Не в правилах Эльдара Шенгелая «убивать» своих героев. Хотя в фильме-зеркале есть опасный момент, когда буквально все, и мужчины, и женщины, слабые, сильные, живые и не очень, выхватывают из укромных мест всевозможное оружие, от чапаевского пулемета до так хорошо нам теперь знакомого автомата «Калашникова», и начинается такая перестрелка, в которой обычному живому существу спастись невозможно, но «наши» не только спасаются, но и не получают ни единой царапинки. Не потому, что патроны холостые, спасение опять-таки в поразительном жизненлюбии. И героев, и режиссера. Это можно доказать судьбой самого фильма. Еще до премьеры он пережил несколько раз

ных эпох. «Объяли меня волны смерти, и потоки беззакония устрашили меня; цепи ада облегли меня, и сети смерти опутали меня...» Голос Библии... И эти слова фильм с полным правом мог сказать о времени, в котором он рождался. Зачатый еще до «президентской эпопеи», фильм снимался в основном в период самой абсурдной, самой безнадежной эпохи. Эпохи, в которой ложь выдавалась за истину, интрига за доблесть, герои назывались врагами, враги — патриотами, образованнейшие люди, чьи имена и груди почитались за всемирными океанами, обзывались невежами, а невежи и обиралы назначались руководителями бесконечных президентских митингов, под команду которых иступленная толпа повторяла одни и те же зазубренные фразы. В то время иступленность некоторых наших коллег дошла до того, что возникла реальная опасность уничтожения ими негатива отснятого материала фильма. Не потому, что им не нравились какие-то там кадры, они их не видели. Да и не собирались смотреть. Они жаждали уничтожить фильм только потому, что его снимал Эльдар Шенгелая. Такой был период... Период сильного отравления соком повальной абсурдности. Как раз в те дни, когда режиссер и оператор переправляли материал в безопасное место, мировая печать сообщила, что Европейская киноакадемия избрала автора фильма своим членом. Увы, даже подобная весть не отрезвила отравленных. Еще удивительнее другое. Такое ощущение, будто фильм и вправду участвует в безумной гонке. Теперь трудно поверить, что многие эпизоды, самые невероятные по своей абсурдности, были придуманы задолго до того, как они сбылись в действительности. Взять ту же сцену ожесточенной перестрелки бывших друзей. Кто из нас, присутствующих на съемке, мог предположить тогда, что пройдет всего несколько дней и фантазмагорическая, как нам казалось, сцена повторится в жизни, и комедия перерастет в трагедию! Невольно наш фильм становится каким-то нестандартным документом, которому, даст Бог, когда-нибудь не поверят наши потомки. Не поверят, что когда-то в Грузии могло происходить то, что произошло...

Говорят, что здоровые духом люди со смехом прощаются с прошлым. Фильм Эльдара Шенгелая «Экспресс-информация» заставит нас посмеяться над тем, что еще буквально вчера на абсолютном серьезе преподносилось нашим умам и душам как непреложная истина высшего озарения новоявленного мессии. Режиссер совершенно не пытается вызвать смех ради смеха. Он просто нашел какую-то свою точку, свой ракурс, с

которого трагедия недавней повседневности становится уже комедией. Дай Бог, чтобы мои внуки посчитали чистой выдумкой кадры из фильма, в которых нам показывают солидных размеров женщину — в ватнике, в резиновых сапогах, в защитных темных очках, сквозь которые не видны ее, когда-то, наверное, живые и красивые, как и положено женщине, глаза, — которая всю сознательную жизнь посвятила уникальному делу: она стоит на специально отведенном месте и с тупой методичностью разбивает новенькие бутылки, подаваемые ей специальным конвейером, еще теплые, секунду назад родившиеся в адском пламени. А разбивает она по очень важной причине: для выполнения плана. И так как она это делает лучше других, у нее слава «передовой ломальщицы», и за это, как и положено, ее выдвигают в высшие органы... В двухминутном эпизоде — вся наша биография. Рассказанная с той легкостью, которая присуща таланту режиссера. И вообще весь фильм напоминает изящный полет бабочки, легкий, расцвеченный богатой — актерской, зрелищной, словесной, — палитрой, полет вроде сам по себе, без принуждения, без потуг, с цветка на цветок, с эпизода на эпизод... Здесь те же улицы, что и в «Леонардо», но освещены они каким-то другим светом. Они более прозрачны, в них больше света, больше солнца, которое всегда к лицу нашему городу, на них нет грязных луж, мусора, здесь все красиво, все привычно. В отличие от «Леонардо» никто не философствует, никто не выделяется редкими талантами. В фильме Эльдара Шенгелая все поровну наделены другим, особым, мастерством: быть «на все времена». Герои прекрасно чувствуют себя при любых цветах идеологии и, в отличие от Леонардо, добровольно в гроб не лягут, хотя до «истины» какой-то докопались. Они не только носят красивые костюмы, в чем нет ничего абсурдного, они красиво приладили к жизни красивые лозунги. «Демократия», «диалог», «мнение народа» — эти заезженные термины привычно сыпятся из уст начальствующих героев. В паузах между очередным принятием взятки, торжественно избранные «почетными гражданами города», они оказываются заурядными аферистами, все знают об этом, но это не имеет никакого значения для присвоения почетных званий и получения должностей, ибо такова суть абсурдной жизни: знать одно, думать другое, говорить совсем третье... Это и помогает выжить героям «на все времена». Помните, чем завершается предыдущий фильм Эльдара Шенгелая «Голубые горы»? Все здание рушится и из обломков появляется новое. Но из того здания вновь слы-

шатся старые слова — круг замкнут! И мы бежим, бежим, бежим по одному и тому же кругу, зная, что у него нет горизонтов, что кругу не дано стать взлетной полосой. Мы бежим, обманывая и обманываясь, будто готовы ко взлету... А чтоб лишний раз не обмануться, Эльдар Шенгелая делает тонкий ход. В «Экспресс-информацию» из «Голубых гор» он переводит исполнителя одной из главных ролей Темура Чиргадзе, блистательного, обаятельного, тонкого актера не по профессии — по дару Божьему, органично существующего в выдуманном-реальном киномире Эльдара Шенгелая, придающего этому киномиру особый шарм. Шарм, который так отличает грузинское от всего остального. Надо вроде плакать от нашего вечного абсурда, а мы улыбаемся. Нам бы, по логике, презирать всех подобных «почетных граждан», но откуда логика в абсурде?! Потому и не может расстаться режиссер с погребенными, казалось бы, под обломками голубогорной системы героями, потому и устраивает, усмехаясь, нам новую встречу с негибнущими ни под какими обломками гражданами, и тут уж — никакого абсурда... Смотрим, как в зеркало в комнате смеха. Искривленно все — и голова, и плечи, и ноги, но все же это мы, и никуда от этого автопортрета не деться! Хохочем над уродцами в зеркале, хохочем, надеясь, что уродцы только там, по ту сторону зеркала, что разум видит чудовища только во сне... «Может быть, нам только кажется, что мы существуем, а на самом деле нас нет... О, если бы не существовать!» Это не из фильма. Это Чехов сказал в начале века. Может, и нам только кажется... Да нет же, ведь кто-то родил нас, дал имя в надежде, что мы постигнем истину, минуя обманы. Просто мы перепутали все. Как раз об этом оба фильма молодого режиссера Дато Нацвлишвили и мастера Эльдара Шенгелая, — над которыми мне по какому-то капризу судьбы довелось работать одновременно, день в день, час в час, хотя обычно так не бывает. Трудно делать два фильма вместе, но у меня было такое чувство, что делаю один большой, как целая жизнь, фильм, что это просто два кривых зеркала, и в одном из них я — Леонардо, грустный, несбывшийся, а в другом — совсем другой, может такой же красивый и благополучный, как герои Шенгелая, но тоже смешной и печальный, со своей долей Антихриста в душе, которого поровну хватило на нас на всех... Смотрю, смеюсь, плачу и... оглядываюсь во все стороны, надеюсь найти какого-нибудь нового чудака, чтоб на его летающем корабле поскорее к входу-выходу...

ЗАЯВЛЕНИЕ ГЛАВЫ ГОСУДАРСТВА РЕСПУБЛИКИ ГРУЗИЯ

Сожалею, что мне еще раз приходится выразить крайнюю озабоченность по поводу трагического развития событий в Абхазии. Абхазские сепаратисты, проигнорировав обязательства, взятые Меморандумом, подписанным в Женеве 1 декабря 1993 года и Коммюнике, принятым 13 января 1994 года, 7—8 февраля начали очередную акцию вандализма. Вооруженный отряд численностью приблизительно в 1 000 человек, используя тяжелую технику, напал на грузинские села Гальского района. Сожжено около 800 жилых домов, учинена расправа над мирным населением. Несколько тысяч грузин согнаны с мест их постоянного проживания и пополнили и без того огромное число насильственно перемещенных лиц и беженцев. Высокогорные села Гальского района, куда не смогли добраться вооруженные силы сепаратистов, подверглись бомбардировке.

В разыгравшейся новой трагедии легко можно распознать характерный для абхазских сепаратистов почерк — продолжается насаждаемая ими фашистская практика этнической чистки и террора населения. Все это указывает на то, что абхазская сторона не заинтересована в установлении мира, так как новая трагедия в Гальском районе совпала по времени с предусмотренными Женевскими переговорами сроками возвращения в Абхазию насильственно перемещенных лиц. Более того, произошедшее заставляет нас думать, что эскалация военных действий абхазских сепаратистов направлена на срыв процесса нормализации русско-грузинских отношений и против установления всеобщего мира в Кавказском регионе.

Мы избрали мирный путь урегулирования конфликта. Альтернатива этому пути — военная эскалация и возобновление военных действий, что повлечет расширение зоны конфликта, принесет неисчислимые жертвы и большое горе не только Грузии.

Единственным выходом является ускорение ввода в Абхазию миротворческих сил с санкции ООН и установление строгого международного наблюдения.

Еще раз обращаюсь к ООН, Совету Безопасности, ко всем странам—участницам, к Генеральному секретарю ООН Бутросу Бутросу Гали безотлагательно принять решение о выводе миротворческих сил и немедленном возвращении туда беженцев.

Я обращаюсь к руководству России, от посреднической и миротворческой миссии которой во многом зависит судьба мира в Грузии, и, в частности, в Абхазии, принять все меры для мирного урегулирования конфликта и достойного возвращения беженцев.

ЭДУАРД ШЕВАРДНАДЗЕ

8 февраля, 1994 г.

Тбилиси

ХРОНИКА

20 ЯНВАРЯ Глава Грузии Эдуард Шеварднадзе посетил с двухдневным официальным визитом Францию, в ходе которого был подписан Договор о согласии, дружбе и сотрудничестве между Францией и Грузией. Руководитель Грузии поставил также свою подпись под Парижской хартией для новой Европы — основополагающим документом Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

3 ФЕВРАЛЯ по приглашению Председателя парламента — Главы государства Э. А. Шеварднадзе в Грузии находился с официальным однодневным визитом Президент Российской Федерации Б. Н. Ельцин.

60.000 КУП.

ИНДЕКС 70117

~~Handwritten scribble~~ 4/9

ყოველთვიური ლიტერატურულ-მეცნიერული და
საზოგადოებრივ-მედიკატურული ჟურნალი
„ლიტერატურა და მედიცინა“
(ბუნებულ მეცნიერებებში)

საქართველოს მწერალთა კავშირის ინიციატივით
გამოსვლის 1957 წლის ივნისიდან